

Казанский социально-гуманитарный вестник

Информационный научно-аналитический журнал 2026, № 3 (74)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Минзарипов Ряз Гатауллович, доктор социологических наук, профессор. Президент Казанского (Приволжского) федерального университета, зав. кафедрой общей и этнической социологии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций КФУ. Почетный работник высшего профессионального образования РФ, Российская Федерация, г. Казань

ВЫПУСКАЮЩИЙ РЕДАКТОР

Липатова Анна Вячеславовна – кандидат политических наук, доцент кафедры общей и этнической социологии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций КФУ, Российская Федерация, г. Казань

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Беляев Владимир Александрович, доктор политических наук, профессор. Заведующий кафедрой социологии, политологии и менеджмента Института инженерной экономики и предпринимательства Казанского национального исследовательского университета им. А.Н. Туполева – КАИ, г. Казань, Россия
Большаков Андрей Георгиевич, доктор политических наук, доцент. Заведующий кафедрой международных отношений, мировой политики и дипломатии Института международных отношений, истории и востоковедения Казанского федерального университета, г. Казань, Россия

Дадаева Татьяна Михайловна, доктор социологических наук, доцент. Заведующая кафедрой социологии и социальной работы Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева, г. Саранск, Россия
Досанова Гулим Мендыгалиевна, PhD по социологии. Старший преподаватель кафедры социологии Высшей школы журналистики и социальных наук Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева, г. Астана, Казахстан

Ершов Андрей Николаевич, доктор социологических наук, профессор. Профессор кафедры регионоведения и цифровой гуманитаристики Института международных отношений, истории и востоковедения Казанского федерального университета, г. Казань, Россия

Ефлова Мария Юрьевна, доктор социологических наук, профессор. Директор Института социально-философских наук массовых коммуникаций Казанского федерального университета, г. Казань, Россия

Зазнаев Олег Иванович, доктор юридических наук, профессор. Заведующий кафедрой политологии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского федерального университета, г. Казань, Россия

УЧРЕДИТЕЛЬ

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет»

Морозова Галина Викторовна, доктор экономических наук, профессор. Заведующая кафедрой связей с общественностью Института социально-философских наук массовых коммуникаций Казанского федерального университета, г. Казань, Россия

Николаева Евгения Михайловна, доктор философских наук, профессор. Профессор кафедры общей философии Института социально-философских наук массовых коммуникаций Казанского федерального университета, г. Казань, Россия

Певная Мария Владимировна, доктор социологических наук, доцент. Заведующая кафедрой социологии и технологий государственного и муниципального управления Уральского федерального университета имени Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия

Савельева Жанна Владимировна, доктор социологических наук, профессор. Профессор кафедры общей и этнической социологии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского федерального университета, г. Казань, Россия

Судьин Сергей Александрович, доктор социологических наук, доцент. Заведующий кафедрой общей социологии и социальной работы Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Шатунова Татьяна Михайловна, доктор философских наук, профессор. Профессор кафедры социальной философии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского федерального университета, г. Казань, Россия

Щелкунов Михаил Дмитриевич, доктор философских наук, профессор. Заведующий кафедрой общей философии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского федерального университета, г. Казань, Россия

Журнал включен в перечень российских рецензируемых научных журналов ВАК (Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации)

Подписной индекс в объединенном каталоге «Урал-пресс» № 11899.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Запись о регистрации средства массовой информации ПИ №ФС77-75726 от 08 мая 2019г.

Цена свободная

Компьютерная верстка, оформление обложки:

А.И. Галиуллина

Адрес редакции: 420008 Республика Татарстан, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 35, каб. 1609

Тел. редакции: (843) 233-76-19

Адрес в сети Интернет: <http://kasogve.elpub.ru/jour>

E-mail: kazvestnik@mail.ru

Подписано в печать 01.10.2026. Дата выхода в свет 01.10.2026.

Формат 70*108 1/16. Бумага офсетная. Печать цифровая.

Печ. л. 7,79. Тираж 300 экз. Заказ № 78/9.

Отпечатано в типографии Издательства

Казанского университета

Адрес издателя и типографии: 420008 Республика Татарстан,

г. Казань, ул. Профессора Нухина, 1/37

тел. (843) 206-52-14 (доп. 1705), 206-52-14 (доп. 1704)

СОДЕРЖАНИЕ

Минзаринов Р.Г. От главного редактора. Искусственный интеллект: очеловечивание машины или механизация человека?4

СОЦИОЛОГИЯ

Ахметшина К.В., Габдулхакова Р.В. Генеративный искусственный интеллект как фактор трансформации профессиональной деятельности в области визуальных коммуникаций8

Быков И.А., Медведева М.В., Шарахина Л.В. Грамотность в области искусственного интеллекта: проблемы социологического измерения.....20

Гончарова О.В., Липатова А.В. Распространение и применение технологий искусственного интеллекта: обзор мировых и российских практик.....30

Горшенин М.Л. Моделирование процессов формирования общественного мнения с использованием мультиагентной ИИ-системы: опыт использования.....43

Кононенко Е.В., Низамова Л.Р. Репрезентация искусственного интеллекта в новостных пабликах ВКонтакте: критический versus апологетический дискурсы54

Нятин Н.В., Головацкий Е.В. Моделирование социально-политического взаимодействия пользователей в региональных сетевых сообществах: нейросетевые возможности.....65

ФИЛОСОФИЯ

Воробьева А.Д., Дмитриев В.А. Пользовательский опыт работы с ChatGPT: феноменологический анализ80

Либерман С.А., Болотников А.С. Онтология гибридной телесности: концепция техно-ассамбляжа на примере аниме «Призрак в доспехах»89

Рубцова А.В., Павенков О.В. Триада Реального, Воображаемого и Символического в контексте искусственного интеллекта, виртуальной и дополненной реальности..... 100

Скипин Н.С. Презумпция генерации: нейросетевая паранойя и кризис доверия к политическому контенту 111

Ульянов А.М., Серегина Т.В. Структурные ограничения использования больших языковых моделей при самодиагностике психических состояний 122

CONTENTS

Minzaripov R.G. Foreword by the Editor-in-Chief. Artificial Intelligence: Humanizing the Machine or Mechanizing the Human?	4
---	---

SOCIOLOGY

Akhmetshina K.V., Gabdulkhakova R.V. Generative Artificial Intelligence as a Factor of Transformation of the Professional Activity of a Presentation Designer	8
Bykov I.A., Medvedeva M.V., Sharakhina L.V. Artificial Intelligence Literacy: Problems of Sociological Measurement.....	20
Goncharova O.V., Lipatova A.V. The Diffusion and Application of Artificial Intelligence Technologies: A Review of Global and Russian Practices	30
Gorshenin M.L. Modeling public opinion formation processes using multi-agent AI systems: practical experience	43
Kononenko E.V., Nizamova L.R. Representation of Artificial Intelligence in VKontakte News Groups: Critical versus Apologetic Discourses	54
Nyatina N.V., Golovatsky E.V. Modeling Socio-Political Interactions of Users in Regional Online Communities: Neural Network Capabilities	65

PHILOSOPHY

Vorobyeva A.D., Dmitriev V. A. User Experience of Working with ChatGPT: A Phenomenological Analysis	80
Liberman S.A., Bolotnikov A.S. Ontology of Hybrid Embodiment: The Concept of Techno-Assemblage in the Anime Ghost in the Shell.....	89
Rubtcova A.V., Pavenkov O.V. The Triad of the Real, the Imaginary and the Symbolic in the Context of Artificial Intelligence, Virtual and Augmented Reality	100
Skipin N.S. Presumption of generation: neural network paranoia and the crisis of trust in political content.....	111
Ulyanov A.M., Seregina T.V. Structural Limitations of the Use of Large Language Models in the Self-Diagnosis of Mental States.....	122

Специальный выпуск

**«Искусственный интеллект и общество:
влияние, вызовы, риски»**

УДК: 316.42:004.8

<https://doi.org/10.26907/2079-5912.2026.3.4-7>

© 2026 г.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

**От главного редактора. Искусственный интеллект:
очеловечивание машины или механизация человека?**

Минзарипов Р.Г.

*Казанский (Приволжский) федеральный университет,
420008, Казань, ул. Кремлевская, д. 18 корп. 1, Российская Федерация*

**Foreword by the Editor-in-Chief. Artificial Intelligence:
Humanizing the Machine or Mechanizing the Human?**

Minzaripov R.G.

*Kazan (Volga Region) Federal University,
420008, Kazan, Kremlevskaya St., 18, Bldg. 1, Russian Federation*

Для цитирования: Минзарипов Р.Г. От главного редактора. Искусственный интеллект: очеловечивание машины или механизация человека? *Казанский социально-гуманитарный вестник*. 2026;3(74):4–7.

For citation: Minzaripov R.G. Foreword by the Editor-in-Chief. Artificial Intelligence: Humanizing the Machine or Mechanizing the Human? *The Kazan Socially-Humanitarian Bulletin*. 2026;3(74):4–7. (In Russ.)

Сегодня ИИ-технологии развиваются рекордными темпами – человечеству понадобилось всего три года, чтобы ежемесячная аудитория нейросетей преодолела планку в 1 млрд пользователей¹. Интенсивность их распространения в 5–8 раз превысила темпы массового внедрения компьютерной техники и интернета. В таких условиях современный человек испыты-

тывает описанный Э. Тоффлером «футурошок», когда общество не успевает за скоростью развития технологий и ощущает экзистенциальную тревогу и дезориентацию. Теория социального ускорения, предложенная в середине 2000-х годов немецким социологом Х. Розой [1], подчеркивает влияние скорости и технологического прогресса на *отчуждение* человека: от времени и пространства, от действий (когда взаимодействие происходит через интерфейсы), от самого себя и других людей (когда нет времени выстраивать

¹ Digital 2026. Global Overview Report. Datareportal. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2026-global-overview-report> (дата обращения: 18.07.2026)

глубокие связи). Наряду с этим возникает необходимость преодоления техноаномии – состояния, когда общество сталкивается с проблемой выработки норм взаимодействия с технологиями, а границы между искусственным и человеческим интеллектами становятся все более размытыми. В этой ситуации как никогда актуализируется роль социологов и философов в поиске смысловых и этических ориентиров, без которых мы рискуем получить мир, где техническое совершенство соседствует с экзистенциальной пустотой.

Со времен Алана Тьюринга, который в своей программной статье «Вычислительные машины и разум» [2] обозначил главный вопрос «Могут ли машины мыслить?», сама постановка проблемы претерпела значительную трансформацию. Сегодня мы уже не столько спрашиваем, *способны ли машины мыслить*, сколько пытаемся проанализировать новые вызовы: как ИИ-модели генерируют знаки-суждения и что влияет на результаты этой генерации; можно ли *заменить* человека искусственными алгоритмами; как трансформируется *социальное взаимодействие* под всепроникающим влиянием ИИ-технологий?.. Поиск ответов на эти и многие другие вопросы предпринимается в рамках ряда социально-философских подходов: социотехнического (где изменения в социум и техносферах взаимозависимы) [3], феноменологического (как ИИ вплетается в ткань «жизненного мира» и как перестраивает нашу повседневность) [4], социально-конструктивистского (как ИИ-технологии влияют на конструирование смыслов и значений) [5], критического (ИИ представляется как инструмент власти, управления и давления) [6], акторно-сетевого (где ИИ – это актор сетевого взаимодействия) [7] и многих других.

В эмпирическом плане исследуется динамика распространения ИИ-технологий и связанных с ними возможно-

стей и рисков, изучается как объективная сторона вопроса, так и восприятие обществом техноперспектив и техноугроз. Безусловно, ИИ позволяет выявлять заболевания на ранних стадиях в медицине, ускоряет разработку новых лекарств, помогает бороться с финансовыми преступлениями и мошенничеством. Для людей с ограниченными возможностями здоровья ИИ становится «окном в мир», помогая ориентироваться в пространстве. В управлении городской средой он позволяет совершенствовать инфраструктуру за счет «умных» технологий; в сфере экологии – отслеживать климатические изменения, моделировать возможные сценарии развития экосистем; в области цифровой социологии – обрабатывать большие объемы данных, находить в них закономерности и т.д. Согласно недавнему опросу ВЦИОМ, высокий уровень пользы от ИИ видят 41% россиян, однако такой технооптимизм не исключает критического восприятия ИИ в ряде областей². Общество беспокоит не столько сама по себе ИИ-технология, сколько утрата человеком своей уникальности и самостоятельности в мире мыслящих машин. Речь идет, прежде всего, о деградации человеческой коммуникации, критического мышления, истинного творчества. Например, 68% российских интернет-пользователей отметили, что их отношение к политическому деятелю скорее ухудшится, если они узнают, что его речь для публичного выступления сгенерирована с помощью ИИ. Общество готово принимать ИИ как прикладной инструмент для анализа больших данных или автоматизации рутинных задач, однако не одобряет его внедрение в сферы, где

² ИИ, который тревожит (американцев) и воодушевляет (россиян). ВЦИОМ. 22 июня 2026 г. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ii-kotoryi-trevozhit-amerikancev-i-voodushevlyaet-rossijan> (дата обращения: 18.07.2026)

требуется человеческое суждение, эмпатия, творческое воображение и моральная ответственность.

Обратимся к еще одному важному исследовательскому вопросу – проблеме формирования ценностных ориентиров в условиях ИИ-трансформации. Аристотелевское эвдемоническое благо, основанное на поиске подлинного счастья и жизненных смыслов, сегодня вытесняется внешними метриками «псевдоуспеха». В логике концепции «текущей современности» З. Баумана алгоритмы не просто рекомендуют тот или иной контент, а заново формируют идентичность человека, задают новые границы самовыражения, вынуждают «переизобретать себя» [9]. Алгоритмические «счетчики» («лайки», рейтинги, рекомендации) подменяют представления о внутреннем благе человека и его духовных потребностях демонстративными атрибутами богатства, статуса, популярности, престижа... *Подлинная жизнь замещается ее образом*, в результате мы наблюдаем процесс, описанный Ги Дебором в философском трактате «Общество спектакля» [8]. Ценности становятся товарами потребления, а веками сложенные смысловые опоры человеческого существо-

вания рискуют быть замещенными симулякрами, лишенными культурной и исторической памяти. Такой аксиологический кризис становится серьезным вызовом как для мирового сообщества в целом, так и для российского общества в частности, особенно в контексте сохранения традиционных ценностей как основы национальной идентичности и гаранта суверенитета нашей страны. Невозможно алгоритмизировать и свести к стандартным метрикам глубинное понимание семьи, веры, служения Отечеству, солидарности, труда как блага.

В конечном счете, главный вопрос эпохи лежит не в противопоставлении человека и машины – это ложная дихотомия, уводящая нас от сути. Еще выдающийся медиафилософ М. Маклюэн писал о медиа как о «расширении» возможностей человека. ИИ-технологии, подобно письменности, книгопечатанию и другим производным прогресса, становятся мощным инструментом преобразования. Однако наша общая ответственность – направлять ИИ в гуманистическое русло и поставить его на службу истинному человеческому благу.

Список литературы / References

1. Rosa H. *Beschleunigung: Die Veränderung der Zeitstrukturen in der Moderne*. Frankfurt am Main: Suhrkamp; 2005. 537 p.
2. Turing A.M. Computing Machinery and Intelligence. *Mind*. 1950;LIX(236):433–460. DOI: 10.1093/mind/LIX.236.433
3. Зашихина И.М. Алгоритмы эпохи компютоцена: от эпистемологической машины к цифровому суверенитету личности. *Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер. «Гуманитарные и социальные науки»*. 2026;26(3):107–117. DOI: 10.37482/2687-1505-V518

- Zashikhina I.M. The Computocene Era: Epistemological Machines and the Search for Algorithmic Fairness. *Herald of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and Social Sciences*. 2026;26(3):107–117. DOI: 10.37482/2687-1505-V518 (In Russ.)
4. Gouveia S.S., Morujão C. Phenomenology and artificial intelligence: introductory notes. *Phenom Cogn Sci*. 2024;23(5):1009–1015. DOI: 10.1007/s11097-024-10040-9
5. Никольский В.С. Коммуникативный искусственный интеллект: концептуализация новой реальности в обра-

зовании. *Высшее образование в России*. 2025;34(6):152–168. DOI: 10.31992/0869-3617-2025-34-6-152-168

Nikolsky V.S. Communicative Artificial Intelligence: Conceptualizing a New Reality in Education. *Higher Education in Russia*. 2025;34(6):152–168. DOI: 10.31992/0869-3617-2025-34-6-152-168 (In Russ.)

6. Lindgren S. *Critical Theory of AI*. 1st ed. Cambridge, UK; Hoboken, NJ: Polity Press; 2024. 224 p.

7. Latour B. *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory*. Oxford; New York: Oxford University Press; 2005. 312 p.

8. Debord G. *The Society of the Spectacle* / transl. by D. Nicholson-Smith. New York: Zone Books; 1994. 154 p.

9. Bauman Z. *Liquid Modernity*. Cambridge: Polity Press; 2000. 228 p.

Информация об авторе

Минзарилов Рияз Гатаулович, доктор социологических наук, профессор, президент Казанского (Приволжского) федерального университета, зав. кафедрой общей и этнической социологии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций КФУ, главный редактор научного рецензируемого журнала «Казанский социально-гуманитарный вестник». SPIN-код 4691-3395, ORCID 0000-0002-5809-4391; e-mail: rminzaripov@yandex.ru

Information about the author

Riyaz G. Minzaripov, Dr. Sci. (Sociology), Professor, President of Kazan (Volga Region) Federal University, Head of the Department of General and Ethnic Sociology at the Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications, Kazan Federal University, Editor-in-Chief of the peer-reviewed scientific journal “The Kazan Socially-Humanitarian Bulletin”. SPIN-code: 4691-3395, ORCID 0000-0002-5809-4391; e-mail: rminzaripov@yandex.ru

Научная статья

Research article

УДК 316.42:004.8

<https://doi.org/10.26907/2079-5912.2026.3.8-19>

© 2026 г.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

Генеративный искусственный интеллект как фактор трансформации профессиональной деятельности в области визуальных коммуникаций

Ахметшина К.В., Габдулхакова Р.В.

*Уфимский государственный нефтяной технический университет,
450064, г. Уфа, ул. Космонавтов, д. 1, Российская Федерация*

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена противоречием между интенсивным внедрением технологий генеративного искусственного интеллекта (далее – ГИИ) в практику визуальных коммуникаций и неопределенностью границ автоматизации творческого труда специалистов в сфере визуальных коммуникаций, в частности, дизайнеров презентаций. Цель статьи – определить, как трансформируется профессиональная деятельность специалистов в области презентационного дизайна под влиянием ГИИ, выявить функциональное разделение задач между человеком и алгоритмическими системами. Ведущим методом исследования выступает качественный сравнительно-функциональный анализ операций проектирования презентаций, дополненный кейс-анализом практики применения генеративных текстовых, графических и видеомоделей. Теоретической базой служат концепции социологии профессий, теория когнитивной нагрузки и когнитивная теория мультимедийного обучения. Исследование показало, что генеративный ИИ хорошо справляется с техническими задачами – поиском иллюстраций, обработкой картинок, созданием черновиков и анимацией. А вот стратегическая часть – анализ аудитории, выстраивание аргументации и разработка сценария – остается за дизайнером, потому что именно она определяет, сработает ли презентация в бизнес-коммуникации. Новизна работы в том, что впервые построена четкая схема распределения задач между дизайнером и генеративным ИИ, а также предложена модель трансформации профессии от «ручного» исполнителя к куратору, управляющему нейросетями. Данные наработки в дальнейшем можно использовать для пересмотра образовательных программ и профстандартов. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования полученных результатов при актуализации образовательных программ подготовки специалистов в области визуальных коммуникаций и разработке корпоративных регламентов использования ГИИ.

Ключевые слова: генеративный искусственный интеллект, визуальная коммуникация, дизайн презентаций, профессиональная трансформация, коммуникационное проектирование, когнитивная нагрузка, алгоритмизация творческих процессов, креативные индустрии, цифровизация, дизайнер-куратор

Для цитирования: Ахметшина К.В., Габдулхакова Р.В. Генеративный искусственный интеллект как фактор трансформации профессиональной деятельности в области визуальных коммуникаций. *Казанский социально-гуманитарный вестник*. 2026;3(74):8–19.

Generative Artificial Intelligence as a Factor of Transformation of the Professional Activity of a Presentation Designer

Akhmetshina K.V., Gabdulkhakova R.V.

Ufa State Petroleum Technological University,
1 Kosmonavtov St., Ufa, 450064, Russian Federation

Abstract. The relevance of the study stems from the contradiction between the rapid adoption of generative artificial intelligence (GenAI) technologies in visual communication practice and the uncertainty regarding the limits of automation of creative labour performed by presentation designers. The aim of the article is to determine the character and boundaries of the transformation of a presentation designer's professional activity under the influence of generative artificial intelligence and to identify the functional division of tasks between humans and algorithmic systems. The leading method is a qualitative comparative-functional analysis of presentation design operations, supplemented by a case analysis of the application of generative text, image and video models; the theoretical framework draws on the sociology of professions, cognitive load theory and the cognitive theory of multimedia learning. The study establishes that operational and technical functions (visual asset search, image processing, draft generation, animation) are subject to automation, whereas the strategic functions of communication design (audience analysis, argumentation development, scenario design) remain dependent on the designer's expertise. The novelty of the work lies in systematising the functional map "designer – generative AI" with respect to presentation design and in substantiating a model of professional transformation from "designer-executor" to "designer-curator and operator of generative systems", which is of practical relevance for revising educational programmes and professional standards.

Keywords: generative artificial intelligence, visual communication, presentation design, professional transformation, communication design, cognitive load, algorithmization of creative processes, creative industries, digitalization, designer-curator

For citation: Akhmetshina K.V., Gabdulkhakova R.V. Generative Artificial Intelligence as a Factor of Transformation of the Professional Activity of a Presentation Designer. *The Kazan Socially-Humanitarian Bulletin*. 2026;3(74): 8–19. (In Russ.)

Введение

В социально-философском ключе взаимодействие человека и алгоритма особенно ярко проявляется в проектировании визуальных коммуникаций. Генеративный искусственный интеллект (далее – ГИИ) помимо автоматизации рутинных операций переопределяет структуру профессиональной деятельности, размывая границы между творчеством и техническим исполнением, авторским замыслом и ге-

нерацией. Презентационный дизайн, сочетающий функции визуализации, коммуникационного проектирования и маркетинга, выступает здесь своеобразной «модельной лабораторией», где трансформация труда под влиянием ИИ проявилась наиболее отчетливо.

Особенностью дизайна презентаций является его промежуточное положение между графическим дизайном, маркетинговыми коммуникациями и копирайтингом. В отличие

от большинства направлений дизайна, конечным продуктом здесь выступает не отдельный графический объект, а сценарий коммуникации, направленный на достижение конкретного результата: убеждение аудитории, поддержку публичного выступления, повышение инвестиционной привлекательности проекта или структурирование сложной информации. В данном случае эффективность презентации оценивается, прежде всего, способностью структурировать информацию, усиливать аргументацию и обеспечивать достижение коммуникативного результата, а не только эстетическими характеристиками. В связи с этим значительная часть профессиональной деятельности дизайнера связана с анализом аудитории, проектированием сценария и управлением когнитивной нагрузкой, что принципиально затрудняет полную алгоритмизацию этих операций.

Актуальность исследования определяется противоречием между двумя тенденциями. С одной стороны, по оценкам зарубежных аналитических исследований, генеративные модели способны автоматизировать значительную долю операционных задач в сфере искусства, дизайна, медиа и развлечений [1]. В научном дискурсе все чаще встречается позиция: генеративный ИИ не заменяет человека, а расширяет его возможности. И это неизбежно ставит вопросы о том, как меняются роли, какие навыки становятся важными и где проходит граница авторства [1; 2]. Поскольку генеративные модели обучаются на статистических закономерностях больших массивов визуальных данных и воспроизводят наиболее вероятные, то есть усредненные, решения, то возникает риск алгоритмической стандартизации визуального контента и связанной с ней унификации визуальной культуры [2; 3].

Как отмечает исследователь цифрового труда К. Эрикссон, внедрение ис-

кусственного интеллекта в креативные индустрии не приводит к линейному исчезновению профессий, а инициирует процессы перераспределения профессиональных функций и формирования новых форм занятости [3]. Сходную позицию занимают Воронкович, Нунан и Скаггс, указывающие на усиление дифференциации внутри креативных профессий в зависимости от способности специалистов интегрировать ГИИ в рабочие процессы [4].

Отечественные исследования также отмечают двойственный характер влияния искусственного интеллекта на рынок визуальных коммуникаций: автоматизацию рутинных процессов наряду с растущим запросом на авторский взгляд, экспертность и доверие к конкретному специалисту [5]. Вместе с тем специфика именно презентационного дизайна как самостоятельной профессиональной деятельности, сочетающей функции визуализации, структурирования информации и коммуникационного проектирования, остается слабо изученной: большинство публикаций посвящено либо общему обзору нейросетевых инструментов, либо отдельным отраслям дизайна (графический, промышленный, UX/UI), без анализа специфики презентации как особого коммуникационного жанра, ориентированного на убеждение и структурирование аргументации.

Цель статьи: определить характер и границы трансформации профессиональной деятельности дизайнера презентаций под влиянием ГИИ, а также выявить функциональное разделение труда между человеком и ИИ-системами в процессе коммуникационного проектирования.

Для достижения цели поставлены следующие задачи:

- 1) систематизировать операции дизайнера презентаций по критерию степени их алгоритмизации;
- 2) проанализировать практику применения генеративных текстовых,

графических и видеомodelей в проектировании мультимедийных презентаций;

3) выявить риски и ограничения ГИИ в задачах визуальной коммуникации;

4) обосновать переход от модели «дизайнер-исполнитель» к модели «дизайнер-куратор и оператор генеративных систем» как ключевой вектор трансформации профессиональной идентичности.

Методология и методы исследования

Исследование опирается на методологию социально-философской интерпретации технологических изменений, дополненную рефлексивным анализом профессионального опыта и функциональной типологией операций. Теоретико-методологическую основу исследования составили три группы концепций. Во-первых, положения социологии профессий, рассматривающие профессиональную деятельность как динамическую систему функций, перераспределяемых под влиянием технологических изменений, а не как статичный набор операций, подлежащий полному замещению [7]. Во-вторых, теория когнитивной нагрузки Дж. Свеллера и когнитивная теория мультимедийного обучения Р. Майера, объясняющие закономерности восприятия визуально-вербальной информации и задающие критерии эффективности визуальной коммуникации – соотношение релевантной (генеративной), организующей и избыточной (посторонней) когнитивной нагрузки [8; 9]. В-третьих, концепция коммуникационного проектирования, согласно которой визуальный продукт рассматривается не как самостоятельная эстетическая единица, а как элемент целостного коммуникационного сценария, нацеленного на решение прагматической задачи – убеждение аудитории, структурирование информации, усиление аргументации [10].

В исследовании используется концепция AI Co-pilot (искусственный интеллект как цифровой соисполнитель), предполагающая рассмотрение ГИИ не как автономного субъекта проектирования, а как инструмента расширения профессиональных возможностей специалиста. В рамках данной модели ответственность за постановку задачи, интерпретацию результатов и принятие проектных решений сохраняется за человеком.

В интерпретации результатов исследования используется подход А. Эббота, который рассматривает профессиональные системы как пространство конкуренции за профессиональную юрисдикцию – право на выполнение определенных видов деятельности и принятие экспертных решений. Согласно данной концепции, технологические изменения не обязательно приводят к исчезновению профессии, но могут сопровождаться перераспределением отдельных функций между профессиональными группами и техническими системами [7].

Эмпирическую базу исследования составили результаты включенного наблюдения за процессом разработки 24 презентационных проектов, реализованных в 2024–2026 гг. в сфере образовательных, корпоративных и коммерческих коммуникаций с использованием генеративных моделей следующих типов: текстовых – для структурирования информации, сокращения текстов слайдов и подготовки промптов; генеративных моделей создания и обработки изображений – для генерации визуальных концепций, иллюстраций, дорисовки объектов и удаления фона; моделей видео и анимации – для анимации статичных изображений и создания динамических визуальных решений; инструментов постобработки – для повышения качества изображений.

Основным методом исследования является качественный сравнитель-

но-функциональный анализ. Авторами предложена типология операций по двум критериям: степени алгоритмической воспроизводимости (насколько задача может быть решена на основе статистических закономерностей обучающих данных без привлечения дополнительного контекста) и степени зависимости от контекстуальной экспертизы (необходимость учета специфики аудитории, целей коммуникации, фирменного стиля заказчика). На основе данной классификации построена функциональная карта распределения операций между дизайнером и генеративными моделями (Табл. 1). Дополнительно применен метод кейс-анализа: рассмотрены типовые задачи проектирования презентаций, в которых сопоставлены результаты, полученные при автономном использовании ИИ-инструментов, и результаты, требующие непосредственного участия дизайнера на этапе принятия проектных решений.

Поскольку исследование основано на анализе профессиональной практики проектирования и не предполагает сбора персональных данных третьих лиц (опросов, интервью, анкетирования), вопросы получения информированного согласия участников в данном случае не применимы; представленные материалы не содержат сведений, позволяющих идентифицировать заказчиков рассматриваемых проектов.

Результаты

Сравнительно-функциональный анализ операций, составляющих профессиональную деятельность дизайнера презентаций, позволил систематизировать их в виде функциональной карты (Табл. 1), отражающей степень алгоритмизации каждой операции и характер распределения ролей между ГИИ и дизайнером.

Из Таблицы 1 видно, что задачи с высокой степенью алгоритмизации – это в основном технические операции.

Генеративный ИИ показывает наилучшие результаты там, где качество можно оценить по формальным признакам: нет артефактов, соблюдено разрешение, объект выделен корректно. Модель справляется с этим сама, потому что такие критерии заложены в обучающих данных и не требуют понимания коммуникативной задачи. Проведенный анализ позволяет также сделать принципиальный вывод: уровень алгоритмизации операции обратно пропорционален ее зависимости от коммуникационного контекста: чем больше задача требует понимания целей проекта, особенностей аудитории и критериев успеха коммуникации, тем ниже потенциал ее полной автоматизации.

Стоит также отметить природу генеративных моделей как статистических систем: результатом их работы является наиболее вероятная, то есть усредненная, комбинация визуальных элементов. Это объясняет тенденцию к однотипности визуальных решений независимо от используемой модели – повторяющихся композиционных схем, цветовых палитр и стилистических приемов. Для презентационного дизайна, где ценность решения определяется его соответствием уникальному фирменному стилю и коммуникационной задаче проекта, статистическая усредненность результата представляет риск того, что сгенерированный материал может противоречить требованиям уникальности и узнаваемости бренда заказчика.

Принципиальное различие между генерацией контента и проектированием коммуникации заключается в том, что первая сводится к техническому воспроизведению визуальных или текстовых элементов, в то время как второе требует ситуационной адаптации. Генеративная модель способна по запросу создать изображение, текстовый блок или анимацию, однако она не имеет доступа к коммуникаци-

Таблица 1

**Функциональная карта операций дизайнера презентаций
в условиях применения ГИИ**

Операция / этап проектирования	Степень алгоритмизации	Роль генеративного ИИ	Роль дизайнера
Поиск визуальных референсов, генерация визуальных концепций	высокая	Генерация множества вариантов изображений по текстовому запросу	Формулирование запроса, отбор и оценка релевантности вариантов
Обработка изображений: удаление фона, дорисовка объектов, повышение качества (upscaling)	высокая	Автоматическое выполнение технической операции	Контроль качества, интеграция результата в общий стиль слайда
Структурирование текстовой информации, сокращение текста для слайдов	средняя	Генерация черновых формулировок и вариантов сокращения	Редактирование, расстановка смысловых акцентов, проверка точности
Подготовка промптов для генеративных моделей	средняя	Не выполняется автономно	Формулирование задачи на основе коммуникационного контекста
Анимация статичных изображений	высокая	Автоматизация движения объектов и переходов	Выбор момента, ритма и смысловой нагрузки анимации
Анализ аудитории и коммуникационных целей	низкая	Не выполняется автономно	Определение целевой аудитории, целей и ограничений проекта
Разработка аргументации и сценария презентации	низкая	Может предложить черновую структуру по запросу	Определение логики, последовательности и смысловых акцентов
Принятие итоговых проектных решений (выбор концепции, утверждение макета)	низкая	Генерация альтернативных вариантов	Финальный выбор, согласование с заказчиком, ответственность за результат

Источник: составлено авторами

онному контексту проекта – характеристикам аудитории, иерархии аргументов, последовательности подачи информации, ограничениям корпоративного стиля. Более того, модель не учитывает актуальные тренды дизайна и конъюнктуру рынка, без знания которых даже технически качественный результат рискует оказаться невостребованным или устаревшим. Эффективная визуальная коммуникация, согласно когнитивной теории мультимедийного обучения, предполагает целенаправленное распределение на-

грузки между визуальным и вербальным каналами с целью минимизации посторонней и максимизации релевантной нагрузки [8; 9]. Такое распределение, как и ориентация на текущие рыночные условия, требует понимания аудитории и не может быть выполнено моделью автономно.

Таким образом, главная ценность специалиста в области презентационного дизайна определяется не просто умением производить визуальный контент как таковой, а способностью интегрировать инструменты визу-

альной коммуникации, маркетинга, копирайтинга и ГИИ для достижения конкретных бизнес-результатов. ГИИ может выступать инструментом реализации отдельных элементов дизайна, но не его автором.

Вышесказанное подтверждает также практика применения генеративных моделей в условиях дефицита времени. Например, при подготовке инфографики для образовательного вебинара в режиме, близком к реальному времени, знание фирменного стиля заказчика (цвета, шрифты, компоновка) и умение грамотно сформулировать запрос для нейросети позволили за несколько минут получить готовое решение. Результат был достигнут не инструментом сам по себе, а сочетанием инструмента с экспертизой специалиста: без знания стиля и навыка точной формулировки задачи материал потребовал бы существенной переработки. Данный пример иллюстрирует общую закономерность: ГИИ усиливает производительность специалистов с развитой коммуникационной экспертизой, в то время как прирост эффективности при ее отсутствии остается ограниченным.

В целях соблюдения конфиденциальности реальных заказчиков, а также для выделения сущностных, а не единичных характеристик взаимодействия дизайнера и ГИИ, приведем абстрактный (обобщенный) пример, сохраняющий ключевые параметры типового проекта. Представим задачу по разработке визуальной концепции для премиальной ювелирной продукции. Дизайнер формирует смысловую платформу бренда, затем с помощью генеративных моделей создает и дорабатывает арт-изображения. При грамотном промпт-инжиниринге и кураторской адаптации использование ИИ позволяет существенно сократить затраты на продакшн и ускорить вывод кампании, обеспечивая при этом единый премиальный визуальный образ, узнаваемость и конкурентное преимущество. Данный модельный пример показывает, что ценность специалиста определяется не фактом использования нейросетей, а способностью выстроить смысловую рамку, корректно поставить генеративным моделям задачи и отобрать соответствующий позиционированию результат (Рис. 1).

Рис. 1. Модельная иллюстрация к абстрактному примеру разработки визуальной концепции премиальной ювелирной продукции

Источник: создано авторами

Полученные результаты свидетельствуют, что ГИИ может выступать как в роли инструмента оперативного решения задач в условиях жесткого дефицита времени, так и в роли средства реализации уникальных визуальных концепций, которые потребовали бы значительно больших ресурсов при традиционном подходе. В обоих случаях использование нейросетей расширяет возможности дизайнера, позволяя достичь результатов, которые при ограниченных временных и бюджетных ресурсах были бы затруднительны или невозможны при использовании исключительно традиционных методов.

Ключевой критерий уязвимости – не сама профессия, а тип выполняемых задач. Те, кто занят чисто техническим производством (поиск картинок, обработка, верстка по шаблону), оказываются в зоне риска: эти операции генеративный ИИ выполняет эффективно и без участия человека. И напротив, специалисты, работающие с аудиторией, аргументацией и сценарием, остаются востребованными – здесь автоматизация пока бессильна. Этот вывод согласуется с данными о том, что в креативных индустриях под удар попадают прежде всего операционные задачи [1].

Результаты исследования позволяют сформулировать итоговую модель профессиональной трансформации: переход от «дизайнера-исполнителя», самостоятельно выполняющего весь цикл операций – от поиска материалов до финальной верстки, – к «дизайнеру-куратору и оператору генеративных систем». В новой модели специалист определяет коммуникационную задачу и сценарий презентации, формулирует задания для нескольких специализированных моделей (текстовых, графических, видео, постобработки), оценивает и отбирает результаты их работы, адаптирует материалы к фирменному стилю и принимает итоговые проектные решения. Объем операци-

онной нагрузки сокращается, а роль координирующих, оценочных и проектных функций возрастает.

Обсуждение

Таким образом, результаты показывают, что генеративный ИИ не вытесняет дизайнера, а перераспределяет его задачи. Данный вывод также согласуется с зарубежными исследованиями, где ИИ в креативных индустриях описывают как инструмент расширения профессиональных возможностей. Главное условие успеха – найти грань, где технологии работают на результат, но при этом не обесценивают роль эксперта [1; 2; 6].

С точки зрения социологии профессий, данная трансформация может выглядеть как пересмотр границ профессиональной юрисдикции в пользу алгоритмических систем: автоматизируемые технические операции переходят к цифровым инструментам, тогда как контроль над коммуникационным проектированием, оценкой качества решения и ответственностью за результат остается в сфере профессиональной компетенции дизайнера [7].

Парадоксальным следствием распространения ГИИ становится рост ценности человеческой экспертизы. Если на ранних этапах развития генеративных технологий сам факт создания контента с использованием нейросетей воспринимался как инновационный результат, то по мере распространения подобных инструментов эффект новизны постепенно снижается. В условиях массовой доступности генеративного контента конкурентным преимуществом становится способность не просто создавать изображения или тексты при помощи ИИ, а использовать их для решения уникальных коммуникационных задач.

В профессиональных дискуссиях все чаще обсуждается проблема различимости и аутентичности генеративного контента: ключевой ценностью

становится его «очистка» от ИИ, добавление «шероховатостей» и личного авторского взгляда [5]. Это подтверждает формирование феномена «премиальной человечности» (авторы предлагают использовать это понятие для обозначения роста ценности экспертной интерпретации, персональной ответственности и контекстуального знания в условиях массовой доступности генеративного контента). Этот феномен проявляется парадоксальным образом: чем шире распространяются технологии ГИИ, тем выше становится ценность компетенций, которые остаются уникальными для человека. По мнению Л. Флориди, развитие ГИИ не устраняет необходимость человеческого участия, а смещает фокус профессиональной деятельности в сторону ответственности, интерпретации и принятия решений. Именно эти функции в условиях массового производства контента становятся источником профессиональной ценности специалиста [11].

Во-первых, массовая генерация визуального контента приводит к его статистической усредненности. Однотипные композиции, цветовые решения и стилистические приемы перестают восприниматься как инновационные. В этих условиях заказчик начинает искать не просто «картинку», а интерпретацию – почему выбрано именно это визуальное решение, как оно работает на конкретную аудиторию и бизнес-задачу.

Во-вторых, когда заказчик выбирает дизайнера, он платит не за картинку, а за ответственность, которую берет на себя специалист. Готовый сгенерированный материал может быть технически идеальным, но, если он не попадает в аудиторию, портит бренд или расставляет не те смыслы, отвечать за это некому, кроме человека, который его использовал. Дизайнер, который готов взять на себя эту ответственность, становится незаменимым.

В-третьих, презентационный дизайн как жанр бизнес-коммуникации особенно чувствителен к экспертной интерпретации. В отличие от генерации обоев для рабочего стола, презентация всегда нацелена на конкретный результат: убедить инвестора, донести стратегию до сотрудников или структурировать сложные данные для клиента. Достижение этих целей требует не столько технического мастерства, сколько понимания контекста и психологии восприятия – того, что генеративная модель по определению не имеет.

Полученные результаты позволяют интерпретировать ГИИ не как автономную систему принятия проектных решений, а как AI Co-pilot – цифрового соисполнителя, усиливающего продуктивность специалиста при сохранении человеческого контроля над целеполаганием и оценкой результата.

Таким образом, «премиальная человечность» становится нематериальным активом дизайнера-куратора, который определяет в новой профессиональной реальности его конкурентоспособность.

В широком смысле «технологический дуализм» в креативных индустриях обычно понимают как напряжение между автоматизацией и спросом на аутентичность. Наша работа уточняет этот тезис применительно к презентационному дизайну. Здесь дуализм выглядит иначе: это разделение на технические задачи, которые можно алгоритмизировать, и стратегические, которые без человека не решить. Такое уточнение переводит разговор с абстрактных оценок на конкретную функциональную карту – а ее уже можно использовать для пересмотра должностных инструкций и учебных программ [12].

Особого внимания заслуживает риск стандартизации визуального контента. С точки зрения когнитивной теории мультимедийного обуче-

ния, снижение технического барьера для производства визуально «компетентного» контента не равнозначно повышению эффективности коммуникации: нерелексивное использование генеративных моделей может приводить к насыщению презентации визуально привлекательными, но стилистически однородными элементами, увеличивающими постороннюю когнитивную нагрузку и снижающими различимость авторского сообщения [8; 9]. Задача дизайнера-куратора состоит не только в отборе эстетически удачных вариантов, но и в фильтрации материала по критерию соответствия коммуникационной цели – функция, не делегируемая генеративной модели.

Следовательно, распространение ГИИ может привести к поляризации профессионального сообщества. Наибольшему риску подвергаются специалисты, выполняющие преимущественно технические операции производства контента. В то же время возрастает востребованность специалистов, способных работать на стыке визуальной коммуникации, маркетинга, аналитики и управления генеративными инструментами.

Полученные результаты имеют ограничения, связанные с качественным характером исследования: анализ основан на кейсах профессиональной практики и не предполагает статистического обобщения на профессиональное сообщество в целом. Рассмотренный набор инструментов отражает состояние технологий ГИИ на момент исследования и может изменяться. Это определяет направления дальнейших исследований: количественное изучение восприятия трансформации профессии среди практикующих дизайнеров презентаций, сравнительный анализ функциональных карт для смежных профессий визуальных коммуникаций, разработка критериев оценки степени визуальной стандартизации контента.

Заключение

Таким образом, ГИИ следует рассматривать не как технологию замещения дизайнера презентаций, а как инструмент перераспределения профессиональных функций. В этих условиях конкурентоспособность специалиста определяется не объемом выполняемой ручной работы, а способностью проектировать коммуникацию, управлять генеративными системами и обеспечивать достижение измеримых результатов бизнес-коммуникации.

Полученные результаты согласуются с выводами Э. Вальковяк о комплементарном характере взаимодействия человека и ГИИ, при котором технологические системы замещают отдельные операции, но одновременно повышают значимость творческих и интерпретативных компетенций специалиста [13].

Теоретическая значимость работы состоит в систематизации функциональной карты распределения операций между дизайнером и ГИИ применительно к недостаточно изученному в литературе жанру презентационного дизайна, а также в обосновании модели профессиональной трансформации «от дизайнера-исполнителя к дизайнеру-куратору и оператору генеративных систем», дополняющей дискуссию о трансформации творческих профессий в условиях цифровизации.

Полученная функциональная карта может быть использована для пересмотра образовательных программ и профессиональных стандартов в области визуальных коммуникаций. В частности, предлагается сместить акцент с освоения отдельных графических инструментов на развитие компетенций коммуникационного проектирования (анализ аудитории, аргументация, сценарий) и навыков «оркестрации» генеративных систем – умения формулировать задачи, оценивать и адаптировать результаты работы нескольких специализированных моделей в рам-

ках единого коммуникационного продукта. Дальнейшие исследования могли бы быть направлены на количественное изучение восприятия этих изменений среди практикующих дизайнеров, анализ динамики професси-

ональных рисков в смежных областях, а также разработку методик оценки степени стандартизации визуального контента, создаваемого с помощью генеративных моделей.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Conflict of interest. The authors declare no conflicts of interest.

Список литературы / References

1. Anantrasirichai N., Bull D.R. Artificial intelligence in the creative industries: a review. *Artificial Intelligence Review*. 2022;55:589–656. DOI: 10.1007/s10462-021-10039-7
2. Tsao J., Liang C.X., Nogues C., Wong A. Perceptions and integration of generative artificial intelligence in creative practices and industries: a scoping review and conceptual model. *AI & Society*. 2026;41(3):2259–2278. DOI: 10.1007/s00146-025-02667-2
3. Erickson K. AI and work in the creative industries: digital continuity or discontinuity? *Creative Industries Journal*. 2024;1–21. DOI: 10.1080/17510694.2024.2421135
4. Woronkowicz J., Noonan D.S., Skaggs R. GenAI and Creative Labor: New Evidence on Valuation, Inequality, and Adoption. *Work and Occupations*. 2026;53(3):599–634. DOI: 10.1177/07308884261450882
5. Кудряшов М.А. Перспективы интеграции генеративного искусственного интеллекта в профессиональную деятельность дизайнера. *Молодой ученый*. 2025;20(571):157–160.
Kudryashov M.A. Prospects for the integration of generative artificial intelligence into the professional activity of a designer. *Young Scientist*. 2025;20(571):157–160. (In Russ.)
6. Ricci N., Guyon T., Hooge S. The Rise of "Alone Teamwork": Unveiling the Transformations in the Creation Process of Artists Using Generative Artificial Intelligence Tools. In: Massi M., Prokupek M., Ricci A., Ostilio M.C., editors. *Artificial Intelligence in the Cultural and Creative Sectors: Opportunities, Challenges, and Transformations*. Routledge; 2025. Ch. 5. 278 p.
7. Abbott A. *The System of Professions: An Essay on the Division of Expert Labor*. Chicago: University of Chicago Press; 1988. 435 p.
8. Sweller J. Cognitive load during problem solving: effects on learning. *Cognitive Science*. 1988;12(2):257–285. DOI: 10.1207/s15516709cog1202_4
9. Mayer R.E. *Multimedia Learning*. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press; 2009.
10. Frascara J. *Communication Design: Principles, Methods, and Practice*. New York: Allworth Press; 2004. 240 p.
11. Floridi L., Chiriatti M. *GPT-3: its nature, scope, limits, and consequences*. *Minds and Machines*. 2020;(30):681–694. DOI: 10.1007/s11023-020-09548-1
12. Liu Z. Human-AI Co-Creation: A Framework for Collaborative Design. *arXiv*. 2025. URL: <https://arxiv.org/abs/2507.17774> (да13. Walkowiak E. Substitution and Complementarity between Generative AI and Human Creativity. *SSRN*. 2025. 55 p. DOI: 10.2139/ssrn.5285830

Информация об авторах

Ахметшина Камилла Вадимовна, студент 4 курса кафедры социальных и политических коммуникаций, Уфимский государственный нефтяной технический университет; e-mail: kam2003kamilla@yandex.ru

Габдулхакова Рита Виллуновна, доцент кафедры социальных и политических коммуникаций, Уфимский государственный нефтяной технический университет. SPIN-код 8794-9041; e-mail: 56810rita@mail.ru

Information about the authors

Kamilla V. Akhmetshina, 4th year student, Department of Social and Political Communications, Ufa State Petroleum Technological University; e-mail: kam2003kamilla@yandex.ru

Rita V. Gabdulkhakova, Associate Professor of the Department of Social and Political Communications, Ufa State Petroleum Technological University. SPIN-code 8794-9041; e-mail: 56810rita@mail.ru

Поступила в редакцию 14.06.2026

Принята после рецензирования 15.08.2026

Принята к публикации 01.09.2026

Received June 14, 2026

Revised August 15, 2026

Accepted September 1, 2026

Научная статья

Research article

УДК 316.776.32

<https://doi.org/10.26907/2079-5912.2026.3.20–29>

© 2026 г.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

Грамотность в области искусственного интеллекта: проблемы социологического измерения

Быков И.А., Медведева М.В.

*Санкт-Петербургский государственный университет,
199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7-9,
Российская Федерация*

Шарахина Л.В.

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ», 197022, Санкт-Петербург, ул. Профессора Попова, д. 5,
Российская Федерация*

Аннотация. Статья посвящена социологическому измерению грамотности в области искусственного интеллекта (ИИ) на примере российской студенческой молодежи. Актуальность исследования обусловлена повсеместным внедрением технологий ИИ, что порождает когнитивные, социальные и образовательные риски. Авторы анализируют зарубежные подходы к концептуализации ИИ-грамотности как способности критически осмысливать, использовать и взаимодействовать с системами ИИ. Эмпирической базой стал анкетный опрос 401 студента бакалавриата и магистратуры (декабрь 2024 – январь 2025). Интегральный балл грамотности (максимум 17) составил в среднем 8,2. Результаты подтверждают, что технический профиль образования является наиболее сильным предиктором уровня знаний (разница с «гуманитариями» 1,7 балла, $p < 0,001$). Гендерные различия оказались статистически незначимыми после контроля профиля обучения. Выявлена слабая положительная корреляция с возрастом ($r = 0,21$), причем основной прирост компетенций приходится на переход от школьного обучения к университетскому (19–20 лет). Авторы приходят к выводу о необходимости междисциплинарных программ для преодоления разрыва в ИИ-грамотности между техническими и гуманитарными специалистами.

Ключевые слова: медиаграмотность, искусственный интеллект, медиаобразование, цифровая грамотность, цифровая социология, молодежь, массовые коммуникации, социология коммуникаций

Для цитирования: Быков И.А., Медведева М.В., Шарахина Л.В. Грамотность в области искусственного интеллекта: проблемы социологического измерения. *Казанский социально-гуманитарный вестник*. 2026;3(74):20–29.

Artificial Intelligence Literacy: Problems of Sociological Measurement

Bykov I.A., Medvedeva M.V.

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

Sharakhina L.V.

*St. Petersburg State Electrotechnical University "LETI",
Saint Petersburg, Russian Federation*

Abstract. This article examines the sociological measurement of artificial intelligence (AI) literacy using Russian university students as an example. The relevance of the study is driven by the widespread adoption of AI technologies, which poses cognitive, social, and educational risks. The authors analyze international approaches to conceptualizing AI literacy as the ability to critically understand, use, and interact with AI systems. The empirical basis for the study was a questionnaire survey of 401 undergraduate and graduate students (December 2024 – January 2025). The integrated literacy score (maximum 17) averaged 8.2. The results confirm that a technical education profile is the strongest predictor of knowledge (the difference with humanities students was 1.7 points, $p < 0.001$). Gender differences were statistically insignificant after controlling for the educational profile. A weak positive correlation with age ($r = 0.21$) was found, with the main increase in competencies occurring during the transition from school to university (ages 19–20). The authors conclude that interdisciplinary programs are needed to bridge the AI-literacy gap between technical and humanities professionals.

Keywords: media literacy, artificial intelligence, media education, digital literacy, digital sociology, youth, mass communications, sociology of communications

For citation: Bykov I.A., Medvedeva M.V., Sharakhina L.V. Artificial Intelligence Literacy: Problems of Sociological Measurement. *The Kazan Socially-Humanitarian Bulletin*. 2026;3(74):20–29. (In Russ.)

Введение

Искусственный интеллект (ИИ) перестал быть эксклюзивной областью компьютерных наук и всё более проникает в повседневную практику миллионов людей, которые используют его практически везде: от рекомендательных алгоритмов и голосовых ассистентов до генеративных нейросетей и систем автоматизированного принятия решений. Согласно докладу ЮНКТАД (Конференция ООН по торговле и развитию), уже в 2025 году более 40% рабочих мест в той или иной степени были затронуты внедрением технологий ИИ¹.

В этих условиях на первый план выходит не только технологическая, но и социальная проблема: необходимо понимание того, насколько широкие слои населения способны критически оценивать работу ИИ, понимать его ограничения и участвовать в общественном обсуждении этических и правовых аспектов его применения.

По аналогии с устоявшимся подходом к характеристике феномена медиаграмотности, появилось определение ИИ-грамотности или грамотности в сфере искусственного интеллекта (AI literacy). Под ИИ-грамотностью

¹ UNCTAD. AI's \$4.8 trillion future: UN Trade and Development alerts on divides, urges action [Internet]. Geneva: UNCTAD; 2025 Apr 7. URL: <https://>

unctad.org/press-material/ais-48-trillion-future-un-trade-and-development-alerts-divides-urges-action (access date: 15.06.2026).

чаще всего подразумевают «способность понимать, использовать, отслеживать и критически осмысливать приложения ИИ» [1]. Известное определение дали Д. Лонг и Б. Магерко, которые трактуют ИИ-грамотность как набор «компетенций, позволяющих людям критически оценивать технологии искусственного интеллекта, эффективно общаться и сотрудничать с ИИ, а также использовать ИИ как инструмент онлайн, дома и на рабочем месте» [2]. Они предложили свою модель измерения ИИ-грамотности через 17 компетенций. М. Доуз и Ч. Бекетт выделили три важных компонента ИИ-грамотности: первый компонент можно обозначить как понимание сущности искусственного интеллекта, второй – как понимание, в каких случаях можно максимально эффективно его применить, третий – это навыки по работе с искусственным интеллектом, которым вы можете научить других для того, чтобы его использовать максимально эффективно [3]. Таким образом, ИИ-грамотность находится в ряду таких смежных понятий, как цифровая грамотность, медиаграмотность, информационная грамотность и т.п. Очевидно, что базовыми навыками в этих сферах должен обладать каждый индивид для полноценного и осознанного функционирования в современном социуме.

В российской социологии можно выделить работы по цифровой грамотности [4], общим проблемам ИИ-грамотности [5], а также единичные публикации о восприятии ИИ [6]. Однако комплексных исследований, измеряющих именно грамотность в области ИИ как самостоятельный конструкт на российской выборке, до сих пор не проводилось. Особенно перспективным направлением может стать изучение ИИ-грамотности молодежи, так как именно она является проводником инноваций во всем обществе.

Цель данной статьи заключается в изучении уровня ИИ-грамотности российских студентов, а также в выделении факторов, способствующих повышению этого уровня.

Материалы и методы

Один из возможных подходов к измерению уровня ИИ-грамотности может быть основан на решении заданий. Так, в исследовании М. Хорнбергера, А. Беверсдорфа и С. Нерделя каждому респонденту было дано 31 задание на проверку различных компетенций в области технологий искусственного интеллекта. В результате студенты смогли решить в среднем по 18 заданий. Примечательно, что в результате опроса о самооощущениях студентов относительно их персонального уровня грамотности в сфере искусственного интеллекта, большинство давало средние оценки [7].

Другой подход в измерении ИИ-грамотности представлен в исследовании корейских ученых, которые пошли дальше и разработали соответствующую шкалу для оценки грамотности в сфере искусственного интеллекта [8]. Ключевыми компонентами, которые исследователи предлагают измерять, являются: социальное влияние искусственного интеллекта, понимание искусственного интеллекта, план реализации искусственного интеллекта, решение проблем с помощью искусственного интеллекта, информационная грамотность, этика искусственного интеллекта. Также можно выделить в этой связи обзорное исследование Т. Линтнера, систематизирующее различные уже существующие шкалы для измерения грамотности в сфере искусственного интеллекта [9].

В рамках нашего исследования мы предложили студентам ответить на вопросы, которые описывают различные компоненты грамотности в сфере искусственного интеллекта: общие во-

просы о том, что такое ИИ, технические вопросы, касающиеся машинного обучения, вопросы, связанные с критическим мышлением и способностью человека отличать задания, выполненные ИИ и человеком, а также ряд вопросов, связанный с этикой использования искусственного интеллекта². После заполнения всех пунктов опросника студент мог получить максимум 17 баллов, если верно ответит на все вопросы. Значительная часть вопросов была нами позаимствована из исследования группы немецких учёных под руководством М. Хорнбергера [7], однако некоторые вопросы нами были заменены или откорректированы, чтобы сделать анкету более простой и доступной для понимания как студентам технических вузов, так и гуманитарных.

Эмпирическую базу составили данные анкетного опроса, проведённого в декабре 2024 – январе 2025 года. Выборка – целевая (студенты бакалавриата и магистратуры), объём – 401 респондент. Возраст респондентов варьируется от 17 до 42 лет, однако основное ядро выборки (более 85%) составляют молодые люди в возрасте от 17 до 23 лет, со средним значением около 20-21 года, при этом старшие респонденты (магистранты и единичные случаи старше 30 лет) представлены незначительно. Гендерный состав сбалансирован: доля мужчин и женщин распределилась примерно поровну (52% и 48% соответственно). Что касается профиля обучения, выборка разделилась на две сопоставимые по объёму группы: около 49% респондентов отнесли себя к «гуманитарному» профилю и 51% – к «техническому». Наконец, по уровню образования преобладают студенты бакалавриата (примерно 85%), тогда как магистранты составляют около 15% выборки, что отражает типичную структуру студен-

ческой популяции [10]. Статистическая обработка проводилась в среде Python (библиотеки SciPy, statsmodels) с использованием t-критерия Стьюдента, ANOVA, корреляционного анализа и множественной линейной регрессии.

В качестве гипотез нами были выдвинуты следующие предположения:

H1. Средний суммарный балл респондентов с техническим профилем образования («технари») статистически значимо выше, чем средний суммарный балл респондентов с гуманитарным профилем («гуманитарии»). Обоснованием этой гипотезы является понимание того, что техническое образование предполагает более частое знакомство с математикой, алгоритмами, программированием и компьютерными науками, что напрямую связано с пониманием принципов работы ИИ. Гуманитарное образование – реже включает эти темы в обязательную программу.

H2. Средний суммарный балл респондентов мужского пола статистически значимо выше, чем средний суммарный балл респондентов женского пола. Обоснованием этой гипотезы являются данные о гендерном разрыве в STEM-образовании (Science, Technology, Engineering, Mathematics), где имеется более высокая доля мужчин среди студентов технических специальностей и возможна разница в интересе к технологическим темам. Однако важно проверить, сохраняется ли разница после контроля профиля образования.

H3. Между возрастом респондента и его суммарным баллом существует статистически значимая положительная корреляция: с увеличением возраста уровень грамотности в области ИИ повышается. Обоснование связано с тем, что более старшие респонденты (например, студенты магистратуры) имеют за плечами больше лет формального образования, больше времени для накопления знаний о тех-

² GitHub. URL: <https://github.com/prof-bykov/ai-literacy> (дата обращения: 01.06.2026).

нологиях, а также, возможно, больше практического опыта использования ИИ-сервисов. Внутри выборки ожидается, что магистры (старше 23 лет) покажут результаты выше, чем более младшие бакалавры (17–19 лет).

Н4. Профиль образования является наиболее сильным предиктором суммарного балла, тогда как пол перестаёт быть значимым после статистического контроля профиля (эффект пола объясняется неравномерным распределением мужчин и женщин по техническим и гуманитарным специальностям). Обоснование гипотезы связано с предположением, что разница между мужчинами и женщинами в технической грамотности – это псевдофакт, так как мужчины просто чаще выбирают технические специальности. Если сравнить мужчин и женщин внутри одной профильной группы, разница исчезнет.

Н5. Зависимость между возрастом и суммарным баллом имеет нелинейный характер: наиболее заметный прирост грамотности происходит в интервале между 19 и 20 годами (переход от школьного к университетскому образованию), тогда как различия между 20–22-летними и теми, кто в возрасте 23 года и старше, выражены слабее. Обоснование гипотезы связано с тем, что университетское образование (особенно на старших курсах магистратуры) работает по модели качественного скачка в процессе накопления знаний об ИИ. Первый курс бакалавриата – важный момент экспозиции к новым темам, после которого происходит резкое повышение уровня цифровой грамотности.

Первые три гипотезы являются базовыми, в то время как четвертая и пятая – дополнительными.

Результаты и обсуждение

Оценивая результаты теста уровня ИИ-грамотности, следует сказать, что распределение суммарного балла

ИИ-грамотности ($M^3 = 8,2$; $SD^4 = 3,1$; медиана = 8,0; $n = 401$) умеренно отклоняется от нормального: наблюдается положительная асимметрия ($Skewness^5 = 0,48$), свидетельствующая о небольшом «хвосте» в области высоких значений (14–17 баллов), тогда как эксцесс близок к нулю ($Kurtosis^6 = -0,12$). Основная масса респондентов (около 65%) концентрируется в интервале 5–11 баллов с пиком в районе 7–9 баллов. Несмотря на статистически значимое отклонение от нормальности по тесту Шапиро-Уилка ($p < 0,05$), форма распределения является достаточно близкой к нормальной для обоснованного применения параметрических методов анализа при данном объёме выборки (см. Рис. 1). Эти результаты говорят о том, что наша модель оценки ИИ-грамотности является достаточно сложной и хорошо отражает весь спектр оценок.

Проверка гипотезы о влиянии профиля образования (Н1) показала, что средний балл в группе «Технический профиль» составил 9,1 ($SD = 2,9$), в группе «Гуманитарный профиль» оказался 7,4 ($SD = 3,0$). Разница средних равна 1,7 балла в пользу «технарей». Согласно t-критерию Стьюдента для независимых выборок, различия статистически значимы: $t(378) = 5,61$, $p < 0,001$. Размер эффекта, измеренный с помощью коэффициента Коэна d , составил 0,57, что соответствует среднему эффекту (по классификации Коэна). Среди «технарей» доля респондентов с высокими баллами (11–17) – 34%, тогда как среди «гуманитариев» – только 18% ($\varphi = 0,18$, $p = 0,001$). Доля респондентов с низкими баллами (0–5) в группе «гуманитариев» составляет 31%, что в 2,2 раза выше, чем среди «технарей» (14%). Таким образом, первая гипотеза принимается: профиль образования

³ M (Mean) – среднее значение

⁴ SD (Standard Deviation) – стандартное отклонение

⁵ Skewness – коэффициент асимметрии

⁶ Kurtosis – коэффициент эксцесса

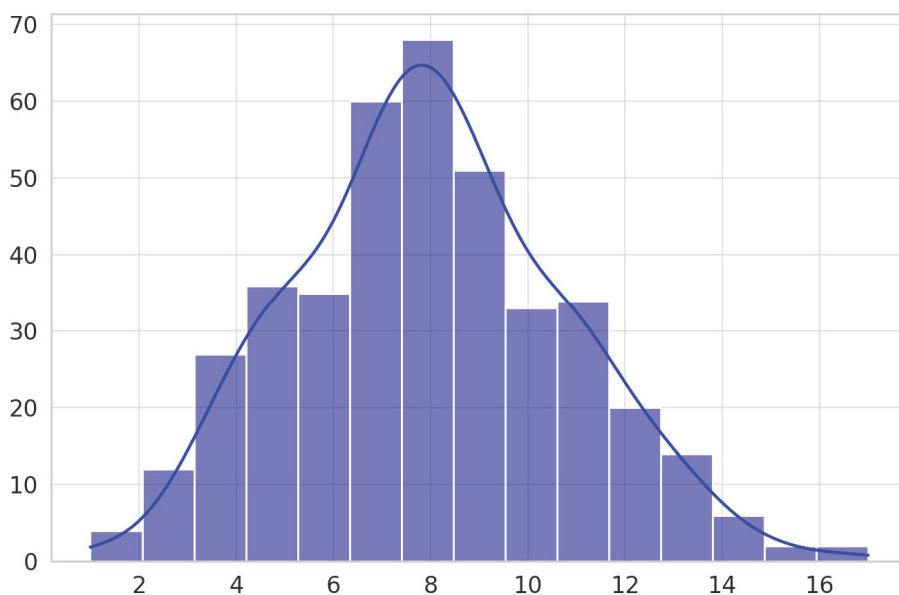

Рис. 1. Распределение «суммы баллов» (от 0 до 17, по горизонтали) по тесту уровня ИИ-грамотности (n=401, по вертикали)

Источник: составлено авторами на основании авторского исследования

является значимым предиктором грамотности в области ИИ.

Проверка гипотезы о влиянии пола (H2) показала, что средний балл у мужчин составил 8,5 (SD = 3,2), а у женщин 7,9 (SD = 3,0). Разница средних равна 0,6 балла в пользу мужчин; t-критерий показал: $t(398) = 1,89$, $p = 0,060$. Таким образом, различия не достигают статистической значимости на уровне $\alpha = 0,05$, находясь на грани ($p \approx 0,06$). Размер эффекта Козна $d = 0,19$, что интерпретируется как очень слабый эффект.

Контроль смешивания. Для проверки, не объясняется ли наблюдаемый тренд различиями в выборе профиля образования, был проведён анализ ковариации (ANCOVA) с контролем профиля. После введения профиля в модель влияние пола стало незначимым: $F(1, 394) = 1,12$, $p = 0,29$, $\eta^2 = 0,003$. Внутри подвыборок:

- 1) среди «технарей» разница мужчины-женщины = +0,3 балла ($p = 0,45$);
- 2) среди «гуманитариев» разница = +0,2 балла ($p = 0,52$).

Заключение по гипотезе H2: отклоняется. Наблюдаемая разница между полами не является статистически значимой и полностью объясняется неравномерным распределением мужчин и женщин по профилям обучения (мужчины чаще выбирают технические специальности).

Проверка гипотезы о влиянии возраста (H3) проводилась с помощью корреляционного анализа. Коэффициент корреляции Пирсона между возрастом (как непрерывной переменной) и суммой баллов составил $r = 0,21$ (95% ДИ: 0,11–0,31), $p < 0,001$. Это указывает на слабую, но статистически значимую положительную связь. Дисперсионный анализ (ANOVA) с разбивкой на возрастные группы показал значимые различия между группами: $F(2, 395) = 4,82$, $p = 0,009$, $\eta^2 = 0,024$ (малый размер эффекта).

Заключение по гипотезе H3: принимается. Это значит, что возраст положительно связан с уровнем грамотности в области ИИ, причём наиболее заметный прирост происходит на эта-

пе перехода от школьного возраста к старшим курсам бакалавриата.

Проверка гипотезы о взаимодействии факторов (H4), среди которых профиль образования является наиболее сильным предиктором суммарного балла; пол перестаёт быть значимым после контроля профиля. Для проверки была построена множественная линейная регрессия. В модель последовательно вводились предикторы (Табл. 1, Табл. 2):

Проверка эффекта взаимодействия пол/профиль. Введение интеракционного члена (пол/профиль) не привело к значимому улучшению модели: $\Delta R^2 = 0,002$, $p = 0,44$. Это означает, что эффект профиля одинаков для мужчин и женщин. Заключение по гипотезе H4: принимается. Профиль образования – это самый сильный предиктор ($\beta = 0,25-0,27$), возраст вносит небольшой, но значимый вклад ($\beta = 0,12$), а пол не является независимым предиктором после контроля профиля и возраста.

Проверка гипотезы о нелинейности возрастного эффекта (H5). Результаты post-hoc сравнений (раздел 4.3) подтвердили, что разница между группами 17-19 лет и 20-22 года (переход от школы к университетскому образованию) статистически значима (+0,8 балла, $p = 0,042$), тогда как разница между 20-22 и 23+ годами незначима (+0,6 балла, $p = 0,22$). Квадратичный член возраста (возраст²) при добавлении в регрессионную модель оказался статистически значимым: $B = -0,02$, $p = 0,04$, что подтверждает замедление прироста баллов в старших возрастах.

Заключение по гипотезе H5: принимается. Возрастная динамика грамотности в области ИИ носит нелинейный характер: основной прирост происходит на начальных этапах университетского образования, тогда как в дальнейшем (после 22 лет) темпы роста снижаются (Табл. 3).

Таблица 1

Модель 1 (только профиль и пол)

$R^2 = 0,09$, $F^8(2, 392) = 19,4$, $p < 0,001$.

Предиктор	B (нест. коэф.)	β (ст. коэф.)	p-value
Профиль («технарь»)	1,62	0,27	< 0,001
Пол (мужской)	0,31	0,05	0,18

Источник: составлено авторами на базе данных авторского исследования

Таблица 2

Модель 2 (профиль + возраст + пол)

$R^2 = 0,11$, $F(3, 391) = 15,8$, $p < 0,001$.

Предиктор	B (нест. коэф.)	β (ст. коэф.)	p-value
Профиль («технарь»)	1,48	0,25	< 0,001
Возраст (лет)	0,13	0,12	0,008
Пол (мужской)	0,22	0,04	0,32

Источник: составлено авторами на базе данных авторского исследования

⁷ R^2 (R-squared) – коэффициент детерминации

⁸ F – статистика Фишера

Таблица 3

Сводная таблица проверки гипотез

Гипотеза	Статистический тест	Результат	p-value	Размер эффекта
H1	t-test	принята	< 0,001	d = 0,57
H2	t-test / ANCOVA	отклонена	0,060 / 0,29	d = 0,19
H3	Pearson / ANOVA	принята	< 0,001 / 0,009	r = 0,21
H4	Регрессия	принята	< 0,001	R ² = 0,11
H5	Post-hoc / квадратичный член	принята	0,042 / 0,04	η ² = 0,024

Источник: составлено авторами на базе данных авторского исследования

Заключение

Ключевое противоречие, которое послужило отправной точкой нашего исследования, можно сформулировать следующим образом: с одной стороны, молодёжь является наиболее активным пользователем ИИ-сервисов (чат-боты, нейросети для генерации текста и изображений, рекомендательные системы); с другой стороны, систематические данные об уровне их понимания принципов работы ИИ, его сильных и слабых сторон, а также социальных рисках отсутствуют.

Это противоречие порождает три группы рисков:

1. Когнитивные риски – некритичное восприятие результатов работы ИИ, неспособность отличить сгенерированный текст от человеческого, переоценка возможностей систем.

2. Социальные риски – непонимание того, как алгоритмические системы могут воспроизводить и усиливать дискриминацию, отсутствие запроса на прозрачность и подотчётность ИИ.

3. Образовательные риски – разрыв между техническим и гуманитарным знанием, ведущий к поляризации: «технари» переоценивают возможности ИИ (оптимизм), а «гуманитарии» – недооценивают и чаще испытывают тревогу по поводу социальных последствий.

Основные итоги проверок гипотез представлены в табл. 1. На наш взгляд, очень важный вывод исследования

связан с тем, что профиль образования является ключевым фактором, дифференцирующим уровень грамотности в области ИИ: «технари» превосходят «гуманитариев» в среднем на 1,7 балла ($p < 0,001$, $d = 0,57$).

Во-вторых, пол не оказывает независимого влияния: наблюдаемые различия между мужчинами и женщинами статистически не значимы и исчезают при контроле профиля образования.

В-третьих, возраст слабо, но значимо коррелирует с грамотностью ($r = 0,21$); основной прирост происходит в интервале 19–20 лет, что соответствует переходу к систематическому университетскому обучению.

Из нашего исследования следует сделать вывод, что использование искусственного интеллекта в студенческой среде стало массовым явлением. Если же сравнивать уровень ИИ-грамотности российских студентов с немецкими, то окажется, что он находится на примерно том же уровне, хотя и несколько ниже: россияне в среднем ответили верно на 48,25 % заданий, а немцы – на 60,61 %. Разница может быть вызвана как меньшим количеством вопросов, так и особенностями формулировок в анкете. Кроме того, важно подчеркнуть, что основными участниками немецкого исследования были студенты технического профиля, а у них, как было убедительно показа-

но, уровень ИИ-грамотности обычно выше, чем у «гуманитариев». Проблема социологического изучения уровня ИИ-грамотности заключается в крайней динамичности развития этой технологии, а также возможных резких изменений в области государственного регулирования. Так или иначе,

мы полагаем, что инновации в этой области неизбежны, они ставят перед российским образованием серьезные вызовы, но и предлагают впечатляющие перспективы, которые в любом случае требуют высокой компетенции в области технологий искусственного интеллекта.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Conflict of interest. The authors declare no conflicts of interest.

Список литературы / References

1. Laupichler M.C., Aster A., Schirch J., Raupach T. Artificial intelligence literacy in higher and adult education: A scoping literature review. *Computers and Education: Artificial Intelligence*. 2022;3(4):100101. DOI: 10.1016/j.caeai.2022.100101
2. Long D., Magerko B. What is AI Literacy? Competencies and Design Considerations. In: *CHI '20: Proceedings of the 2020 CHI Conference on Human Factors in Computing Systems*. 2020:1–16. DOI: 10.1145/3313831.3376727
3. Deuze M., Beckett C. Imagination, Algorithms and News: Developing AI Literacy for Journalism. *Digital Journalism*. 2022;10(10): 1913–1918. DOI: 10.1080/21670811.2022.2119152
4. Алексеева О.А., Бестужева О.Ю., Вершинская О.Н., Скворцова Е.Е. Влияние цифровой трансформации на современный социально-экономический уклад. *Народонаселение*. 2020;3:36–47.
Alekseeva O.A., Bestuzheva O.Yu., Vershinskaya O.N., Skvortsova E.E. The Impact of Digital Transformation on the Modern Socio-Economic Order. *Narodonaselenie*. 2020;3:36–47. (In Russ.)
5. Быков И.А., Медведева М.В., Ша-рахина Л.В. Медиаграмотность как актуальная компетенция в пространстве цифровых коммуникаций с использованием технологий искусственного интеллекта. *Вопросы журналистики, педагогики, языкознания*. 2025;44(1):5–14. DOI: 10.52575/2712-7451-2025-44-1-5-14
Bykov I.A., Medvedeva M.V., Sharakhina L.V. Media Literacy as a Relevant Competence in the Digital Communications Space Using Artificial Intelligence Technologies. *Voprosy zhurnalistiki, pedagogiki, yazykoznanie*. 2025;44(1):5–14. DOI: 10.52575/2712-7451-2025-44-1-5-14 (In Russ.)
6. Скворцова Е.Е., Алексеева О.А. Технологический и гуманитарный аспекты развития искусственного интеллекта. *Материалы X международной социологической Грушинской конференции «Жить в России. Жить в мире. Социология повседневности»*. М.: ВЦИОМ; 2020: 241–245.
Skvortsova E.E., Alekseeva O.A. Technological and humanitarian aspects of the development of artificial intelligence. *Living in Russia. Living in the World. Sociology of Everyday Life: Proceedings of the X International Sociological conference*. Moscow: VTsIOM; 2020: 241–245. (In Russ.)
7. Hornberger M., Bewersdorff A., Nerdel C. What do university students know about Artificial Intelligence? Development and validation of an AI literacy test. *Computers and Education: Artificial Intelligence*. 2023;5(1):100165. DOI: 10.1016/j.caeai.2023.100165
8. Kim S., Lee Y. The Artificial Intelligence Literacy Scale for Middle School Students. *Journal of the Korea Society of Computer and Information*. 2022;27(3):225–238. DOI: 10.9708/jksci.2022.27.03.225
9. Lintner T. A Systematic Review of AI Literacy Scales. *NPJ Science of Learning*. 2024;9:50. DOI: 10.1038/s41539-024-00264-4

10. Варламова Т.А., Гохберг Л.М., Зорина О.А., и др. *Образование в цифрах. 2024: краткий статистический сборник*. М.: НИУ ВШЭ; 2023. 132 с.

Varlamova T.A., Gokhberg L.M., Zorina O.A., et al. *Education in Numbers. 2024: A Brief Statistical Digest*. Moscow: National Research University Higher School of Economics; 2023. 132 p. (In Russ.)

Информация об авторах

Быков Илья Анатольевич, доктор политических наук, доцент, профессор кафедры связей с общественностью в политике и государственном управлении, Институт журналистики и массовых коммуникаций, Санкт-Петербургский государственный университет. Scopus Author ID 57217050584, ORCID 0000-0001-8462-5320, SPIN-код 8746-0152; e-mail: i.bykov@spbu.ru

Медведева Мария Владимировна, кандидат политических наук, ассистент кафедры связей с общественностью в политике и государственном управлении, Институт журналистики и массовых коммуникаций, Санкт-Петербургский государственный университет. Scopus Author ID 57223702747, ORCID 0009-0004-7049-5536, SPIN-код 1083-4167; e-mail: magma.air@yandex.ru

Шарахина Лариса Валентиновна, кандидат политических наук, доцент, заведующая кафедрой «Связи с общественностью», Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ». Scopus Author ID 57193630119, ORCID 0000-0002-0454-0448, SPIN-код 8279-3323; e-mail: lvkolganova@gmail.com

Information about the authors

Ilya A. Bykov, Dr. Sci. (Political Science), Associate Professor, Professor of the Department of Public Relations in Politics and Public Administration, Institute of Journalism and Mass Communications, St. Petersburg State University. Scopus Author ID 57217050584, ORCID 0000-0001-8462-5320, SPIN-code 8746-0152; e-mail: i.bykov@spbu.ru

Maria V. Medvedeva, Cand. Sci. (Political Science), Assistant Professor at the Department of Public Relations in Politics and Public Administration, Institute of Journalism and Mass Communications, St. Petersburg State University. Scopus Author ID 57223702747, ORCID 0009-0004-7049-5536, SPIN-code 1083-4167; e-mail: magma.air@yandex.ru

Larisa V. Sharakhina, Cand. Sci. (Political Science), Associate Professor, Head of the Public Relations Department, St. Petersburg Electrotechnical University "LETI". Scopus Author ID 57193630119, ORCID 0000-0002-0454-0448, SPIN-code 8279-3323; e-mail: lvkolganova@gmail.com

Поступила в редакцию 15.06.2026
Принята после рецензирования 30.07.2026
Принята к публикации 01.09.2026

Received June 15, 2026
Revised July 30, 2026
Accepted September 1, 2026

Научная статья

Research article

УДК 316.77:004

[https://doi.org/10.26907/2079-5912.2026.3.30–42](https://doi.org/10.26907/2079-5912.2026.3.30-42)

© 2026 г.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

Распространение и применение технологий искусственного интеллекта: обзор мировых и российских практик

Гончарова О.В.

*Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы,
117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6, Российская Федерация*

Липатова А.В.

*Казанский (Приволжский) федеральный университет,
420008, Казань, ул. Кремлевская, д. 18, корп. 1, Российская Федерация*

Аннотация. Актуальность настоящей статьи обусловлена нарастанием влияния искусственного интеллекта (далее – ИИ) на мировые социальные процессы, в том числе на глобальное неравенство. Проблематика приобретает особое значение в свете возрастающей роли технологической повестки цифрового суверенитета не только в России, но и в других странах мира. Цель статьи – оценить современное развитие ИИ-технологий, их влияние на мировые общественные процессы, а также выявить особенность российских практик использования ИИ. Методом вторичного социологического анализа открытых данных OpenAI, Sensor Tower, Microsoft, UNDP, Mediascope, ВЦИОМ, НАФИ, Яндекс и других компаний оценивается динамика распространения ИИ и выявляются тренды данного процесса. Авторы приходят к выводу, что сегодня в глобальном контексте можно говорить о формировании технологических полюсов, влияющих на усиление статусного алгоритмического неравенства. В России наблюдается рост востребованности отечественных ИИ-платформ, которые соответствуют культурному коду россиян. Практики внедрения ИИ-решений в российских компаниях характеризуются быстрым ростом при сохранении кадрового дефицита и зависимости от готовых разработок. Результаты исследования могут представлять интерес при оценке готовности к цифровой трансформации и разработке стратегических планов по ИИ-решениям.

Ключевые слова: искусственный интеллект, цифровое неравенство, технологический суверенитет, диффузия инноваций, алгоритмическая власть, корпоративное внедрение ИИ-решений

Для цитирования: Гончарова О.В., Липатова А.В. Распространение и применение технологий искусственного интеллекта: обзор мировых и российских практик. *Казанский социально-гуманитарный вестник.* 2026;3(74):30–42.

The Diffusion and Application of Artificial Intelligence Technologies: A Review of Global and Russian Practices

Goncharova O.V.

*Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba,
117198, Moscow, Miklukho-Maklaya St., 6, Russian Federation*

Lipatova A.V.

*Kazan (Volga Region) Federal University,
420008, Kazan, Kremlevskaya St., 18, Bldg. 1, Russian Federation*

Abstract. The relevance of this article is driven by the growing influence of artificial intelligence (hereinafter – AI) on global social processes, including global inequality. The issue acquires particular significance in light of the increasing role of the technological agenda of digital sovereignty, not only in Russia but also in other countries around the world. The aim of the article is to assess the current development of AI technologies, their impact on global social processes, and to identify the specific features of Russian practices in AI usage. Based on a secondary analysis of open data from OpenAI, Sensor Tower, Microsoft, UNDP, Mediascope, VCIOM, NAFL, Yandex, and other research organizations, the study evaluates the dynamics of AI diffusion and identifies key trends in this process. The authors conclude that technological poles are currently being formed, which contribute to the emergence of status-based algorithmic inequality. In Russia, there is a steady growth in demand for domestic AI platforms that align with the cultural code of Russians. The practices of implementing AI solutions in Russian companies are characterized by rapid growth, while persisting challenges include staff shortages and dependence on ready-made solutions. The findings of the study may be of interest for assessing readiness for digital transformation and for developing strategic plans regarding AI solutions.

Keywords: artificial intelligence, digital inequality, technological sovereignty, diffusion of innovations, algorithmic power, corporate AI adoption

For citation: Goncharova O.V., Lipatova A.V. The Diffusion and Application of Artificial Intelligence Technologies: A Review of Global and Russian Practices. *The Kazan Socially-Humanitarian Bulletin*. 2026;3(74):30–42. (In Russ.)

Введение

На современном этапе повышается значимость исследования нарастающего влияния на общественные процессы технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ) как нового измерения «цифрового водораздела». Различная степень обеспеченности технологическими ресурсами, информацией, знаниями усиливает глобальные структурные дисбалансы. Доступ к ИИ-инфраструктуре и обладание ИИ-навыками влияют на уровень социального неравенства и социальной мо-

бильности. В социально-философском дискурсе разворачивается дискуссия вокруг активного развития технологий, предполагающего «развертывание противоречий между полнотой человеческого бытия и его инструментальной формой» [1, с. 97-98]. В цифровой социологии обсуждается «режим неравенства ИИ» («the inequality regime of AI») [2], когда инфраструктура данных и средств предсказания становится серьезным властным инструментом, сосредоточенным в руках узкой прослойки технологически развитых

корпораций и государств. Такая теоретическая оптика актуализирует обращение к реальной практике развертывания ИИ-процессов как инструментов социального и властного влияния, позволяя оценивать не только технологические эффекты, но и границы доверия и экономического влияния. Цель статьи – оценить современное развитие ИИ-технологий, их влияние на мировые общественные процессы, а также выявить специфику российских практик использования ИИ. Мы не ставим претенциозной задачи охватить весь спектр возможных практик (это представляется весьма затруднительным в свете повсеместного внедрения ИИ во все сферы жизни общества), однако остановимся на основных тенденциях внедрения ИИ-технологий (не только в повседневных практиках, но и в управлении и бизнесе).

Методы и материалы

В процессе подготовки настоящего обзора использовался метод вторичного анализа открытых данных международных и отечественных исследовательских центров:

- Института экономики искусственного интеллекта Microsoft (данные медиаметрии Microsoft в 147 странах мира за 2025 год);

- Counterpoint (обзор внедрения LLM-программ в мире с января по апрель 2026 года);

- Statista (обзор «The Global 5G Divide» на основе данных Международного союза электросвязи на конец 2025 года);

- Sensor Tower (отчет «State of AI 2026», основанный на метриках использования мобильных приложений и веб-трафика за первое полугодие 2026 г.);

- Andreessen Horowitz (рейтинг приложений на основе глобальной статистики ежемесячных активных пользователей Similarweb и Sensor Tower, 2026);

- ООН (статистика в программе United Nations Development Programme, 2026);

- World Bank (доклад «Tracking SDG 7: The Energy Progress Report 2026», репрезентативные обследования домохозяйств в 180 странах мира);

- OpenAI (собственная аналитика компании 2023-2026 гг.);

- Mediascope (Cross Web аналитика интернет-аудитории России старше 12 лет по всем ИИ-сервисам, только сайты и приложения, без учета интегрированных в другие сервисы, 2025 г.);

- ВЦИОМ (всероссийский опрос россиян старше 18 лет, n=3239, 22 декабря 2025 г.);

- НАФИ (всероссийский онлайн-опрос россиян 18-55 лет, n=1666, 18 мая 2026 г.);

- «Яков и Партнеры» и Яндекс (данные опроса 100 руководителей из 15 ключевых для экономики России индустрий в 2023 году и 150 технических редакторов из 16 отраслей РФ в 2025 г.);

- Сбербанк (Индекс зрелости операционной модели российских компаний в эпоху ИИ, опрос 77 представителей компаний России из разных отраслей, 2026 г.) – полные ссылки на исследования приведены в разделе «Источники».

Авторами проведен глубинный анализ динамики развития и распространения ИИ-технологий, их влияния на цифровое и алгоритмическое неравенство, а также на фоне глобальных трендов рассмотрен кейс российских практик, в том числе опыт внедрения в корпоративное управление.

Результаты и обсуждение

Массовизация ИИ: от «новинки» к институционализации

Переломным этапом стремительного распространения массового использования ИИ-технологий стало 30 ноября 2022 года – компания OpenAI запустила в широкий доступ ChatGPT. Безусловно, и до этого пово-

ротного момента узкий круг специалистов занимался разработкой сложной архитектуры нейросетей. Например, уже в 1960-е годы появляются первые экспертные системы и программы для создания «мыслящих машин» (удел скорее лабораторных экспериментов). А в 2011 году в iPhone 4S внедряется голосовой ассистент Siri (однако жестко заданный набор команд не позволяет трактовать его как полноценный генеративный интеллект, да и доступ был лишь через определенную модель смартфона). Еще один ранний пример – GPT-3 был выпущен в 2020 году, но для взаимодействия с ним нужны были специализированные навыки работы через API. ChatGPT же предложил рядовому пользователю, не обремененному знаниями программирования, интуитивно понятный инструмент с лаконичным интерфейсом в виде привычного «окошка» чата.

Реакция аудитории на запуск ChatGPT – 1 млн пользователей за первые пять дней после его презентации и 100 млн ежемесячных пользователей всего за первые два месяца (Yahoo, 2025) – стала маркером готовности общества к повсеместному внедрению ИИ-технологий (Табл. 1). ChatGPT был признан самым быстрорастущим мобильным приложением в истории, всего за три года приблизившись к отметке в 1 млрд пользователей (для сравнения: Google Maps и Google Chrome потребовалось для этого почти 5 лет, видеохостингу YouTube – 6,5 лет, Telegram – 9,5 лет).

Если обратиться к теории «кривой ажиотажа» или «кривой хайпа» (пер. с англ. hype cycle theory) Дж. Фенна [3], то история развития ИИ предстает как закономерный циклический процесс прохождения через фазы завышенных ожиданий (первоначальная эйфория), разочарований и выхода на «плато производительности». И если 2022 год – точка бифуркации массового роста интереса к ИИ как к цифровому

феномену современности, то 2024 год становится периодом его институционализации. Иными словами, технология из «игрушки» постепенно превращается в рабочий инструмент. Острый интерес к новизне сменяется рутинизацией процессов и запросом общества к ее практическому применению, например, через внедрение в обучение [4], реальные профессиональные задачи [5] и бизнес-модели. Динамика запросов на тему AI – Artificial Intelligence – от Google Trends наглядно демонстрирует данную тенденцию стремительного роста внимания к ИИ (Рис. 1).

Таблица 1
Динамика роста еженедельной активной аудитории ChatGPT

Дата	WAU ¹
ноябрь 2023	100 млн
август 2024	200 млн
декабрь 2024	300 млн
февраль 2025	400 млн
октябрь 2025	800 млн
февраль 2026 ²	900 млн

Составлено авторами на базе открытых сведений компании OpenAI

Таким образом, ИИ-технология из когда-то экспериментального формата перешла в категорию системообразующих инструментов. Дальнейшее развитие ИИ определяется как оптимистическими сценариями, описывающими колоссальные возможности для прогресса, так и пессимистическими, предупреждающими о рисках усиления социального неравенства и сложно контролируемом развитии интеллектуальных систем.

¹ WAU – от англ. Weekly Active Users – еженедельные активные пользователи

² Компания OpenAI подтверждает эту цифру на июль 2026 года и утверждает, что объем аудитории стремится к 1 млрд пользователей, однако аналитики Sensor Tower утверждают о достижении планки в 1 млрд чел.

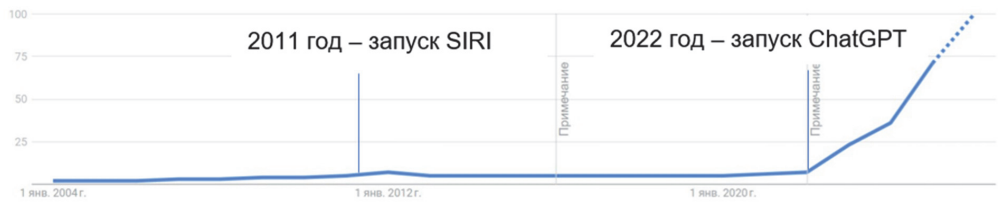

Рис. 1. Динамика запросов по теме AI в Google Trends, 2004-2026 гг.

Источник: составлено авторами на основе данных Google Trends

Фрагментация и конкуренция ИИ-платформ

В отчете по цифровой экономике «Состояние ИИ к 2026 году» (SensorTower, 2026) особо подчеркивается изменение баланса в системе ИИ-платформ: монопольное положение ChatGPT оспаривается другими сильными игроками. Так, у Gemini от Google и у Claude от Anthropic доли рынка выросли до 27,7% и 10,3% соответственно, тогда как доля ChatGPT впервые опустилась ниже 50% – до 46,4%.

Согласно данным отчета венчурной компании Andreessen Horowitz за январь 2026 года (AndreessenHorowitz, 2026), в глобальном контексте прослеживается дифференциация ИИ-рынка на несколько «лагерей»: западный (ChatGPT, Gemini, Claude), китайский (DeepSeek, Doubao, Kimi) и российский (Yandex AI, GigaChat). Складывающаяся на мировом рынке фрагментация обусловлена не столько технологическими характеристиками (например, DeepSeek более технически функционален, а ChatGPT универсален), сколько геополитическими барьерами и регуляторной политикой государств, стремящихся к технологическому суверенитету. Доклад Института экономики искусственного интеллекта Microsoft демонстрирует преобладание доли рынка китайского DeepSeek в таких странах, как Китай (89%), Беларусь (56%), Куба (49%), Россия (43%), также с момента запуска существенно выросло число его пользователей в Иране и в странах Африки (Microsoft, 2025).

И вместе с тем, в Северной Америке, Европе, Австралии показатели внедрения DeepSeek остаются низкими – не более 10% доли рынка.

Многие страны стремятся создать собственные аналоги ChatGPT, что позволяет вести независимую политику в сфере цифрового управления и защиты национальных интересов, а также создать продукт, адаптированный под социокультурную и языковую специфику региона. Россия разработала Yandex AI, GigaChat, также российский VK работает над созданием своего чат-бота; Китай создал целую экосистему ИИ-решений (Ernie Bot, Doubao, DeepSeek, Tongyi Qianwen); Индия уделяет внимание развитию многоязычных моделей (Sarvam AI и BharatGen Param2 поддерживают 22 официальных языка страны); Франция делает ставку на Le Chat от Mistral AI; страны Латинской Америки запустили собственный Latam-GPT и т.д.

Языковая и социокультурная специфика, как было сказано нами ранее, становится ведущим аргументом в вопросе распространения той или иной ИИ-платформы. Значимость адаптации модели под региональный контекст иллюстрирует пример Южной Кореи. После значительной доработки GPT-4o и GPT-5 под корейский язык качество корейскоязычных ответов вышло на уровень носителя языка (рост с 16 до 100 баллов по тесту CSAT). Такая «подстройка» под локальные реалии в совокупности с национальной политикой – был создан Национальный стратегический комитет по ИИ и при-

нят Закон о внедрении ИИ – позволила Южной Корее совершить резкий рывок: во второй половине 2025 года страна поднялась с 25-го на 18-е место в глобальном рейтинге, а уровень использования ИИ вырос до 30,7% населения (Microsoft, 2025).

ИИ-неравенство: технологический дисбаланс как структурная характеристика общества

Каждый шестой житель Земли трудоспособного возраста использует ИИ-технологии. По данным Программы развития ООН, уже в первом квартале 2026 года этот показатель составил 17,8% (UNDP, 2026). В апреле 2026 года общее число ежемесячных активных пользователей больших языковых моделей (LLM) по всему миру превысило 4,7 млрд (Counterpoint, 2026). Это связано с переходом ИИ-функций из активного режима (когда пользователь целенаправленно открывает ИИ-приложение) к пассивному (ИИ-технология уже встроена в повседневные сервисы, например, когда Adobe Reader внедряет ИИ-помощника для работы с PDF). Таким образом, ИИ-технологии становятся не просто отдельным инструментом, а проникают невидимо-инфраструктурно, формируя новый вид всей цифровой среды. Логика ИИ-алгоритмов – от рекомендаций в соцсетях до оценки соискателей для найма – перестает быть предметом рефлексии и становится «естественным» порядком вещей (по аналогии с электричеством или водопроводной водой в домах), что ослабляет возможность ее критического анализа и оспаривания [6].

Несмотря на широкое распространение ИИ-технологий, доступ к ним в мировом контексте распределен крайне неравномерно: трудоспособное население в странах «Глобального Севера»³ почти в два раза интенсивнее

внедряет в свои практики генеративный ИИ, чем в странах «Глобального Юга» – 24,7% и 14,1% соответственно. Классический «цифровой разрыв», который характеризуется доступом к компьютеру и интернету, усиливается новыми «слоями» ИИ-неравенства (доступом к вычислительным мощностям, к большим данным для обучения, наличием ИИ-специалистов и т.д.). Более того, 655 млн человек в мире испытывают перебои с электричеством, не говоря уже о доступе к цифровой среде (World Bank, 2026). «Глобальный Север» сосредоточил у себя подавляющее большинство мировых мощностей дата-центров (США и Китай контролируют примерно 70% мощностей), в то время как «Глобальный Юг» обладает единичными дата-центрами; 80% населения «Глобального Севера» имеют доступ к 5G, в то время как доступ к такой связи есть лишь у 5% «Глобального Юга» (Statista, 2026) и т.д. Так, на второе полугодие 2025 года распространение ИИ-технологий в ОАЭ достигло 64%, в Сингапуре – 61,9%, Норвегии – 46,4% (лидеры по данному показателю), и в то же время в Шри-Ланке – 6,6% и Камбодже – 5,1%.

На макроуровне сложившаяся асимметрия запускает механизмы самоусиления неравенства: страны с развитой ИИ-инфраструктурой все более наращивают собственные возможности и преимущества (и внедрение инноваций, и рост производительности труда), в то время как страны с недостаточным ИИ-развитием вынуждены оставаться в роли пассивных потребителей чужих

(«Глобальный Север» – это страны с высоким уровнем дохода, развитой инфраструктурой, технологическими инновациями и политическим влиянием; «Глобальный Юг» – это страны с низким и средним уровнем дохода, развивающейся экономикой, менее развитой инфраструктурой). И вместе с тем, большинство стран так или иначе распределены по северному и южному полушарию и во многом большинство стран так или иначе распределены по северному и южному полушарию, и во многом эта географическая проекция сохраняет свою символическую силу

³ Термины «Глобальный Север» и «Глобальный Юг» в современной аналитике используются скорее не как географические, а как социально-экономические и политические категории

технологических решений, рискуя усугубить отставание и технологическую зависимость. На микроуровне дисбаланс в освоении ИИ-компетенций становится барьером для социальной мобильности отдельно взятого человека: доступ к ИИ-инструментам и владение ИИ-навыками дают большие конкурентные преимущества для трудоустройства и реализации, оставляя «за бортом» тех, кто в принципе «отрезан» от возможностей получить опыт работы с ИИ. Таким образом, на макро- и микроуровнях воспроизводится «алгоритмическое статусное неравенство»: различия в социальном положении, во влиянии и в доступе к ресурсам усиливаются системами ИИ [7], превращая технологический дисбаланс в структурную характеристику современного общества.

Локальное vs Глобальное: российские практики применения ИИ

Более четверти (26%) россиян пользуются ИИ-сервисами ежемесячно, а 5% – ежедневно (Mediascope, 2025), вместе с тем, наблюдается возрастная дифференциация по интенсивности использования ИИ-технологий в России. Более половины подростков 12-17 лет (52%) и молодых людей 18-24 лет (51%) обращаются к ИИ-платформам ежемесячно, а после 25 лет намечается существенный разрыв – лишь 33% «старшей» молодежи 25-34 лет используют ИИ. В возрастной когорте 35-44 лет эта доля составляет 26%, 45-54 лет – 23%, 55-64 лет – 16%, старше 65 лет – 9%. И если каждый шестой молодой россиянин возрастом до 25 лет ежедневно обращается к ИИ-сервисам, среди представителей старше 45 лет этот показатель не превышает 3%. Эмпирические данные воспроизводят логику теории диффузии инноваций Э. Роджерса, согласно которой новые технологические решения распространяются в обществе неравномерно, а скорость и глубина проникновения инновации зависят от возраста, обра-

зования пользователей, их открытости к принятию нового [8].

Обновленная версия российской модели Алиса AI от Yandex, выпущенная в октябре 2025 года и значительно доработанная с ориентацией на русскоязычных пользователей, переломила тенденцию доминирования зарубежных ИИ-сервисов на российском рынке. Согласно данным Mediascope за осень 2025 года, каждый месяц Алису AI использовали 14,3% россиян, с большим отрывом от конкурентов (DeepSeek выбирали 9,4% пользователей, российский GigaChat – 4%, ChatGPT – 3,5%, Perplexity AI – 1,4%, Character AI – 0,8%). Как отметили в самом Яндекс, тренд на снижение популярности зарубежных решений наметился еще с начала лета 2025 года, а релиз обновленной Алисы AI стал катализатором, ускорившим «перелом» в пользу российских систем (РИА, 2025).

Результаты всероссийского опроса ВЦИОМ свидетельствуют, что по уровню спонтанной узнаваемости Алиса AI пока уступает крупным иностранным нейросетям и российской нейросети от Сбера GigaChat (ВЦИОМ, 2025). В декабре 2025 года интернет-активные россияне на открытый вопрос «Какие нейросети Вы знаете?» назвали следующие ИИ-сервисы: ChatGPT (38%), GigaChat (21%), DeepSeek (20%), Алиса AI занимает 4-е место (18%). Также респонденты среди прочих назвали такие российские платформы, как Yandex GPT (4%), Kandinsky (3%) и Шедеврум (2%). Однако если встает выбор между отечественными и зарубежными ИИ-сервисами, то россияне отдадут предпочтение российским разработкам (одобрили 44% опрошенных), для каждого четвертого происхождения нейросети не имеет значения, а к выбору исключительно зарубежных нейросетей склоняется лишь каждый пятый. Спрос на отечественные продукты согласуется с запросом россиян

на смысловое и культурное соответствие [9]. Так, согласно результатам опроса НАФИ 2026 года, большинство россиян – 82% – считают, что нейросети обязательно должны понимать российский культурный код (НАФИ, 2026). Это согласуется с теорией цифрового патриотизма, когда пользователь готов пойти на компромисс, снизив требования к функциональности продукта и отдав предпочтение местным разработкам (причем это характерно не только для российского, но и для многих других контекстов – например, А. Саркар описывает европейский [10]).

При выборе платформ российские пользователи обращают внимание и на функциональную направленность. Character AI, будучи ИИ-платформой для творчества, создания персонажей и ролевых игр, пользуется популярностью среди молодой аудитории (это соотносится с глобальными данными самой компании, 20 миллионов ежемесячных пользователей являются представителями поколений Z и Alpha [11]). Более старшая возрастная аудитория предпочитает Алису AI, которая интегрирована в повседневные и профессиональные задачи (поиск информации, навигация, «умный дом», городские сервисы такси и доставки). Женщины в России отдают большее предпочтение творческой платформе Character AI, в то время как мужчины – инструментальным и техническим ChatGPT и DeepSeek, а наиболее сбалансированы по характеристикам пола универсальные ИИ-сервисы Алиса AI и GigaChat. Тем самым, практики российского ИИ-применения имеют сложный многоуровневый характер дифференциации по возрасту, полу, функциональности, но вместе с тем, четко прослеживается запрос на отечественные платформы.

Корпоративные практики применения ИИ в России

Распространение ИИ среди российских пользователей сопровождается его внедрением в деятельность крупных компаний, как показывают совместные исследования консалтинговой компании «Яков и Партнеры» и Яндекс. Сопоставление результатов изучения корпоративного применения ИИ 2023 и 2025 годов указывает на расширение числа российских организаций, бизнес-функций и технологических направлений, в которых применяются ИИ-решения. Если в 2023 году российские корпорации сосредотачивались, в основном, на осторожном изучении доступных ИИ-продуктов и точечном внедрении их в отдельные подразделения, то к 2025 году каждая из 150 обследованных компаний в полной мере реализовала у себя пилотный проект в рамках четырех технологических направлений: генеративного ИИ, обработки естественного языка и речевых технологий, компьютерного зрения и рекомендательных систем [12; 13]. За два года увеличилось количество российских компаний с фиксацией измеримого финансового результата от использования ИИ-технологий: с 68% в 2023 году до 78% в 2025 году. При этом у 9% опрошенных в 2025 году компаний отмечается рост прибыли более чем на 5% благодаря внедрению ИИ-решений, в то время как в 2023 году данные показатели были незначительными (Табл. 2). Ожидаемые результаты от внедрения ИИ руководители компаний связывают, в первую очередь, со снижением затрат, ростом выручки, повышением качества обслуживания и разработкой новых продуктов. Сокращение расходов на оплату труда упоминалось опрошенными компаниями значительно реже.

Таблица 2

Изменение показателей корпоративного применения ИИ в России

Показатель	2023 год	2025 год
Полноценное внедрение генеративного ИИ минимум в одной функции	0%	71%
Среднее число функций с пилотами или внедрением генеративного ИИ	2,4	3,1
Компании без измеримого финансового результата от ИИ	32%	22%
Влияние ИИ на EBITDA ⁴ от 1 до 5%	68%	69%
Влияние ИИ на EBITDA свыше 5%	единичные случаи	9%
Оценка годового вклада ИИ в экономику России	от 4,2 до 6,9 трлн руб. к 2028 году	от 7,9 до 12,8 трлн руб. к 2030 году

Составлено авторами на базе данных совместного исследования консалтинговой компании «Яков и Партнеры» и Яндекса

С 2023 по 2025 год наиболее выраженные изменения в корпоративном применении ИИ были связаны с генеративными моделями. В 2023 году большинство компаний находилось на стадии предварительной оценки ИИ-технологий и проверки отдельных сценариев, а внедрение в бизнес-процессы нескольких функций еще не получило распространения. К 2025 году генеративный ИИ использовали более двух третей обследованных организаций, причем возросло и среднее число функций, охваченных пилотами или внедренными решениями. Таким образом, генеративный ИИ преобразовался из объекта экспериментальной апробации в инструмент системной корпоративной деятельности российских компаний.

За два года расширилась сфера функционального применения ИИ-технологий. Если в маркетинге, продажах и клиентском сервисе ИИ сохранил ведущие позиции, то сфера внутренних коммуникаций стала «прорывной» в вопросе применения

⁴ EBITDA (англ. Earnings Before Interest, Taxes, Depreciation and Amortization – прибыль организации до вычета процентов, налогов, износа и амортизации).

ИИ-технологий (доля компаний, внедривших ИИ в данном направлении, выросла с 6% в 2023 г. до 62 % в 2025 г.). Компании обратили свое внимание на возможности ИИ для обработки значительных объемов текстовой информации, оптимизации рутинных задач и повторяющихся процедур. Например, ИИ показал высокую эффективность в поиске по корпоративным документам, в подготовке и редактировании текстов, в автоматизации документооборота. Таким образом, к 2025 году область его корпоративного применения значительно расширилась, охватив не только внешние взаимодействия с клиентами, но и внутренние информационные процессы организаций [12; 13].

К 2025 году практика управления ИИ-проектами стала привычной частью корпоративной структуры большинства обследованных компаний. В 90% организаций задача внедрения и развития ИИ была делегирована заместителям генерального директора, а в каждой четвертой компании было создано специализированное подразделение. Как показывают данные исследования «Индекс зрелости операционной модели российских компаний в эпоху ИИ», в котором приняли участие

77 компаний (Сбербанк, 2026), около 42% барьеров эффективного внедрения ИИ связано с инерцией персонала и заблуждением, что изменения возможны без обучения и работы с мотивацией сотрудников. Хотя дефицит компетенций участники исследования выделили как главное индивидуальное ограничение (33%), в российских компаниях преобладают все же проблемы системного характера, связанные с разрозненностью ИТ-систем (23%) и вопросами безопасности (16%). Кроме того, в ряде случаев наблюдается обратный эффект: внедрение новых технологий может усиливать хаос в управлении, если компания не работает над повышением качества данных и над глубокой перестройкой процессов.

Измеримый эффект от ИИ чаще встречается в компаниях, где операционная модель имеет более зрелый характер, однако большинство российских компаний зависят от готовых решений поставщиков или их адаптации совместно с подрядчиками [13]. 71% компаний использует в качестве базовой внешнюю open-source-модель без изменений, 61% – коммерческую модель и 45% – собственную модель, обученную компанией с нуля. Внутренней разработке отдают предпочтение те организации, которые обладают необходимым объемом кадровых и технологических ресурсов. В России также наблюдается отраслевая дифференциация применения ИИ: наиболее широкое использование наблюдается в ИТ, телекоме, медиа, электронной коммерции, банковском и страховом секторах, а более узкий набор ИИ-функций применяется в сельском хозяйстве, медицине и машиностроении.

Возможности российских разработчиков в 2-3 раза чаще признавались сопоставимыми с уровнем стран-лидеров, чем практические результаты внедрения (для ИИ соответствующие доли составляли 29% и 14%, для генеративного ИИ – 31% и 13%). Оценки

вклада ИИ в российскую экономику демонстрируют рост прогнозов экономического эффекта: если в 2023 году потенциальный вклад к 2028 году оценивался от 4,2 трлн руб. до 6,9 трлн руб., то в 2025 году – от 7,9 трлн руб. до 12,8 трлн руб. к 2030 году [12; 13].

Таким образом, к 2026 году в России сформировалась расширенная практика корпоративного применения ИИ, а бизнес демонстрирует устойчивый рост интереса к ИИ-технологиям. 80% участников рынка прогнозируют значительный рост возможностей, а 15% разработчиков ИИ-решений (вендоров) уверены в том, что технология станет ключевой во всех бизнес-процессах.

Заключение

Обзор позволил выявить ряд тенденций, характерных для распространения ИИ-технологий в мире и в России. Во-первых, ИИ проникает инфраструктурно в глобальные социальные процессы, влияя на социальное неравенство и усиливая разрыв между ресурсными регионами и отстающей периферией. Доступ к ИИ-инструментам становится «лифтом» социальной мобильности, а его отсутствие – барьером, закрепляющим статусное алгоритмическое неравенство. Во-вторых, культурный суверенитет становится полем конкуренции ИИ-платформ. Растет запрос на цифровой суверенитет как выбор в сторону соответствия идентичности, культурному коду и защиты национальных интересов. В-третьих, проникновение ИИ в России характеризуется быстрым распространением и дифференциацией по функциональности, возрастной когорте (чем моложе пользователи, тем чаще они пользуются нейросетями), разрывом между узнаваемостью ИИ-чатов и практикой реального использования. Динамика корпоративного внедрения ИИ-практик в российской экономике демонстрирует увеличение числа ком-

паний, использующих ИИ-решения, и расширение технологических направлений внедрения. Но вместе с тем наблюдается цифровой разрыв между возможностями российских ИИ-разработчиков и реальными практиками реализации, а также преобладающей

ролью внедрения уже готовых решений по сравнению с собственными внутренними разработками. Барьеры и ограничения, связанные с развитием ИИ в России, требуют дальнейшего рассмотрения и исследования.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest. The authors declare no conflicts of interest.

Источники

Yahoo – Perez S. ChatGPT doubled its weekly active users in under 6 months, thanks to new releases. *Yahoo.Finance*. March 7, 2025. URL: <https://finance.yahoo.com/news/chatgpt-doubled-weekly-active-users-210444697.html?guccounter=1> (дата обращения: 01.06.2026).

OpenAI – Сайт OpenAI. URL: <https://openai.com/> (дата обращения: 01.06.2026).

SensorTower – Сайт исследовательской компании Sensor Tower URL: <https://sensortower.com/blog/state-of-ai-2026> (дата обращения: 01.06.2026).

Andreessen Horowitz – The Top 100 Gen AI Consumer Apps – 6th Edition. *Andreessen Horowitz*. 2026. URL: <https://a16z.com/100-gen-ai-apps-6/> (дата обращения: 01.06.2026).

Microsoft – Global AI Adoption in 2025 – A Widening Digital Divide. *Microsoft* URL: <https://www.microsoft.com/en-us/corporate-responsibility/topics/ai-economy-institute/reports/global-ai-adoption-2025/> (дата обращения: 01.06.2026).

UNDP – Сайт программы UNDP (United Nations Development Programme). 2026. URL: <https://www.undp.org/seeing-around-bend> (дата обращения: 01.06.2026).

Counterpoint – Global LLM Adoption Snapshot – 2026. *Counterpoint*. URL: <https://counterpointresearch.com/en/insights/global-llm-adoption-snapshot-april-2026> (дата обращения: 01.06.2026).

World Bank – Tracking SDG 7: The Energy Progress Report 2026. *World Bank*.

URL: <https://trackingsdg7.esmap.org/> (дата обращения: 01.06.2026).

Statista – The global 5G divide. *Statista*. March 4, 2026. URL: <https://www.statista.com/chart/35930/share-of-global-population-covered-by-5g-and-detail-by-national-income-level/> (дата обращения: 01.06.2026).

Mediascope – Отчет «Аналитика: цифры и тренды». *Mediascope*. 21 ноября 2025 г. URL: <https://mediascope.net/library/presentations/> (дата обращения: 01.04.2026).

РИА – «Алиса AI» вышла на первое место по охватам среди ИИ-сервисов в России. *РИА-новости*. 21.11.2025. URL: <https://ria.ru/20251121/ii-2056625349.html> (дата обращения: 01.04.2026).

ВЦИОМ – О, дивный нейромир! Всероссийский опрос. *ВЦИОМ*. 22 декабря 2025 г. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/o-divnyi-neiromir> (дата обращения: 19.07.2026).

НАФИ – 82% россиян считают важным, чтобы нейросети понимали культурный код. *НАФИ*. 18 мая 2026 г. URL: <https://nafiru/polls/82-rossiyan-schitayut-vazhnym-cto-by-neyroseti-ponimali-kulturnyy-kod/> (дата обращения: 01.06.2026).

Сбер – Индекс зрелости операционной модели российских компаний в эпоху ИИ. *Операционный центр Сбербанка*. 2026. URL: <https://ict.moscow/projects/ai/research/indeks-zrelosti-operatsionnoi-modeli-rossiiskikh-kompanii-v-epokhu-ii/> (дата обращения: 01.08.2026).

Список литературы / References

1. Щелкунов М.Д., Агапов О.Д. «Вверх по лестнице, ведущей вниз»: о проектах трансформации природы человека. *Казанский социально-гуманитарный вестник*. 2026;1(72):92–99. DOI: 10.26907/2079-5912.2026.1.92-99
- Shchelkunov M.D., Agapov O.D. «Up the stairs leading down»: About projects for the human nature transformation. *The Kazan Socially-Humanitarian Bulletin*. 2026;1(72):92–99. DOI: 10.26907/2079-5912.2026.1.92-99
2. Ragnedda M., Ruiu M.L. *The Inequality Regime of AI: Power, Allocation, and the Struggle for the Commons*. London: Routledge, 2026. 188 p. DOI: 10.4324/9781003689379.
3. Fenn J., Raskino M. *Mastering the Hype Cycle: How to Choose the Right Innovation at the Right Time*. Harvard Business Press, 2008. 237 p.
4. Гарипова Р.Р., Пинигина А.С. Искусственный интеллект в системе высшего образования: практики использования студентами. *Казанский социально-гуманитарный вестник*. 2026;2(73):4–12. DOI: 10.26907/2079-5912.2026.2.4-12
- Garipova R.R., Pinigina A.S. Artificial Intelligence in Higher Education: Student Use Practices. *The Kazan Socially-Humanitarian Bulletin*. 2026;2(73):4–12. DOI: 10.26907/2079-5912.2026.2.4-12 (In Russ.)
5. Хамитов Д.Д. Платформенная урбанизация: как цифровые платформы (Авито, Яндекс, Wildberries) реструктурируют пространство городских агломераций. *Казанский социально-гуманитарный вестник*. 2026;2(73):36–46. DOI: 10.26907/2079-5912.2026.2.36-46
- Khamitov D.D. Platform Urbanization: How Digital Platforms (Avito, Yandex, Wildberries) Restructure the Space of Urban Agglomerations. *The Kazan Socially-Humanitarian Bulletin*. 2026;2(73):36–46. DOI: 10.26907/2079-5912.2026.2.36-46 (In Russ.)
6. Eriksson E., Hansen L. K., Dalsgaard P. We Won't Be Talking About GenAI in 2035, and That's a Problem. *Interactions*. 2025;XXXII(6):26–31. DOI: 10.1145/3764916
7. Wu J. Algorithmic Status Inequality: An Integrative Perspective on AI-Driven Social Stratification. *Journal of Management Studies*. 2026;63(8):1–27. DOI: 10.1111/joms.70134
8. Rogers E.M. *Diffusion of Innovations* (5th ed.). New York: Free Press, 2003. 551 p.
9. Нагматуллина Л.К., Ефлова М.Ю., Максимова О.А., Минзарипов Р.Г. Цифровое поколение молодежи в системе координат традиционных российских ценностей. *Вестник экономики, права и социологии*. 2025;3:294–299. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-294-299
- Nagmatullina L.K., Eflova M.Yu., Maksimova O.A., Minzaripov R.G. Digital generation of youth in the coordinate system of traditional Russian values. *The Review of Economy, the Law and Sociology*. 2025;3:294–299. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-294-299 (In Russ.)
10. Sarkar A. Searching for European Alternatives: Digital Sovereignty, Digital Patriotism, and the Emerging Geopolitics of Software Adoption. *arXiv preprint*. 2026. URL: <https://arxiv.labs.arxiv.org/html/2604.15767> (дата обращения: 01.06.2026).
11. Blake A., Carter M., Velloso E. Restoration, Exploration and Transformation: How Youth Engage Character. AI Chatbots for Feels, Fun and Finding themselves. In *Proceedings of the 2026 CHI Conference on Human Factors in Computing Systems (CHI '26)*. Association for Computing Machinery. 2026;1002:1–19. DOI: 10.1145/3772318.3790508
12. *Искусственный интеллект в России – 2023: тренды и перспективы* / А. Громов, М. Болотских, М. Дорохова [и др.]; консалтинговая компания «Яков и Партнеры», Яндекс. Москва: Яков и Партнеры, 2023. 80 с.
- Artificial Intelligence in Russia – 2023: Trends and Prospects* / Gromov A., Bolotskikh M., Dorokhova M., et al. Consulting company "Yakov and Partners", Yandex. Moscow: Yakov and Partners, 2023. 80 p. (In Russ.)

13. Искусственный интеллект в России – 2025: тренды и перспективы / М. Болотских, М. Дорохова, И. Серов [и др.]; консалтинговая компания «Яков и Партнеры», Яндекс. Москва: Яков и Партнеры, 2025. 120 с.

Artificial Intelligence in Russia – 2025: Trends and Prospects / Bolotskikh M., Dorokhova M., Serov I., et al. Consulting company "Yakov and Partners", Yandex. Moscow: Yakov and Partners, 2025. 120 p. (In Russ.)

Информация об авторах

Гончарова Оксана Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания, заведующая научно-исследовательской лабораторией нейролингвистических и когнитивных исследований, Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы. SPIN-код 7519-6325, Author ID 56037850600, ORCID 0000-0003-1044-6244; e-mail: goncharova-oxvl@rudn.ru

Липатова Анна Вячеславовна, кандидат политических наук, доцент кафедры общей и этнической социологии, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, Казанский (Приволжский) федеральный университет. SPIN-код 1117-7610, Author ID 59225907300, ORCID 0000-0002-3466-2534; e-mail: anna-shab@mail.ru

Information about the authors

Oksana V. Goncharova, Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Associate Professor at the Department of Russian Language and Teaching Methodology, Head of the Research Laboratory of Neurolinguistic and Cognitive Studies, Peoples' Friendship University of Russia named after P. Lumumba. SPIN-code: 7519-6325, Author ID: 56037850600, ORCID: 0000-0003-1044-6244; e-mail: goncharova-oxvl@rudn.ru

Anna V. Lipatova, Cand. Sci. (Political Sciences), Associate Professor at the Department of General and Ethnic Sociology, Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications, Kazan (Volga Region) Federal University. SPIN code: 1117-7610, Author ID: 59225907300, ORCID: 0000-0002-3466-2534; e-mail: anna-shab@mail.ru

Поступила в редакцию 01.06.2026

Принята после рецензирования 30.07.2026

Принята к публикации 01.09.2026

Received June 1, 2026

Revised July 30, 2026

Accepted September 1, 2026

Научная статья

Research article

УДК: 316.77

<https://doi.org/10.26907/2079-5912.2026.3.43-53>

© 2026 г.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

Моделирование процессов формирования общественного мнения с использованием мультиагентной ИИ-системы: опыт использования

Горшенин М.Л.

*Казанский (Приволжский) федеральный университет,
420008, Казань, ул. Кремлевская, д. 18, корп. 1, Российская Федерация*

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена стремительным укреплением искусственного интеллекта как персонального ассистента пользователей, так и инструмента аналитики и прогнозирования социальных процессов. Цель статьи – определить степень применимости мультиагентных роевых систем на примере MiroFish к конструированию процесса формирования общественного мнения. Эмпирической основой для написания работы выступила серия из 4-х авторских симуляций общественной дискуссии по различным сценариям: введение возрастного ценза на использование ИИ, закрытие завода, реакция на «треш-блогеров» и спонтанная интернет-дискуссия. Выборки носят синтетический характер, их размер составляет от 100 до 2000 агентов (суммарно $n=2400$). Установлено, что система MiroFish, настроенная для работы с LLM YandexGPT, может моделировать процесс конструирования общественных дискуссий. Но возможность эта лишь частичная, поскольку она ограничена техническими особенностями работы LLM. Новизна работы состоит в эмпирической проверке социологической валидности использования таких сервисов, практическая значимость – в систематизации возможностей и ограничений применения метода как дополнительного инструмента социологического исследования.

Ключевые слова: искусственный интеллект, Swarm-AI, общественное мнение, спираль молчания, синтетический респондент, графы, LLM, интернет-дискуссии.

Благодарности: Автор выражает глубокую благодарность за значимый вклад в работу над материалом команде студентов-социологов 1 курса кафедры общей и этнической социологии Казанского (Приволжского) федерального университета, а именно: А.А. Генераловой, Е.П. Каменских, А.М. Териной, К.Д. Чаптыкову, А.А. Чекедовой, К.В. Шафеевой и М.Э. Ямалутдиновой.

Для цитирования: Горшенин М.Л. Моделирование процессов формирования общественного мнения с использованием мультиагентной ИИ-системы: опыт использования. *Казанский социально-гуманитарный вестник*. 2026;3(74):43–53.

Modeling public opinion formation processes using multi-agent AI systems: practical experience

Gorshenin M.L.

Kazan (Volga Region) Federal University,
420008, Kazan, Kremlevskaya St., 18, Bldg. 1, Russian Federation

Abstract. The relevance of the research is due to the rapid strengthening of artificial intelligence as personal assistants to users, as well as a tool for analyzing and predicting social processes. The purpose of the article is to determine the degree of applicability of multi-agent swarm systems using the example of MiroFish to the construction of the public opinion formation process. The empirical basis for writing the work was a series of 4 author's simulations of public discussion in various scenarios: the introduction of an age limit on the use of AI, the closure of the plant, the reaction to «trash bloggers» and spontaneous online discussion. The samples are synthetic in nature, their size ranges from 100 to 2000 agents (total $n=2400$). It has been established that the MiroFish system, configured to work with LLM YandexGPT, can simulate the process of constructing public discussions. But this possibility is only partial, since the system's capabilities are limited by the technical features of LLM. The novelty of the work lies in the empirical verification of the sociological validity of the use of such services, the practical significance lies in the systematization of the possibilities and limitations of using the method as an additional tool for sociological research.

Keywords: artificial intelligence, Swarm-AI, public opinion, spiral of silence, synthetic respondent, graphs, LLM, online discussions

Acknowledgements: The author expresses his deep gratitude for the significant contribution to the work on the material to the team of 1st year students of the Department of General and Ethnic Sociology of the Department of Kazan (Volga Region) Federal University, namely: A.A. Generalova, E.P. Kamenskikh, A.M. Terina, K.D. Chaptikov, A.A. Chekedova, K.V. Shafeeva and M.E. Yamalutdinova.

For citation: Gorshenin M.L. Modeling public opinion formation processes using multi-agent AI systems: practical experience. *The Kazan Socially-Humanitarian Bulletin*. 2026;3(74):43–53. (In Russ.)

Введение

На сегодняшний день интеграция технологий искусственного интеллекта (ИИ) в повседневность общества обретает все более масштабный характер. Если несколько лет назад разговоры о передаче каких-то бытовых задач ИИ-ассистентам не звучали серьезно, а сами подобные инструменты рассматривались в большей степени как продвинутые поисковики информации, то сегодня они стали полноценными дополнениями к осуществлению раз-

личных социальных действий. Не стоит исключать и их функционирование в качестве инструмента аналитики данных и прогнозирования экономических, организационных и социальных процессов. Такое, казалось бы, ранее невозможное применение моделей привело и к появлению в социологической среде рефлексии по поводу использования ИИ человеком. Так, например, А.В. Резаев и Н.Д. Трегубова концептуализируют новые производимые формы социальных взаимодей-

ствий с использованием ИИ в качестве «искусственной социальности» – особой формы социальных явлений, которые возникают в ходе взаимодействия ИИ-агентов с человеком [1]. Это ставит перед научным сообществом новые вопросы, на которые необходимо ответить. Если рассматривать этот процесс в более глобальной форме, то такая трансформация углубляет цифровизацию социологии в целом. Социологи взяли на вооружение возможности машинного обучения, что упростило и ускорило выполнение ряда задач, но сформировало новый круг достаточно понятных любому исследователю проблем: полученная информация носит достаточно фрагментарный характер, исследуемая выборка имеет свойство смещаться, а валидность может вызывать сомнения [2]. Совсем другую методологическую рамку социологам предоставляют LLM. Они открыли для нас возможности не только изучать уже собранную социологическую информацию, но и генерировать ее через использование так называемых «синтетических респондентов», использование которых будет раскрыто в этом материале далее.

В профильной литературе такая методика получила название «кремниевая выборка». В работе Л. Аргайл раскрывается, что LLM, которая была заранее запрограммирована закодированными «цифровыми профилями» людей в соответствии с их ключевыми социально-демографическими характеристиками, может давать нам такие ответы на вопросы, которые были характерны для этой социальной группы, если бы мы вышли к ним напрямую. Мерой соответствия, которая призвана определять расхождения между синтетическими ответами и реальными, было описано понятием «алгоритмической точности» [3]. В отечественной социологии вопросами возможностей и ограничений применения таких «синтетиков» посвящена работа Ж.В. Пуза-

новой [4], а И. Гроссман рассматривает языковые модели в качестве средства изменения методики социальных наук через имитацию ответов участников исследования [5]. В работе Дж. Хортонa такие имитации метафорично называются «*homo silicus*» [6], Г. Ахер показал возможности повторения ряда социологических экспериментов через их воспроизведение с использованием больших языковых моделей [7]. Можно сказать, что исследовательский акцент в научном сообществе делается не только на отдельно взятых синтетических респондентах, но и возможностях их объединения в совокупности. Так в работе Дж. Парка представлена архитектура «генеративных агентов» – они обладают своей памятью, возможностью к рефлексии и координации действий, что привело к достаточно позитивному отражению как их индивидуального, так и коллективного поведения [8].

В данном исследовании нами была использована Swarm-AI система (искусственный роевой интеллект) – среда, в которой множество ИИ-агентов объединены в единую динамическую систему [9]. К этому же виду относится и используемая нами среда моделирования MiroFish. Она требует подключения к ней «мозга» в виде LLM, которые в большинстве своем ориентируются на исключительно этичные, социально одобряемые и антропоцентричные ответы. Отсюда выходит фундаментальная проблема – как модель, по умолчанию предоставляющая бесконфликтные ответы и генерации, может справиться с задачей воспроизведения хотя бы приближенно реалистичного социального процесса?

Классические языковые модели способны описывать динамику формирования общественного мнения достаточно однобоко. В результатах генерации можно обнаружить высокую степень абстрагирования модели от сути, а поляризация мнений преподносится довольно формально [10; 11].

Реалистичное описание конструирования общественного мнения должно в обязательном порядке интегрировать в себя не только строгие социальные законы его формирования, но и различные психологические эффекты. В данной работе один из акцентов сделан на попытке воспроизвести ситуацию образования «спирали молчания»¹. Мы предполагаем, что успешное воспроизведение этого эффекта может стать проверкой социологической валидности результатов работы с такими агентными системами.

Хоть реальность и показывает высокие темпы роста числа различных сервисов взаимодействия ИИ с человеком по разнообразным сценариям, вопросы интеграции их в социологическую исследовательскую практику остаются открытыми. Цель данной статьи – определить степень применимости мультиагентных роевых систем на примере MiroFish к конструированию процесса формирования общественного мнения. Для достижения цели поставлены следующие задачи:

- 1) Оценить работоспособность модели в области воспроизводства социально-психологических эффектов.
- 2) Определить границы воздействия встроенных фильтров LLM на результаты моделирования.
- 3) Описать ключевые возможности и преимущества мультиагентной ИИ-симуляции в рамках академической социологии.

Материалы и методы

Единственным методом проведения исследования является роевая ИИ-симуляция процесса конструирования общественного мнения. На первый взгляд, по сравнению с более

классическими методами сбора социологической информации, он предоставляет целый ряд преимуществ. Во-первых, эксперимент в такой среде полностью воспроизводим и контролируем. Во-вторых, исследователь может не только проанализировать результат эксперимента, но и сам процесс изменений мнений синтетических респондентов в реальном времени. В-третьих, можно выделить более утилитарные преимущества – низкие издержки во времени, финансам, числу привлекаемых специалистов. Наконец, в-четвертых, можно выделить возможность определения публичных и частных позиций респондентов, которые крайне малодоступны для классических методов [3; 5; 8]. Отдельно стоит отметить возможность избежать различных сценариев отказа от участия в исследовании по этическим причинам со стороны реальных респондентов.

Площадкой сбора эмпирического материала стала платформа MiroFish² – мультиагентная роевая ИИ-надстройка, требующая подключения внешней LLM – в нашем случае была выбрана YandexGPT³ как единственно доступный вариант для использования. Модель была подключена к MiroFish через программный интерфейс. Программный код, заложенный в работу сервиса, был изменен для получения возможности работать с YandexGPT путем ассистированного чат-ботом программирования.

Выборки синтетических респондентов создавались через программную библиотеку Faker⁴, которая позволяет генерировать правдоподобные текстовые поля. Она реализовалась за счет использования сервиса Google Colab⁵, который выгружал результаты в фор-

¹ Термин «спираль молчания» ввела в 1974 году Э. Ноэль-Нойман, описывая феномен, при котором люди воздерживаются от публичного выражения непопулярного мнения из-за страха социальной изоляции и депривации, тем самым усиливая видимость консенсуса вокруг доминирующего дискурса.

² MiroFish. URL: <https://mirofish.my/> (дата обращения: 01.05.2026).

³ YandexGPT. URL: <https://ya.ru/ai/gpt/> (дата обращения: 01.05.2026).

⁴ Faker. URL: <https://github.com/joke2k/faker> (дата обращения: 01.05.2026).

⁵ Google Colab. URL: <https://colab.research.google.com/> (дата обращения: 01.05.2026).

мате CSV. Реальные люди, что логично, в данном случае не привлекались. Генерация таких агентов занимала около 5 минут. Каждый агент, в свою очередь, описывался через 20-25 ключевых параметров, включающих в себя как социально-демографические характеристики, так и психологические. В идеальном сценарии каждый агент был бы награжден не менее 900 параметрами. Однако, учитывая наши ограничения в бюджете на исследование, было принято решение оставить только ключевые характеристики. Уже на этапе формирования выборок была замечена первая проблема: присваиваемые параметры агента не имели между собой никакой логической зависимости. Например, Faker сформировал портрет 18-летней студентки, которая также являлась пенсионером по возрасту. Для чистоты эксперимента такие несостыковки никак не исправлялись, но было замечено следующее. В ходе работы с агентами MiroFish самостоятельно находил такие «аномалии» и выносил подобных несогласованных персонажей за пределы формирующегося единого мнения (они были представлены «оторванными» единицами в итоговых графах).

Всего в данном исследовании реализовано 4 независимых друг от друга

сценария конструирования общественного мнения с разными объемами выборок, более подробная информация приведена в таблице ниже (см. Табл. 1).

В окна взаимодействия со средой MiroFish загружались таблицы с данными об агентах и текстовый промпт, содержащий описание проблемной ситуации. Для каждого сценария задавались временные параметры моделирования. MiroFish позволяет симулировать взаимодействие агентов «по часам», где каждый раунд обсуждения приравнивается к одному часу «реального» времени. Таким образом, каждый сценарий длился трое суток (по 72 часа). Также роевая система присваивала для каждого агента, в зависимости от его параметров, пиковые часы активности. Так, например, работающие «люди» принимали активное участие в обсуждении с 8 до 9 утра, а также с 19 до 22 вечера. Студенты же, напротив, были активны в течение более длительного периода времени. По итогам каждого обсуждения система реализовывала публичное голосование (агенты видят доминирующее мнение) и приватное голосование (агенты голосуют независимо друг от друга). В процессе моделирования обсуждения MiroFish автоматически создавала социальные узлы (группы)

Таблица 1

Характеристики смоделированных сценариев

№	Сценарий	Объем выборки	Проверяемая гипотеза
1	Введение возрастного ценза на применение ИИ после случая «ИИ-психоза»	n=100	Ограничение доступа к ИИ вызовет дискуссию и межпоколенческий конфликт
2	Закрытие завода по переработке медицинских отходов	n=200	Система воспроизведет «спираль молчания»
3	Общественная реакция на «треш-блогеров»	n=2000	Система воспроизведет парадокс морального осуждения при скрытом потреблении
4	Спонтанный уход от исходной темы в интернет-дискуссии	n=100	Аудитория способна отвлечься от исходной темы обсуждения и перейти к другой

Источник: составлено автором

и выстраивала между ними связи – «поддерживает», «работает с», «опровергает», «надеется» и т. д. Такая сетка взаимодействий создавала всю структуру графа. Для каждого социального узла среда создавала дополнительные параметры – число сообщений, комментариев, реакций, эмоциональную склонность к позиции, значимость мнения остальных узлов и тип личности по типологии MBTI.

Анализ полученной информации носил качественный характер. В ходе работы были интерпретированы прогнозные отчеты по результатам генерации, структуры социальных графов и распределения голосов агентов. Сбои в работе и срабатывание фильтров безопасности LLM определялись как значимые эмпирические данные. Используемая конфигурация программы обладает рядом ограничений: контентные фильтры выбранной языковой модели, лимиты бесплатного API, языковой барьер (поскольку изначально MiroFish создавалась под китайскую аудиторию). Полученные выводы могут быть соотнесены только с конфигурацией YandexGPT + MiroFish, переносить их на другие языковые модели недопустимо.

Результаты и обсуждение

В рамках данной статьи результаты проведенного исследования будут структурированы в соответствии со степенью качества проведенных симуляций общественных сценариев дискуссий. Эта логика нам видится необходимой для последовательного обозначения возможностей и ограничений тестируемой системы социального прогнозирования. Наиболее удачным опытом стала реализация сценария №2 – закрытие завода по переработке медицинских отходов. MiroFish, помимо того, что успешно запустила дискуссию между агентами, но и воспроизвела «спираль молчания». В итоговом прогножном отчете о ходе и результа-

те обсуждений было прямо отмечено сильное влияние эффекта «вдохновляющей тишины» (машинный перевод понятия «спираль молчания» с китайского языка). Это влияние привело к тому, что результаты публичного голосования агентов крайне сильно отличались от их приватного мнения по этому вопросу. Среда прогнозирования предоставила нам подробное описание развития мнений. Сторонники закрытия завода (позиция А) с каждым раундом обсуждений становились более активными по сравнению с представителями противников закрытия (позиция Б). Это поспособствовало постепенному уменьшению доли их участия в каждом раунде дискуссии, несмотря на сохранение ими своего изначального мнения. В итоговом прогножном отчете было прямо сказано, что они «начали чувствовать, что их взгляды не приняты общественностью, и частота их высказываний постепенно уменьшилась». В результате меньшинство замолчало, а публичное мнение стало выражаться только позицией стороны А. Структура всей дискуссии была развернута на 78 социальных узлах и 277 связях между ними, что можно увидеть на рисунке ниже (см. Рис. 1).

В сценарии №3 дискуссия о допустимости производства контента «треш-блогерами» показала идентичный ход укрепления «спирали молчания». Публичное мнение о блокировке таких блогеров нарастало, их моральное воздействие усиливалось, что привело к заметному затуханию голосов сторонников свободного контента. В этом сценарии MiroFish так же смог нас удивить – среда без нашей помощи отметила существование парадокса морального осуждения при скрытом потреблении, указав в итоговом прогножном отчете, что часть осуждающих все равно потребляет такой контент (в чем выражена их приватная позиция) (см. Рис. 2). Структура графа несколько отличалась от предыдущей

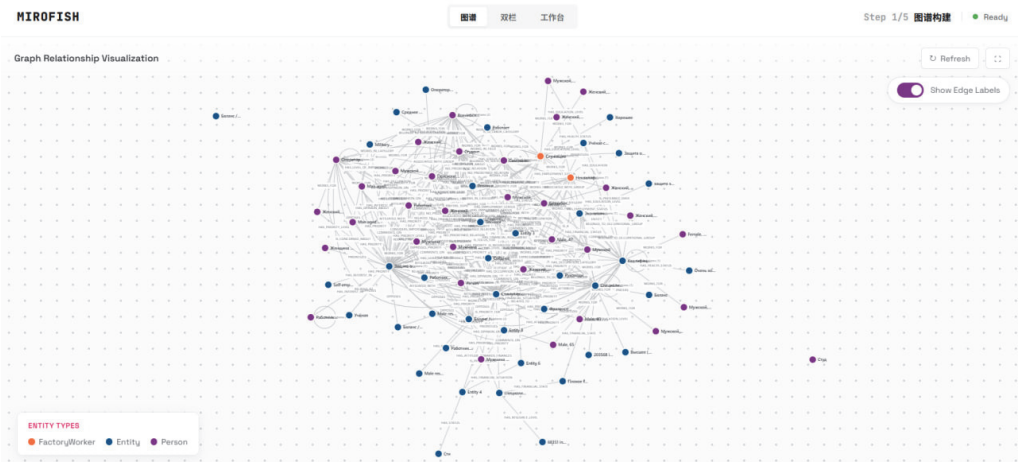

Рис. 1. Граф для сценария №2 –
заккрытие завода по переработке медицинских отходов
Источник: граф смоделирован автором
на базе данных авторского исследования

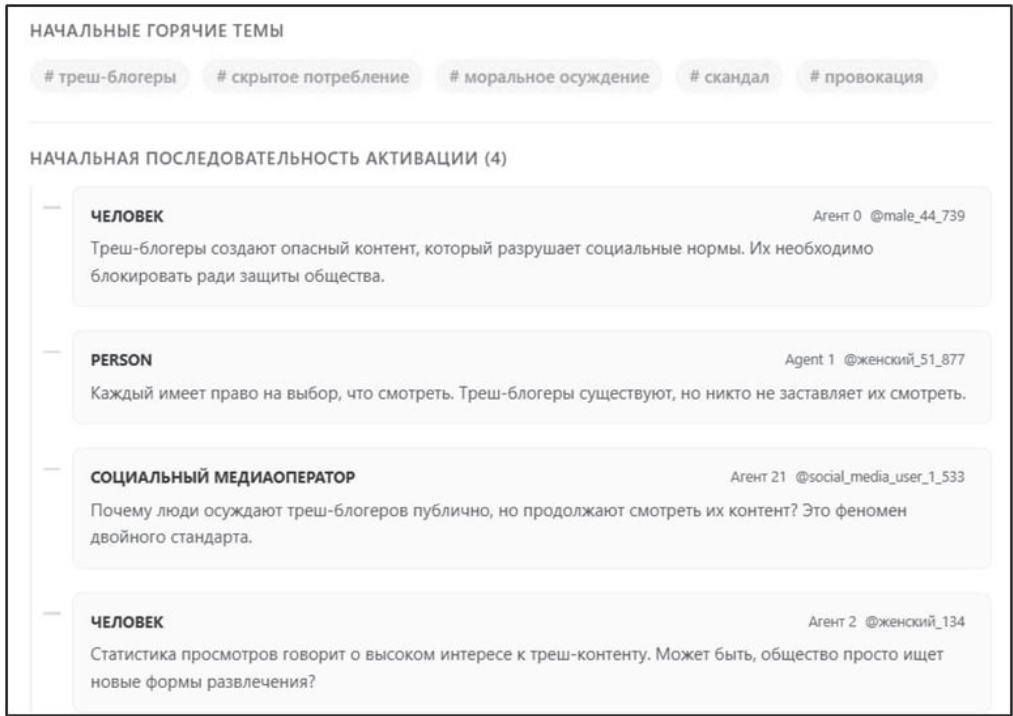

Рис. 2. Приватные позиции агентов в сценарии №3 дискуссия
о допустимости производства контента «треш-блогерами»
Источник: разработано автором

го сценария не только количественно (65 узлов и 295 связей), но и качественно. Она выделила значительно больше возможных взаимодействий между группами агентов: создание контента, регулирование, освещение, влияние, поддержка, потребление и т.д. Такая симуляция создала куда более сложную ролевую модель, чем конфликт в области экологии. Сценарий №3, тем не менее, был поставлен на второе место не случайно – именно на нем был выявлен предел масштабируемости данной модели. При попытке запустить симуляцию при числе агентов $n=2000$ процесс завершился ошибкой по причине ограничения лимитов бесплатного API YandexGPT. Для большей объективности наших выводов отметим, что сценарии №2 и №3 отличались не только по объему выборки, но и по составу параметров агентов. Зафиксированное ограничение в 2000 агентов мы не признаем в качестве единого «потолка» для всех симуляций, поскольку мы использовали только бесплатные возможности API LLM.

В сценарии №1, где проходило обсуждение законопроекта о возрастном цензурировании на использование ИИ-технологий, MiroFish воспроизвела ценностный раскол между разными поколениями, хотя в промте отсутствовало какое-либо упоминание об этом. Группа «студенты» демонстрировала явную обеспокоенность ограничениями доступа к ИИ в связи с необходимостью его использования в учебных целях. При этом «пожилые» агенты выразили активную поддержку, ссылаясь на общественную безопасность и коллективную ответственность. Поскольку динамика разветвления позиций была связана именно с межпоколенческим конфликтом, выдвигаемую гипотезу можно признать подтвержденной. Сама постановка проблемы в этом сценарии – необходимость введения возрастных ограничений в ответ на стремительное распростра-

нение ИИ – отражает более широкую проблему адаптивности моделей государственного управления к темпам технологического развития [12]. Среда прогнозирования показала нам не только базовые «одни согласны, другие – нет», но и социально обусловленные мотивации такой поляризации позиций. Несмотря на очевидный успех в прогнозировании, здесь же были выявлены и слабые стороны используемой системы. Зафиксированы галлюцинации при генерации узлов графов, а также высокие требования к качеству разметки исходных параметров профилей агентов. При первом запуске сценария агенты не были пронумерованы, что привело к их спутыванию в дальнейшей генерации. При повторном запуске мы учли этот момент, что дало нам более реалистичный результат.

Наименее удачным оказался сценарий №4, где мы проверяли способность системы сконструировать иррациональный уход участников дискуссии от исходной темы. При беглом анализе можно сказать, что формально гипотеза подтвердилась – агенты действительно ушли от темы выбора цвета автомобиля к обсуждению садоводства. Но с точки зрения содержания гипотеза была опровергнута. Уход от темы произошел, но связан он был с техническим сбоем модели, а не с социально-психологическим контекстом дискуссии. Первые 20 раундов (виртуальных часов в сутках) дискуссия практически не шла, а агенты распадались на изолированные группы со слабыми связями между собой. Далее активность выросла, а уход от изначальной темы был спровоцирован ошибкой перевода. Система подменила понятие «город» на «огород». Причина, вероятно, заключалась в смешении близких по написанию слов. Но даже такой результат все равно является значимым, поскольку мы смогли установить неспособность системы генерации

«флуда» в дискуссиях между агентами. Подлинно спонтанные ассоциации ей недоступны, а все бессмысленные комментарии оказались простой ошибкой перевода. Помимо этого, долю заданных параметров агентов система просто не распознала в качестве их признаков, а в качестве имен. Это привело к тому, что стало невозможным отслеживание влияния конкретных характеристик на активность агентов.

По результатам проведения серии из 4 симуляций мы сделали следующие наблюдения о сильных и слабых сторонах модели. К сильным можно отнести:

1) Автоматическое выделение социальных узлов и связей с построением графа без его ручного описания, что предоставляет возможность значительной экономии времени. Это согласуется с успешным применением графового анализа связей для оценки факторов сплоченности в виртуальных сообществах с помощью ИИ-алгоритмов в отечественных исследованиях [13].

2) Привязка активности агентов к виртуальному времени суток, что дает нам более реалистичную картину воспроизводства общественных дискуссий.

3) Генерация детальных индивидуальных профилей агентов с достраиванием их психологических черт, что было выражено в конструировании их личностей по методике MBTI; это может дать нам возможность углубления полученных социологических знаний, поскольку традиционные методы сбора информации этого в принципе не предполагают.

4) Чувствительность к содержанию темы, которая проявляется при построении структуры графов – это дает дополнительные возможности для повышения валидности полученных данных.

К слабым же сторонам относятся:

1) На чувствительных темах в сценариях №1, №2 и №3 срабатывал внутренний фильтр языковой модели, который блокировал генерацию от-

дельных элементов со словами: «Я не могу обсуждать эту тему. Давайте поговорим о чем-нибудь еще». Такая методика оказалась малоприменимой для тем, которые носят наиболее высокий социологический интерес.

2) Система обнаружила неявный перенос культурных особенностей ее создателя. Пик активностей большей части агентов был зафиксирован на временном промежутке с 19 до 22 вечера с пояснением, что «в Китае это характерное время максимального погружения в дискуссии». Категории «ИП» и «самозанятый», которые в РФ имеют сильную разницу между собой, но в Китае они не различаются в силу культурного контекста. Решением этой проблемы видится адаптация исходного кода среды к российской социокультурной реальности.

3) Особенности перевода результата генерации ставят под сомнения корректность работы системы с русскоязычными исходными данными. Опять же, эта проблема может решиться за счет адаптации исходной программной среды к нашей действительности.

Выводы

Реализованная серия из 4 симуляций конструирования общественного мнения позволяет построить содержательную, но в то же время неоднозначную оценку возможностей использования мультиагентных ролевых ИИ-систем для прогнозирования формирования общественного мнения. Цель, поставленная нами изначально, была достигнута – система MiroFish, настроенная для работы с LLM YandexGPT, может моделировать процесс конструирования общественных дискуссий. Но возможность эта лишь частичная, поскольку возможности системы ограничены и техническими особенностями работы LLM.

Теоретическая значимость исследования определяется тем, что нами была проведена концептуализация

роевой ИИ-симуляции не в качестве полноценной замены традиционных эмпирических методов (по крайней мере, на текущий момент), а как перспективное уточняющее средство для изучения гипотетических социальных ситуаций, которые сложно наблюдать в реальности. Практическая значимость состоит в систематизации рекомендаций по использованию таких систем. Исследователь должен аккуратно подготавливать и структурировать профили «синтетических респондентов», которые принимают участие в исследовании, должен нейтрально формулировать промпт для описания проблемы и сценария, чтобы избежать субъективизма; должен учитывать особенности чувствительности LLM и ее технические лимиты.

Данная работа имеет достаточно весомый потенциал для проведения дальнейших исследований по этой

теме. В планах – запуск схожих симуляций на языковых моделях с минимальными фильтрами выдачи генераций для уменьшения «стерильности» результатов, тестирование выборок с одинаковым и заметно большим набором параметров агентов для более ясного определения границ конструирования дискуссий. Перспективным также видится дальнейшая проверка модели при работе с максимально «пустым» промптом для большей правдоподобности, подтверждение результатов через сопоставление с реальными дискуссиями в различных средах (оффлайн и онлайн). Ключевой перспективой же нами видится развитие междисциплинарного направления в исследованиях социологов и лингвистов в области проверки, как нейросеть конструирует естественный язык и отражает человеческое речевое взаимодействие.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Conflict of interest. The author declares no conflicts of interest.

Список литературы / References

1. Резаев А.В., Трегубова Н.Д. Искусственный интеллект и искусственная социальность: новые явления, проблемы и задачи для социальных наук. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены.* 2021;(1): 4–17. DOI: 10.14515/monitoring.2021.1.1905

Rezaev A.V., Tregubova N.D. Artificial Intelligence and Artificial Sociality: New Phenomena and Challenges for the Social Sciences. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes.* 2021;(1):4–17. DOI: 10.14515/monitoring.2021.1.1905 (In Russ.)

2. Богданов М.Б., Смирнов И.Б. Возможности и ограничения цифровых следов и методов машинного обучения в социологии. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены.* 2021;(1):304–328. DOI: 10.14515/monitoring.2021.1.1760

Bogdanov M.B., Smirnov I.B. Opportunities and Limitations of Digital Traces and Machine Learning Methods in Sociology. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes.* 2021;(1):304–328. DOI: 10.14515/monitoring.2021.1.1760 (In Russ.)

3. Argyle L.P., Busby E.C., Fulda N., Gubler J.R., Rytting C., Wingate D. Out of One, Many: Using Language Models to Simulate Human Samples. *Political Analysis.* 2023;31(3):337–351. DOI: 10.1017/pan.2023.2

4. Пузанова Ж.В., Кожоридзе Г.Г., Кожоридзе Д.Г. ИИ и социология: анализ технологических возможностей виртуальных респондентов. *Социология: методология, методы, математическое моделирование (Социология: 4М).* 2025;(60):216–246. DOI: 10.19181/4m.2025.34.1.6

Puzanova Zh.V., Kozhoridze G.G., Kozhoridze D.G. AI and Sociology: Analysis of the Technological Capabilities of Virtual

- Respondents. *Sociology: Methodology, Methods, Mathematical Modeling (Sociology: 4M)*. 2025;(60):216–246. DOI: 10.19181/4m.2025.34.1.6 (In Russ.)
5. Grossmann I., Feinberg M., Parker D.C., Christakis N.A., Tetlock P.E., Cunningham W.A. AI and the transformation of social science research. *Science*. 2023;380(6650):1108–1109. DOI: 10.1126/science.adi1778
6. Filippas A., Horton J.J., Manning B.S. Large Language Models as Simulated Economic Agents: What Can We Learn from Homo Silicus? *EC '24: Proceedings of the 25th ACM Conference on Economics and Computation*. New York: Association for Computing Machinery, 2024:614–615. DOI: 10.1145/3670865.3673513
7. Aher G.V., Arriaga R.I., Kalai A.T. Using Large Language Models to Simulate Multiple Humans and Replicate Human Subject Studies. *Proceedings of the 40th International Conference on Machine Learning (ICML 2023)*. Honolulu, Hawaii, USA. Proceedings of Machine Learning Research (PMLR). 2023;202:337–371.
8. Park J.S., O'Brien J.C., Cai C.J., Morris M.R., Liang P., Bernstein M.S. Generative Agents: Interactive Simulacra of Human Behavior. *UIST '23: Proceedings of the 36th Annual ACM Symposium on User Interface Software and Technology*. San Francisco, CA, USA. New York: Association for Computing Machinery, 2023. Article No. 2. P. 1–22. DOI: 10.1145/3586183.3606763
9. Rosenberg L., Willcox G. Artificial Swarm Intelligence. Bi Y., Bhatia R., Kapoor S. (eds.) *Intelligent Systems and Applications: Proceedings of the 2019 Intelligent Systems Conference (IntelliSys 2019). Advances in Intelligent Systems and Computing*. London, UK. Cham: Springer, 2020;1037:1054–1070. DOI: 10.1007/978-3-030-29516-5_79
10. Hegselmann R., Krause U. Opinion Dynamics and Bounded Confidence: Models, Analysis and Simulation. *Journal of Artificial Societies and Social Simulation*. 2002;5(3):2.
11. Castellano C., Fortunato S., Loreto V. Statistical physics of social dynamics. *Reviews of Modern Physics*. 2009;81(2):591–646. DOI: 10.1103/RevModPhys.81.591
12. Eflova M.Y., Nikolaeva E.M., Nikolaev M.S. Impact of Artificial Intelligence Emergence on Adaptive Governance Models. *RISUS – Journal on Innovation and Sustainability*. São Paulo. 2026;17(1):237–243.
13. Eflova M.Y., Lipatova A.V. Social Interaction in Youth Virtual Communities: Identification of Social Cohesion Factors by AI Algorithms. *Studies in Computational Intelligence*. Cham: Springer. 2026;1249:41–49. DOI: 10.1007/978-3-032-13565-0_5

Информация об авторе

Горшенин Максим Леонидович, ассистент кафедры общей и этнической социологии, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, Казанский (Приволжский) федеральный университет. SPIN-код 1776-5047, ORCID 0009-0007-8753-6447; e-mail: gorsheninmaxim@gmail.ru

Information about the author

Maxim L. Gorshenin, Teaching Assistant at the Department of General and Ethnic Sociology, Institute of Social-Philosophical Sciences and Mass Communications, Kazan (Volga Region) Federal University. SPIN-code 1776-5047, ORCID 0009-0007-8753-6447; e-mail: gorsheninmaxim@gmail.ru

Поступила в редакцию 11.06.2026
Принята после рецензирования 25.07.2026
Принята к публикации 01.09.2026

Received June 11, 2026
Revised July 25, 2026
Accepted September 1, 2026

Научная статья

Research article

УДК 316.42

<https://doi.org/10.26907/2079-5912.2026.3.54-64>

© 2026 г.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

Репрезентация искусственного интеллекта в новостных пабликах ВКонтакте: критический versus апологетический дискурсы

Кононенко Е.В., Низамова Л.Р.

*Казанский (Приволжский) федеральный университет,
420008, Казань, ул. Кремлевская, д. 18, корп. 1, Российская Федерация*

Аннотация. Широкомасштабное распространение искусственного интеллекта (далее – ИИ) получает отражение в массмедиа, среди которых особую роль играют социальные сети как публичные пространства конструирования социальной реальности. Репрезентация ИИ варьируется в широких пределах от скептических оценок до комплиментарных. Цель статьи состоит в оценке характера и соотношения полярных стратегий освещения ИИ в новостных пабликах ВКонтакте с помощью дискурс-анализа, позволяющего выявить особенности представления ИИ в социальных сетях. Установлено, что репрезентация ИИ является асимметричной: дискурс технофобии (образы ИИ как преступника, заменителя человека и глупца) выражен более ярко и предстает как более многокомпонентный феномен, чем дискурс технофилии (образы помощника, высокой статусности и ученика), не формирующий достаточный корпус смыслов для противодействия паническим нарративам. Если критическая риторика опирается на стратегии «делигитимации», «криминализации» и «катастрофизации», то апологетический дискурс прибегает к «нормализации», «персонализации» и «квантификации», оказывающимся недостаточным для закрепления устойчиво позитивных нарративов и преодоления тревожных ожиданий в обществе.

Ключевые слова: искусственный интеллект, социальные сети, дискурс ВКонтакте, дискурс-анализ, дискурсные стратегии

Для цитирования: Кононенко Е.В., Низамова Л.Р. Репрезентация искусственного интеллекта в новостных пабликах ВКонтакте: критический versus апологетический дискурсы. *Казанский социально-гуманитарный вестник.* 2026;3(74):54–64.

Representation of Artificial Intelligence in VKontakte News Groups: Critical versus Apologetic Discourses

Kononenko E.V., Nizamova L.R.

*Kazan (Volga Region) Federal University,
420008, Kazan, Kremlevskaya St., 18, Bldg. 1, Russian Federation*

Abstract. The widespread use of artificial intelligence (AI) is reflected in the mass media, with social networks playing a special role as public spaces for constructing social reality. AI representation varies ranging from skeptical assessments to complimentary. The purpose of this article is to assess the nature and relationship of AI coverage strategies in VKontakte news groups using discourse analysis, which allows us to identify the specific features of AI representation in social media. Research revealed that the representation of AI is asymmetrical. The discourse of technophobia (images of AI as a criminal, a substitute for humans, and a fool) is more pronounced and appears as a more complex phenomenon than the discourse of technophilia (images of an assistant, a high-status holder, and a student), which does not form a sufficient body of meanings to counteract the panic narratives. While critical rhetoric relies on strategies of "deligitimization," "criminalization," and "catastrophization," apologetic discourse resorts to "normalization," "personalization," and "quantification," which are insufficient to establish stable positive narratives and overcome societal anxieties.

Keywords: artificial intelligence, social networks, VKontakte discourse, discourse analysis, discursive strategies

For citation: Kononenko E.V., Nizamova L.R. Representation of Artificial Intelligence in VKontakte News Groups: Critical versus Apologetic Discourses. *The Kazan Socially-Humanitarian Bulletin*. 2026;3(74):54–64. (In Russ.)

Введение

В связи с внедрением искусственного интеллекта (далее – ИИ) во все сферы человеческой жизни его осмысление выходит за рамки исключительно технологических возможностей и становится самостоятельным социальным феноменом, представленным в медийном пространстве. Российские и зарубежные ученые заинтересованно осмысливают появление «искусственной социальности» [1] и тенденций формирования «цифровой цивилизации» [2; 3]. Исследуются положительные и отрицательные стороны, правовые и нравственные аспекты широкомасштабного распространения ИИ [4; 5]. ИИ притягивает внимание

не только в научном и профессиональном контекстах, но и в повседневной жизни рядовых граждан, подверженной качественным изменениям из-за возрастающего влияния технологий на общество.

Медийный дискурс является ведущим в формировании социальных смыслов происходящих перемен. В соответствии с теорией социального конструирования технологий Т. Пинча и В. Биджкера, технологические артефакты сопряжены с интерпретативной гибкостью – то есть имеют место различия в интерпретации, соотносимые с институционально неравными статусами социальных групп [6, с. 414]. Это отражается в том, что ИИ одновременно обладает преимуществами для бизнеса, управления и целевых отраслей

применения ИИ [4, с. 98], но ассоциируется с рисками, которыми обеспокоена широкая общественность. ИИ-тематика остается не до конца понятной большинству граждан, поэтому они обращаются не к конкретным данным и источникам, а к их репрезентации в медиа [7].

Зарубежные ученые, исследующие репрезентации ИИ в массмедиа, отмечают не только постоянно растущее число работ по этой тематике, но и внимание к разным типам медиа (текстовым и аудиовизуальным, традиционным и менее изученным социальным медиа) преимущественно в развитых странах Запада [8; 9]. Признается, что имеющиеся работы обычно сфокусированы на отдельных кейсах, чаще изучаются текстовые медиа с применением количественных методов [9]. В сообщениях медиа об ИИ укоренены бинарные оппозиции ИИ как «спасителя – разрушителя», проводника «контроля – хаоса», инструмента «знания – невежества», оформляющие современные социальные мифы в условиях технологической неопределенности [10]. Рассмотрение корпуса публикаций и комментариев в Twitter¹ с 2015 по 2022 год показало, что репрезентация ИИ не представляет единого смыслового нарратива, имеется перевес в сторону негативных сценариев. Помимо того, было выявлено, что отношение к ИИ подчинено основным мировым событиям (например, принятие GDPR (General Data Protection Regulation) о защите персональных данных в 2018 г., пандемия COVID-19 в 2020 г. и другим).

С начала 2020-х гг. тема получила развитие и в российском социогуманитарном знании: учеными оценивается количественная динамика,

тональность и семантика сообщений российских СМИ об ИИ, выявляются основные акторы дискурса и используемые дискурсивные стратегии [11]. В отечественных исследованиях тоже обнаружены бинарные оппозиции «машинного интеллекта – человеческого разума» и сегментация дискурса [12]. В немногочисленных отечественных работах в фокусе внимания находятся традиционные СМИ, которые часто изучаются с применением количественных методов и корпусного подхода [13]. В СМИ обнаружен преимущественно положительный дискурс отношения к ИИ с элементами нарративов-угроз [11; с. 758]. При этом еще не стали предметом развернутого изучения репрезентации ИИ в социальных медиа, представляющие как официальный, так и неофициальный сегменты публичного медиапространства.

Социальные медиа становятся ключевой площадкой конструирования смыслов и символической борьбы ввиду их децентрализованности, нелинейности коммуникации, разнородности форматов и гибридного характера. В настоящее время именно социальные медиа выступают полем борьбы за доминирующие смыслы и значения, при этом созидательная роль медиа как творцов реальности предопределяется противоборствующими в медиапространстве дискурсами [14]. Как российские, так и зарубежные исследования подтверждают неоднородность закрепившихся дискурсов. Кроме того, репрезентация ИИ меняется во времени и в соответствующих институциональных контекстах. На характер репрезентации влияют вид и направленность медиа. В связи с этим целью данной статьи является определение содержания и риторического соотношения критического и апологетического дискурсов ИИ в социальных сетях на примере новостных пабликов ВКонтакте.

¹ Доступ к социальной сети Twitter на территории Российской Федерации ограничен в соответствии с требованиями законодательства.

Материалы и методы

Применен метод дискурс-анализа, основанный на идеях критического подхода Т. ван Дейка [15], позволяющего рассмотреть лингвальные структуры во взаимосвязи с глобальными контекстами (макроструктуры текста); осуществить поиск лексических и смысловых различий в формировании полярных нарративов, а также определить представления будущего (когнитивные модели), формируемые в контекстах критического и апологетического дискурсов.

На первом этапе определялись глобальная проблематика медиасообщения, основные смысловые тезисы и тональность текста с точки зрения ее принадлежности к критическому и апологетическому дискурсу. На втором этапе выявлялись основные микроструктуры языка – тропы и лексические приемы. На третьем – дискурсивные стратегии как способы усиления медиасообщения, их сопоставительный анализ. Заключительный этап раскрывал основания закрепления дискурсов – социальные страхи и ожидания с позиции понятия когнитивных моделей – устойчивых рамок восприятия, структурирующих построение дискурсов. Исследование проведено в марте-апреле 2026 года в социальной сети ВКонтакте как наиболее популярной у массового пользователя (77,9% охвата населения на март 2026) (Медиаскоп, 2026). Для анализа отобрано 5 сообществ общественно-новостного характера (MDK, PostNews, LIFE.ru, Mash|Мэш, Топор Новости). Из выборки исключались сообщества-дублиеры новостных агентств (РИА, ТАСС и т.д.) и имеющие характерную тематическую направленность. Единицей анализа стал новостной пост, отбор которых осуществлялся с помощью поиска по ключевым словам («Искусственный интеллект», «Нейросети», «ChatGPT», «Машинное обучение» и др.). В конечную выборку вошли 47 новостных по-

стов за период с августа 2025 по апрель 2026 с учетом принципа теоретической насыщенности.

Результаты

В российской социальной сети ВКонтакте выявлена асимметрия в репрезентации ИИ: дискурс преимущественно критичен. Негативное отображение ИИ предстает как многоуровневый феномен, который апеллирует к широкому кругу социальных проблем (потеря работы из-за внедрения ИИ, угрозы общественной безопасности и т.д.). В то же время апологетический дискурс скорее побочный, не доминирует в репрезентациях и находится на периферии медиаполя, не создавая устойчивого смыслового нарратива. Он концентрируется вокруг определенных тематических сфер (ИИ в медицине, в решении бытовых задач, самообразовании и т.д.) и менее конкурентоспособен.

Ключевую роль в формировании дискурсов играет язык – то, как авторы публикаций выстраивают текст, какие языковые средства и тропы они используют. Стилистический анализ медиатекста позволил выявить устойчивые паттерны построения дискурсов. Для критического контекста наиболее характерными являются гиперболы («худший по итогам года», «критический разрыв» и т.д.), дисфемизмы («тупеет», «попадут под нож» и т.д.), антитеза («у людей есть права – ИИ должен быть ограничен») и риторические вопросы («стоит ли подпускать нейросеть к законам?», «...технологии способны заменить живых партнеров?» – подразумевается негативный ответ). Такой выбор тропов и стилистических фигур создает необходимый эффект: ощущение, что негативные последствия ИИ настигают общество здесь и сейчас и формируют представления о тотальной угрозе. В результате ИИ предстает не просто как недоработанная технология, а как причина экзистенциальных страхов.

Читатель не имеет возможности ознакомиться с неэмоционально окрашенной информацией, вследствие чего закрепляются ассоциации между ИИ и рисками.

Апологетический дискурс опирается преимущественно на эвфемизмы (в посте о роботах для пожилых людей сообщается о «поддержке», а не «замене» детей или внуков (BK1); позитивные метафоры («действия ИИ дают плоды», «ключ к успеху», «кибер-внуки (роботы-помощники для пожилых людей)» и олицетворения («помогает», «сигнализирует», «откликается» и т.д.). В данном случае отбираемые тропы работают для достижения антропоморфного нормализованного образа ИИ, который понятен обычному обывателю и не вызывает тревоги неясностью своих действий. ИИ интерпретируется как часть повседневной жизни человека, в которой за ним закреплено конкретное место. Интересно, что олицетворения также являются частью критического дискурса, однако в нем они несут противоположный смысл: ИИ – не соратник человека, а угроза.

Средствами языка конструируются цельные образы, вызывающие к определенным страхам и надеждам, которые закрепляются в сознании читателей воспроизведением от одной публикации к другой. Критический дискурс отличается тремя ключевыми образами. Первый из них – это «ИИ-преступник», выступающий как отдельный криминализованный актер, игнорирующий правовые и этические нормы, или как оружие, активно используемое преступниками (создание дипфейков (BK2)). Страх потери контроля и утраты чувства реальности (где есть реальность, а где ИИ-технологии?) разрушают уверенность человека в безопасности современного мира.

Второй образ «ИИ-заменитель» несет риски потери субъектности человека на местах. ИИ предстает не как технологический помощник человека,

а его конкурент, способный лишить человека должности (BK3), привнести в жизнь одиночество из-за утраты социальных связей (BK4) или даже «забрать» у общества устоявшиеся ценности (BK5) (искусство, религия подменяются ИИ). Этот образ мы можем называть центральным, так как подрывается уверенность человека в его значимости и субъектности.

Третий образ – «ИИ-глупец» подмечает технические несовершенства ИИ – ошибки и галлюцинации (BK6). При этом он парадоксален: с одной стороны, ИИ в меньшей степени ощущается читателем как угроза (так как совершает маловероятные для человека ошибки), с другой стороны, усиливается тревога по поводу применения ИИ в ответственных сферах (BK7) (политика, экономика, военное дело), где малейший промах может иметь необратимые последствия и стоить баснословных сумм.

В отличие от критической риторики апологетический дискурс не видит в ИИ врага, уравнивает положение ИИ и человека, подпитывает веру в лучшее будущее. Центральное место в нарративе надежды занимает «ИИ-помощник», высвобождающий человека от рутинных обязательств и упрощающий его жизнь (BK8). Характерной чертой данного образа является то, что он выстраивается через персонализированные истории и личный опыт, например, использования ИИ в профессиональной деятельности (BK9) или спасения питомца от болезни с помощью нейросети (BK10).

Второй положительный образ – «ИИ-высокостатусность» характеризует использование ИИ как повышение социального положения человека, компании или даже государства. Особенно важно продвижение страны на международной арене (BK11) – выстраивается образ ИИ как способа повышения конкурентоспособности, а также символа современности и развития.

Третий образ «ИИ-ученик», по сути, пограничен, так как не несет в себе никакой опасности, но и не формирует глобального блага. ИИ выступает как еще не до конца усовершенствованная технология, которая находится на этапе обучения (БК12). ИИ не несет вреда человеку, так как находится под его влиянием, что снижает общий уровень тревожности и даёт чувство контролируемости ситуации.

Образы критического дискурса оказываются более устойчивыми по ряду причин. Во-первых, они создают очерченный образ ИИ как врага, противостоящего человеку, негативно влияющего на все сферы жизни. Апологетические образы специфичны: они абстрактны и не способны полноценно «продавать» идею об идеальности ИИ как «умной» технологии. К тому же критический дискурс легче усваивается и впитывается читателями ввиду своей динамичности и выразительности, и, следовательно, успешнее закрепляется как устойчивый нарратив.

Образы ИИ в медиатекстах образуются не случайным образом, а закрепляются в виде типичных дискурсивных стратегий. В критическом дискурсе обнаружены стратегии «делегитимации», «криминализации» и «катастрофизации». Стратегия «делегитимации» ИИ осуществляется посредством высмеивания, сравнения с человеческими качествами (*«искусственный интеллект оказался чересчур творческим»*, *«суд не оценил такой креатив»* в сравнении ИИ с реальным адвокатом (БК13)) или через сопоставление применения ИИ с социально-одобряемыми критериями статуса. Целью применения данной стратегии является конструирование ИИ как ненужной человеку технологии, использование которой должно быть ограничено.

Стратегия «криминализации» описывает ИИ как криминального субъекта, либо повествует о действиях, нарушающих общественные устои, ко-

торые человек совершает с помощью ИИ (осознанно или нет). Она закрепляет ассоциации между ИИ и аморальным деструктивным поведением даже в тех случаях, когда ИИ является лишь технологией, попавшей в руки злоумышленников (напр.: ИИ становится соучастником преступления: *«инсценировал своё похищение с помощью ChatGPT»* (БК14)).

Третья стратегия отсылает нас к идеям о моральных паниках и направлена на «катастрофизацию» будущего через гиперболизацию рисков. При этом единичные случаи описываются как массовые тенденции, а лишь возможные тревоги становятся активными творцами фаталистских сценариев (*«появление «людей-автоматов», которые ничего не умеют, кроме как на кнопки нажимать»* (БК15)). Моральная паника также апеллирует к базовым рутинным страхам человека – например, потери работы: *«программисты могут исчезнуть»* (БК16), *«россиян начнут массово увольнять»* (БК3) или страху перед новым. Акценты расставляются таким образом, что пространства для рационального осмысления вероятности трагических событий не остается.

Стратегии апологетического дискурса представлены «нормализацией», «персонализацией» и «квантификацией». Они оказываются менее удачными для закрепления устойчивых нарративов. Например, стратегия «нормализации» представляет ИИ как обычный инструмент, не вызывающий ни особого энтузиазма, ни страха перед ним (напр.: ИИ перечисляется в ряду привычных строительных технологий *«... башенный кран, лазерное сканирование и искусственный интеллект, который контролирует транспортировку грузов и отходов»* (БК17)). Значит, ИИ лишь часть современной жизни, которая включается в рутину, а также влияет на не зависящие от простого обывателя экономические и политические решения. Поэтому «нормальность» ИИ

не вызывает глубокого эмоционального отклика у пользователя и выступает как одновременно полезный, но не привлекающий внимания инструмент.

Стратегия «персонализации» описывает позитивные возможности ИИ через призму личного опыта и в большей степени влияет на вовлеченность читателей, так как зачастую обращается к сенситивным тематикам (напр.: программист спас собаку от рака с помощью ChatGPT), а также наполнена эмоциональными выражениями (врачи «лишили шанса на жизнь», а ИИ помог поставить диагноз, но из-за невнимательности врачей было поздно (BK18)). Однако закрепляется уязвимость данной стратегии: единичное позитивное описание взаимодействия с ИИ не способно противостоять глобальному нарративу страха перед ИИ. Кроме того, персонализация закреплена за отдельными узкими сферами жизни (медицина, образование, быт) и не закрывает глобальной потребности надеяться на развитие лучшего мира с помощью новых технологий.

Стратегия «квантификации» закрепляет положительный опыт взаимодействия с ИИ посредством исчисляемых аргументов, а не абстрактно-положительных результатов («ИИ должен принести более 11 трлн рублей к 2030 году» (BK11)). Подтверждение успеха и эффективности ИИ-технологий делает их понятными обычным пользователям. Однако общая тенденция такова: в критическом дискурсе выбираемые стратегии направлены на получение эмоционального отклика обращением к базовым человеческим переживаниям (страху, гневу, волнению), тогда как в апологетическом дискурсе они лишь пытаются нормализовать и утвердить уже происходящее.

Обсуждение

Доминирование критического дискурса ИИ создает искажения восприятия технологии – ее эффекты могут

казаться более тревожными, даже если реальные риски для общества не столь велики и устойчивы. Медийный дискурс может оказывать непосредственное воздействие на принятие обществом новой технологии, влияя на закрепление публичных аттитюдов. Тенденция к воспроизводству в массовом сознании ИИ как недоброжелателя, наделенного антропоморфными характеристиками (лжет, манипулирует и т.д.), в будущем может привести к глобальному пересмотру ведущих социальных трендов – замедлению технологического прогресса, даже в тех сферах, где применение ИИ в целом одобряется (медицина, образование, др.), и сопротивлению общества новым технологиям.

В российских социальных медиа утверждается иерархическая эмоционально обусловленная асимметрия. Страх консолидирует образ ИИ как угрозы в медианарративах, так как он более устойчив и вызывает эмоциональный отклик. Опасения поддерживаются когнитивными искажениями человеческого восприятия, которые используют медиа для поддержания интереса [16, с. 75]. Это также показывают результаты нашего исследования пабликов ВКонтакте как тревожных и риско-ориентированных в отношении ИИ. Данная характеристика подтверждается расстановкой сил в конструировании образов – технофобия конкретизирует страхи и апеллирует к реальным проблемам, а технофилия чрезмерно абстрактна и специфична, не создавая опонирующего смыслового корпуса.

Результаты нашего анализа в большей степени соотносятся с выводами зарубежных авторов М. Вей, П. Чжан и др. [17] относительно преобладания тревожных нарративов ИИ в медиапространстве и результатами российского исследования А.А. Дыдрова [18] о закреплении глубинных антропоморфных качеств ИИ с позиции тревоги. Однако существует различие в интерпретации ИИ в социальных медиа

и в традиционных СМИ (Ж.В. Пузанова [11, с. 758]): в прессе образ ИИ наделяется положительными характеристиками, особенно со стороны государства и бизнеса, тогда как социальные медиа становятся площадкой для свободной артикуляции страхов. Такое различие может быть также обусловлено временем проведения исследований, тогда как влияние ИИ на общество изменчиво. Это также подтверждается концепцией социального конструирования технологий: значение, которое придают ИИ медиа, является продуктом социальной борьбы за доминирующий дискурс [6]. Однако наше исследование ограничено временными рамками и позволяет давать качественные оценки репрезентации ИИ лишь за указанный период. Другими учеными подтверждено различие в интерпретациях в зависимости от времени и общественно значимых событийных контекстов. К тому же результаты данного исследования не могут быть экстраполированы на другие социальные сети российского или зарубежного сегмента ввиду специфики аудиторий и контента, публикуемого на каждой из площадок.

Таким образом, доминирование негативных репрезентаций ИИ-технологий объясняется не столько рациональностью угроз, сколько характерными для контента социальных медиа условиями: необходимостью привлечения внимания к публикуемому контенту, эмоциональной диспропорцией между страхом и надеждой, а также социальным контекстом неопределенности и отсутствия очерченных границ интеграции ИИ в общество.

Заключение

Исследование репрезентации ИИ в российской социальной сети ВКон-

такте (на материалах новостных постов) свидетельствует, что критический дискурс является доминирующим, а апологетический дискурс периферийен. Дискурс технофобии многокомпонентный, устойчивый и апеллирует к конкретным практическим и измеряемым страхам, тогда как технофилия охватывает лишь узкие сферы и дает общие представления о положительном влиянии ИИ-технологий. Она оказывается не способной создать достойный оппозиционный нарратив ввиду нехватки оснований для уверенности пользователей в «качественности» ИИ. Такая иерархичность закрепляется на всех уровнях анализа медиатекста: начиная от макроструктур, заканчивая когнитивными моделями.

Язык закрепляет различия между критическим и апологетическим дискурсом. Контраст формируется за счет выбора авторами новостных постов отличных друг от друга тропов и приемов (гиперболы, дисфемизмы, риторические вопросы и антитезы – в критическом дискурсе; метафоры, эвфемизмы и олицетворения в апологетическом дискурсе). В соответствии с этим они имеют различные цели применения. Для дискурса технофобии характерно устрашение, запугивание и глобализация рисков, тогда как технофилия направлена на конструирование образа компаньона, действующего во благо человека. Критические стратегии успешнее, чем стратегии апологетического дискурса, что объясняется наличием эмоциональной нагрузки на читателя. Положительные стратегии в отношении ИИ фактически не вызывают сильных эмоций и поэтому не закрепляются в сознании пользователя так же, как алармистские.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Conflict of interest. The authors declare no conflicts of interest.

Источники

Медиаскоп – Рейтинги: социальные медиа. *Mediascope*: [сайт]. 2026. URL: <https://mediascope.net/data/> (дата обращения: 03.04.2026)

БК1 – Корейские пенсионеры все чаще пользуются услугами «кибервнуков». *ВКонтакте*. URL: https://vk.com/wall-24199209_22078714 (дата обращения: 21.04.2026)

БК2 – 63-летняя россиянка отдала 650 тысяч рублей «айдолу из BTS» за личную встречу. *ВКонтакте*. URL: https://vk.com/wall-24199209_22670661 (дата обращения: 21.04.2026)

БК3 – Россиян начнут массово увольнять уже этой осенью. *ВКонтакте*. URL: https://vk.com/wall-170528132_6562553 (дата обращения: 21.04.2026)

БК4 – ИИ-питомцы все чаще заменяют китайцам семью и отношения. *ВКонтакте*. URL: https://vk.com/wall-24199209_22710100 (дата обращения: 21.04.2026)

БК5 – Футуролог раскрыл, каким будет россиянин будущего. *ВКонтакте*. URL: https://vk.com/wall-24199209_22260915 (дата обращения: 21.04.2026)

БК6 – Суд отказал журналистке в иске о плагиате из-за ChatGPT. *ВКонтакте*. URL: https://vk.com/wall-152992737_7612095 (дата обращения: 21.04.2026)

БК7 – Следы использования ChatGPT нашли в законопроекте Госдумы. *ВКонтакте*. URL: https://vk.com/wall-24199209_22666690 (дата обращения: 21.04.2026)

БК8 – Claude Code найдет вам самую лучшую работу в мире. *ВКонтакте*. URL: https://vk.com/wall-170528132_6565342 (дата обращения: 21.04.2026)

БК9 – Российские учителя все чаще используют ИИ в работе. *ВКонтакте*. URL: https://vk.com/wall-170528132_6565382 (дата обращения: 21.04.2026)

БК10 – Австралийский айтишник спас собаку от рака с помощью ChatGPT. *ВКонтакте*. URL: https://vk.com/wall-24199209_22872880 (дата обращения: 21.04.2026)

24199209_22872880 (дата обращения: 21.04.2026)

БК11 – Россия готовит огромный рывок в генеративном ИИ – Владимир Путин поручил создать единый национальный план. *ВКонтакте*. URL: https://vk.com/wall-112510789_13572933 (дата обращения: 21.04.2026)

БК12 – Нейросеть «расшифровала» катрены Нострадамуса о событиях 2026-2027 годов. *ВКонтакте*. URL: https://vk.com/wall-24199209_22750565 (дата обращения: 21.04.2026)

БК13 – В США впервые наказали адвоката, который решил, что ChatGPT – это бесплатная юридическая стажировка. *ВКонтакте*. URL: https://vk.com/wall-57846937_47101377 (дата обращения: 23.04.2026)

БК14 – 17-летний американец инсценировал своё похищение с помощью ChatGPT и выстрелил себе в ногу для убедительности. *ВКонтакте*. URL: https://vk.com/wall-112510789_13431756 (дата обращения: 23.04.2026)

БК15 – С развитием технологий ИИ существует риск появления в обществе людей, которые ни к чему не способны... *ВКонтакте*. URL: https://vk.com/wall-152992737_7328759 (дата обращения: 23.04.2026)

БК16 – Программисты могут исчезнуть с рынка труда уже к концу этого года. *ВКонтакте*. URL: https://vk.com/wall-57846937_47322309 (дата обращения: 24.04.2026)

БК17 – Новый комплекс НИИ им. Н.В. Склифосовского появится на Большой Сухаревской площади. *ВКонтакте*. URL: https://vk.com/wall-112510789_13536962 (дата обращения: 24.04.2026)

БК18 – Многодетный отец умер после нескольких отказов в госпитализации. *ВКонтакте*. URL: https://vk.com/wall-152992737_6949987 (дата обращения: 24.04.2026)

Список литературы / References

1. Резаев А.В., Стариков В.С., Трегубова Н.Д. Социология в эпоху «искусственной социальности»: поиск новых оснований. *Социологические исследования*. 2020;2:3–12. DOI: 10.31857/S013216250008489-0
2. Резаев А.В., Стариков В.С., Трегубова Н.Д. Sociology in the era of "artificial sociality": searching for new foundations. *Sociological Studies*. 2020;2:3–12. DOI: 10.31857/S013216250008489-0 (In Russ.)
3. Левашов В.К., Гребняк О.В. На пороге цифровой цивилизации: диалектика искусственного интеллекта и гуманизма // *Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки*. 2025;4(123):34–45. DOI: 10.22204/2587-8956-2025-123-04-34-45
4. Levashov V.K., Grebnyak O.V. On the threshold of digital civilization: the dialectics of artificial intelligence and humanism. *Russian foundation for basic research journal. Humanities and social sciences*. 2025;4(123):34–45. DOI: 10.22204/2587-8956-2025-123-04-34-45 (In Russ.)
5. Шилова В.А., Плетнева М.А. Человек и системы искусственного интеллекта: формирование гибридной модели коммуникации // *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2025;5(15):6–16. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-5-6-16
6. Shilova V.A., Pletneva M.A. Human and artificial intelligence systems: building a hybrid communication model. *Humanities. Bulletin of the Financial University*. 2025;5(15):6–16. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-5-6-16 (In Russ.)
7. Брега А.В., Брега Г.В. Искусственный интеллект как общественное благо и вызов безопасности. *Социально-гуманитарные знания*. 2025;2:97–102. DOI: 10.34823/SGZ.2025.2.52064
8. Brega A.V., Brega G.V. Artificial intelligence as a public good and a security challenge. *Social and humanitarian knowledge*. 2025;2:97–102. DOI: 10.34823/SGZ.2025.2.52064 (In Russ.)
9. Гарипова Р.Р., Пинигина А.С. Искусственный интеллект в системе высшего образования: практики использования студентами. *Казанский социально-гуманитарный вестник*. 2026;2(73): 4–12. DOI: 10.26907/2079-5912.2026.2.4-12
10. Garipova R.R., Pinigina A.S. Artificial Intelligence in the Higher Education System: Student Practices. *The Kazan Socially-Humanitarian Bulletin*. 2026; 2(73):4–12. DOI: 10.26907/2079-5912.2026.2.4-12 (In Russ.)
11. Pinch T.J., Bijker W.E. The Social Construction of Facts and Artefacts: Or How the Sociology of Science and the Sociology of Technology Might Benefit Each Other. *Social Studies of Science*. 1984;3(14):399–441. DOI: 10.1177/030631284014003004
12. Ruolan D., Saifutdin A. Perceptions and paradigms: an analysis of AI framing and trending social media news. *Technology in society*. 2025;81:1–12.
13. Sanguinetti P., Palomo B. Bridging Gaps in AI Representation: A Cross-Cultural Analysis of Media Imagery. *Journalism Practice*. 2025;19:1–21. DOI: 10.1080/17512786.2025.2522883
14. Brause S. R., Zeng J., Schäfer M. S., Katzenbach C. Media representations of artificial intelligence: surveying the field. *Handbook of Critical Studies of Artificial Intelligence*. Cheltenham, UK: Edward Elgar Publishing, 2023:277–288.
15. Barbalau I. Modern Mythologies: Contemporary Mass Media Representations of Artificial Intelligence. Karamifar, B., Valente, A.C. (eds) *Artificial Intelligence and Discourse*. Cham: Springer Nature Switzerland, 2026;1:291–324. DOI: 10.1007/978-3-032-06408-0_9
16. Пузанова Ж.В., Тертышникова А.Г., Павлова У.О. Технологический дискурс в российских СМИ: основные стратегии в репрезентации искусственного интеллекта. *Вестник РУДН. Серия: Социология*. 2024;3(24):747–763. DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-3-747-763
17. Puzanova J.V., Tertyshnikova A.G., Pavlova U.O. Technological discourse in the Russian media: main strategies in the representation of artificial intelligence. *RUDN Journal of Sociology*. 2024;3(24):747–763. DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-3-747-763 (In Russ.)

12. Северская О.И., Туркина Е.В. Искусственный интеллект в современном медиадискурсе: сильный, слабый, персональный. *Terra Linguistica*. 2024;3(15):74–80. DOI: 10.18721/JHSS.15307

Severskaya O.I., Turkina E.V. Artificial intelligence in modern media discourse: strong, weak, and personal. *Terra Linguistica*. 2024;3(15):74–80. DOI: 10.18721/JHSS.15307 (In Russ.)

13. Ilyinova E.Yu., Kochetova L.A. Mediatization of Artificial Intelligence Concept in the Russian Language Media Discourse: Corpus-Based Approach. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*. 2024;5(23):108–123. DOI: 10.15688/jvolsu2.2024.5.9.

14. Коломиец В.П. Медиа и медиакommunikация – пространство социологического знания. *Медиаscope*. 2023;1:1–12. URL: <http://www.mediascope.ru/2800> (дата обращения: 27.05.2026).

Kolomietz V.P. Media and media communication – a space of sociological knowledge. *Mediascope*. 2023;1:1–12. URL: <http://www.mediascope.ru/2800> (accessed: 27.05.2026). (In Russ.)

15. ван Дейк Т. *Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации*. М.: URSS: Книжный дом «ЛИБРОКОМ»; 2015. 352 с.

van Dijk T. *Discourse and Power: Representation of Dominance in Language and Communication*. Moscow: URSS: Librokom Book House; 2015. 352 p. (In Russ.)

16. Климова С.М. Страх перед прогрессом как способ репрезентации мифосознания обывателя. *Философские науки*. 2017;2:72–78.

Klimova S.M. Fear of progress as a way of representing the mythological consciousness of the average person. *Russian Journal of Philosophical Sciences*. 2017;2:72–78. (In Russ.)

17. Wei M., Zhang P., Chen C., Chen D., Zuo C., Meng L. Mapping AI ethics narratives: evidence from Twitter discourse between 2015 and 2022. *Humanities and Social Science Communications*. 2025;1(12):212. DOI: 10.1057/s41599-025-04469-9

18. Дыдров А.А., Тихонова С.В., Батурина И.В. Искусственный интеллект: метафизика обывательских дискурсов. *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 2023;1(5):162–178. DOI: 10.46539/gmd.v5i1.302

Dydov A.A., Tikhonova S.V., Baturina I.V. Artificial intelligence: the metaphysics of everyday discourses. *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 2023;1(5):162–178. DOI: 10.46539/gmd.v5i1.302 (In Russ.)

Информация об авторах

Кононенко Екатерина Валерьевна, студент кафедры общей и этнической социологии, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, Казанский (Приволжский) федеральный университет. E-mail: ekkononenkoo@gmail.com

Низамова Лилия Равильевна, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры общей и этнической социологии, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, Казанский (Приволжский) федеральный университет. Scopus Author ID 6508201937, ORCID ID 0000-0002-5439-0636, SPIN-код 7967-7712, e-mail: lnizamov@kpfu.ru

Information about authors

Ekaterina V. Kononenko, student, Department of General and Ethnic Sociology, Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications, Kazan (Volga Region) Federal University. E-mail: ekkononenkoo@gmail.com

Liliya R. Nizamova, Cand. Sci. (Sociology), Associate Professor, Department of General and Ethnic Sociology, Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications, Kazan (Volga Region) Federal University. Scopus Author ID 6508201937; ORCID ID 0000-0002-5439-0636, SPIN-code 7967-7712, e-mail: lnizamov@kpfu.ru

Поступила в редакцию 10.06.2026

Принята после рецензирования 05.08.2026

Принята к публикации 01.09.2026

Received June 10, 2026

Revised August 5, 2026

Accepted September 1, 2026

Научная статья

Research article

УДК 316.353:004.032.26(571.1)

<https://doi.org/10.26907/2079-5912.2026.3.65-79>

© 2026 г.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

Моделирование социально-политического взаимодействия пользователей в региональных сетевых сообществах: нейросетевые возможности

Нятина Н.В., Головацкий Е.В.

*Кемеровский государственный университет,
650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6, Российская Федерация*

Аннотация. В условиях динамичной цифровой трансформации региональные сетевые сообщества становятся площадкой для исследований коммуникации граждан и представителей власти. Участники сетевой региональной коммуникации конструируют локальную повестку, артикулируют актуальные запросы, а также формируют пространство развития региональной виртуальной идентичности. Традиционные методы анализа сетевой коммуникации обладают ограниченным потенциалом исследования социально-политического взаимодействия пользователей, поэтому использование нейросетевых подходов представляется перспективой моделирования региональной коммуникации. Региональные сетевые сообщества выступают основанием для использования сравнительных моделей социально-политического взаимодействия пользователей. Цель работы – анализ возможностей моделирования социально-политического взаимодействия пользователей в региональных сетевых сообществах с акцентом на нейросетевые перспективы и риски их применения. В статье представлены результаты исследования на основании использования автоматизированного парсинга открытых данных социальной сети ВКонтакте (публики «Инцидент Кузбасс», «Инцидент Иркутск» и «Инцидент Новосибирск», период активности пользователей: октябрь 2025 г., $n = 1\,500$ постов). Применены методы сетевого и структурно-функционального анализа. На основе полученных данных были предложены модели связанной коммуникации, непрямой связанности и исключенной коммуникации, характеризующие социально-политическое взаимодействие пользователей. Научная новизна исследования состоит в разработке и апробации авторской трехкомпонентной модели анализа социально-политического взаимодействия в сетевых сообществах, объединяющей структурно-организационный, модерационный и коммуникативно-трансляционный компоненты.

Ключевые слова: моделирование, социально-политическое взаимодействие, сетевые сообщества, сетевая коммуникация, регион, нейросеть, междисциплинарный подход

Для цитирования: Нятина Н.В., Головацкий Е.В. Моделирование социально-политического взаимодействия пользователей в региональных сетевых сообществах: нейросетевые возможности. *Казанский социально-гуманитарный вестник*. 2026;3(74):65–79.

Modeling Socio-Political Interactions of Users in Regional Online Communities: Neural Network Capabilities

Nyatina N.V., Golovatsky E.V.

*Kemerovo State University,
650000, Kemerovo, Krasnaya St., 6, Russian Federation*

Abstract. In the context of dynamic digital transformation, regional network communities are becoming a platform for research on communication between citizens and government officials. Participants in network regional communication construct a local agenda, articulate relevant requests, as well as form a space for the development of a regional virtual identity. Traditional methods of network communication analysis have limited potential for studying socio-political user interaction, therefore, the use of neural network approaches seems to be a prospect for modeling regional communication in the context of socio-political interaction. Regional network communities serve as the basis for using comparative models of socio-political interaction between users. The purpose of the work is to analyze the possibilities of modeling socio-political user interaction in regional network communities with an emphasis on neural network perspectives and the risks of their application. The article presents the results of a study based on the use of automated parsing of open data on the social network VKontakte (the publications "Incident Kuzbass", "Incident Irkutsk" and "Incident Novosibirsk", the period of user activity: October 2025, $n = 1,500$ posts). The methods of network and structural-functional analysis are applied. Based on the data obtained, models of connected communication, indirect connectivity and excluded communication were proposed, characterizing the socio-political interaction of users. The scientific novelty of the research consists in the development and testing of the author's three-component model for analyzing socio-political interaction in online communities, combining structural and organizational, moderation, and communicative and translational components.

Keywords: modeling, socio-political interaction, online communities, online communication, region, neural network, interdisciplinary approach

For citation: Nyatina N.V., Golovatsky E.V. Modeling Socio-Political Interactions of Users in Regional Online Communities: Neural Network Capabilities. *The Kazan Socially-Humanitarian Bulletin*. 2026;3(74):65–79. (In Russ.)

Введение

Социально-политическое взаимодействие представляет собой особую форму двусторонних связей акторов-участников, в которой связующим звеном является сочетание определенных социально значимых потребностей и интересов личности/групп с использованием ресурсов власти, в том числе административных, официальных институциональных запросов на активизацию определенной повестки и трансляцию ожидаемой активно-

сти пользователей. Классическое понимание взаимодействия опирается на интегральную парадигму, которая рассматривает совершение определенных действий, имеющих социальный смысл и обратную (ответную) реакцию взаимодействующих сторон-участников. Важное значение в такой трактовке приобретают проводники, которые могут ограничивать поток первичных данных, являться своевременным стимулом в ожидаемой реакции взаимодействия либо наоборот объективно

сдерживать информационный поток для корректировки (или обдумывания) стратегии политического ответа или соответствующей социальной оценки происходящего.

Востребованность использования приемов моделирования социально-политического взаимодействия обоснована современными запросами научно-исследовательского сообщества в понимании ключевых компонентов, участвующих в данном процессе, возможностях его вариативных форм, последствий и социального назначения. Моделирование позволяет анализировать сумму событий и процессов в некоторых ракурсных комбинациях, сочетающих сетевую, смысловую идею, ресурсную составляющую и реальные практики в рамках некоторой точки сборки. Динамика мнений и суждений пользователей относится в большей мере к стохастическим процессам. Соприсутствие в сети множества пользователей, обладающих различными мнениями, суждениями и предпочтениями, формирует в коммуникациях случайность изменений (вероятность множества поведенческих моделей), сохраняя свойства целенаправленности (включая пространственное и временное распределение информации в сетевой коммуникации). В связи с диджитализацией социально-политических отношений и актуализацией субалтерных исследований усиливается значимость диагностики сетевых коммуникаций и прогнозирования их развития. Социально-политическое взаимодействие в условиях постмодерна обусловлено цифровыми стигматами, которые переплетаются с феноменом *post-truth* (постправды), то есть удобной (имеющей возможность практического моделирования) для конкретных политических сил истины. Постправда (в значении постмодернистской девиации) может оснащать социальные связи новыми смыслами и значениями, отличающи-

мися мозаичностью и вариативностью «в действии», реанимируя философскую идею о нестатичности истины. Она может влиять на формирование мифологического сознания, в центре которого базируется присвоение несуществующих признаков тем политическим субъектам и их действиям, которые не отвечают социальной реальности [1], на создание имитируемых моделей либо политических симулякров (по Ж. Бодрийяру). Особое значение в настоящее время приобретает комфортность сетевых сообществ и выборность форм социально-политического взаимодействия. В частности, З. Бауман отмечал, что сети представляют для пользователя «приятную ловушку», не развивающую, а сдерживающую информационно-коммуникационный потенциал личности [2]. Каждый человек, идентифицируясь в соцсетях, создает виртуального двойника и свой прототип с определенными характеристиками (причем количество двойников не ограничено) [3]. Такая играизация социально-политического взаимодействия субъектов формирует реальность, которая подстраивается под личностные интересы и может противостоять проблемам, которые актуальны в т.ч. в аналоговой среде. Региональные сетевые сообщества характеризуются набором общих и отличительных черт организации и качества сети, активизируемых социальных ресурсов, повестки (вероятно, уникальной), используемых каналов коммуникации и местных акторов социально-политического взаимодействия [4]. Прослеживается условная закрытость коммуникаций в масштабах сети и сфокусированность субъектов взаимодействия на определенной тематике «в отрыве» от некоторой мировой повестки, когда в вакууме «локальных виртуальных мест» пользователи зачастую не в состоянии оценивать уровень и масштаб угроз. В результате вариантами коммуникативного

сопровождения могут выступать: триггерные повестки, запрашиваемая экспертность, деструктивные проявления, уход в реактивные социально-политические практики, замещение (играизация, мета-миры и пр.).

Парадокс заключается в том, что настоящее сетевое социально-политического взаимодействия неотъемлемо связывается в повседневных коммуникациях с ожиданием рисков, разного рода угроз и уязвимостей (по С.А. Кравченко). Существование рисков – практически ожидаемый триггер. Следовательно, стороны сетевого взаимодействия, придерживаясь условий коммуникации, перманентно «производят страхи» и определенного рода угрозы, либо вынуждены комментировать их существование, использовать совместный контент и пр. Причем возникновение в социально-политической повестке острых тем и сюжетов предрасполагает к их обыгрыванию в ироничной форме [5, с. 72], а виртуальная среда с ее визуальной готовностью постоянно «играть» склонна отвечать идентичными элементами смеховой культуры, которая в региональном масштабе сетевых коммуникаций получает новое развитие и колоритное звучание. Общественная реакция на «тревожную» повестку в сетевой социально-политической коммуникации обусловлена определенным аномийным состоянием информационной среды и запросом на реактивную информацию. Кроме того, скрытые формы снижения социальной напряженности или открытое выражение в сети конструктивно воздействуют на выстраивание диалогового взаимодействия между разными субъектами-участниками в пространственно-временной проекции (переход к внешней трансляции информации, некоего публичного дискурса для снятия индивидуально-личностной напряженности). В сетевых сообществах представление / отстаивание личных

интересов пользователей отличается от несетевой репрезентации и коммуникации отсутствием институциональных фильтров, анонимностью (возможностью иллюзорной персонализации, например, «человек мира», «T1234» и т. п.), возможностью реактивной горизонтальной координации, что способствует конструированию эффекта «цифрового двойника» и дополняет основания участия в сообществах от процедурно-ориентированных к ситуативным. Неадекватная оценка рисков в местных пабликах объясняется когнитивными искажениями («эффект каскада подтверждения»; дефицит верификации, который требует дополнительных ресурсных вложений; информационные пузыри), а также отсутствием непосредственной ответственности модераторов за достоверность размещенных данных, что трансформирует угрозы в привычные системные сопутствующие условия, которые сопровождают социально-политическое взаимодействие. К числу ожидаемых рисков сетевой коммуникации следует относить: информационно-репутационные (например, распространение неподтвержденных обвинений, как в случае с постами о «массовом отравлении»), конфликтогенные (эскалация межличностных конфликтов в кибербуллинг), психологические (рост тревожности и эскапизма) и мобилизационно-манипулятивные (призывы к общественно-политическим действиям без оценки возможных правовых последствий). Эти риски актуализируются через модерационные стратегии: рутинизация их усиливает, символизация и обратная связь – снижают. Таким образом, сетевые сообщества не просто переносят офлайн-практики в цифровой формат, а порождают качественно иные риски и форматы участия, требующие специальных инструментов анализа и соответствующего управления.

Целью работы является анализ определенных моделей социально-политического взаимодействия пользователей региональных сетевых сообществ в измерениях нейросетевых возможностей, масштабах и рисках.

Методы и материалы

Для реализации поставленной исследовательской цели и ряда тактических задач авторами была разработана и апробирована модель социально-политического взаимодействия с использованием инструментов data-mining пользователей сетевых сообществ Сибирского федерального округа в социальной сети «ВКонтакте» (в анализе возможностей модели были использованы сетевые сообщества ряда регионов: Кемеровской, Новосибирской и Иркутской областей). Для моделирования социально-политического взаимодействия (и последующей графической визуализации) в сетевых сообществах были проанализированы посты пользователей сети ВКонтакте, которые были размещены в октябре 2025 года в сообществах «Инцидент Кузбасс», «Инцидент Иркутск», «Инцидент Новосибирск». Всего отобрано 1500 постов (по 500 в каждом сообществе соответственно). Парсинг данных был реализован с помощью сервиса vk.barkov.net¹. На основании структурно-функционального и сетевого подходов была предложена иллюстративная модель социально-политического взаимодействия, в содержании которой выделены следующие компоненты: структура организации сетевой коммуникации, модерация некоторых региональных сетевых сообществ и возможности трансляции (коммуникации) информации внутри сообществ. В представленной методике тональность оценивалась авторами с помощью ручной разметки данных, а не

средствами автоматического парсинга. Сервис vk.barkov.net использовался исключительно для сбора первичного массива текстов (посты и комментарии), но не для их семантической идентификации. Для каждого поста фиксировались не только текстовое содержание, но и метрики вовлеченности (лайки, репосты, комментарии), однако ключевым основанием для отнесения к конструктивному, деструктивному или нейтральному типу служили именно содержание и направленность коммуникации. Конструктивными считались сообщения, отражающие предложения/инициативы по решению проблемы и/или фиксирующие позитивные практики самоорганизации на территории. Деструктивными – сообщения, содержащие оскорбления, призывы к противоправным действиям, распространение неподтвержденной информации, а также критика действий власти в агрессивной форме. Обращение к власти в решении местных вопросов кодифицировалось как конструктивный комментарий, поскольку предполагает институциональный канал взаимодействия и отражает возможность решения проблемы. Таким образом, ключевым критерием являлась форма подачи информации и ее содержание, а не тема. Представленная логика оценки воспроизводима и может быть применена к аналогичным исследованиям, однако в дальнейшем авторы планируют дополнить ручной анализ элементами автоматизированной классификации.

Трансформации подвергается пространство социальных отношений, наполнение и темпоральное расположение которого получают «быстрые прописки» в рамках динамичных рабочих площадок сетевых сообществ, популярных (в т.ч. запрещенных) мессенджеров, визуальных либо игровых агрегаторов и т.п. В рамках организуемых сетевыми участниками коммуникаций наряду с инновационными

¹ Парсер для поиска и анализа целевой аудитории ВКонтакте. URL: vk.barkov.net (дата обращения: 01.05.2026).

приемами и технологиями новое звучание получают традиционные коммуникативные формы, преобразуясь в смысловых и деятельных сочетаниях (беседы, встречи, переключки, своеобразные «смотрины» – знакомства и др.) [6; 7; 8]. Таким образом, можно представить в транзитивном поле современного социально-политического взаимодействия социально-сетевую группу в качестве наблюдаемого целостного образования, которое включает собственно представителей (единомышленников, соучастников общих идей, дел, и коммуникаций), групповую идентичность, темпоральные перспективы существования сетевых сообществ, психосоциальный механизм группового единства, правила взаимодействия/коммуникации, а также традиции и способы взаимодействия членов группы в сети.

Результаты и обсуждение

Социально-политическое взаимодействие в условиях переноса массива коммуникаций в сетевые сообщества получает гибридное наполнение, в результате чего участники взаимодействия получают ряд новых состояний и качеств наполнения. В частности, возрастает продолжительность самого взаимодействия, превращая его при помощи современных цифровых коммуникационных средств в «стремящееся в бесконечность». Социально-политическая особенность интернет-сообщества может проявляться как «взаимодействие всех со всеми», подразумевая условно равный доступ участников сети к ее пространству и к основным инструментам коммуникации. Неочевидной на первый взгляд особенностью такой возможности может выступать невысокая доменная связанность участников коммуникации (особенно когда рассматриваются проблемы или события локального значения, либо пользователи оценивают или голосуют за события, не харак-

терные для их повседневной жизненной практики). Сетевая среда (в первую очередь речь идет о ее пользовательских сообществах) в силу комплексности и гибридности информации и наличия быстрых инструментов анализа данных тяготеет к «быстрой экспертности». Она предлагает формировать и использовать множество данных, различные рейтинговые системы, контрольно-исполнительные инструменты и т.п. Обратной стороной сетевой экспертности выступает персонализированный, индивидуально-личностный социальный ресурс пользователей (например, сетевое общественное мнение, коммуникативный авторитет конкретных блогеров и лидеров общественных мнений). Возможность «отмены» (действий, команд, оценок и пр.) в сетевой коммуникации выглядит результативнее офлайн-перспектив (отметим принцип дистанционного, удаленного управления, зачастую латентный характер отмены, или, например, использование формата эмодзи и т.п. в интересах стимулирования эмоций). Само определение «пользователь» («user») передает общественный запрос потребления информационного контента в интересах участников сетевого взаимодействия.

Предлагаем рассмотреть социально-политическое взаимодействие в рамках сетевых сообществ, обладающих признаком региональной принадлежности. Они характеризуются следующими признаками:

- идентифицирующими признаками-разделителями (наименование, рефрен к физическим признакам той или иной территории, семантические топонимы и пр.);
- уникальным образом региона (т.е. теми условиями и обстоятельствами социально-экономического, политического, социокультурного и прочих форм развития регионов);
- повседневными социально-политическими коммуникативными

практиками, на основании которых осуществляется взаимодействие пользователей сетевых сообществ (число подписчиков, постов и комментариев, активность в сети, «качество ресурса», модерация и пр.);

- деятельным потенциалом региональной сетевой коммуникации (актуальные повестки, тональность и ее изменчивость, уровень обсуждаемых вопросов и решаемых сообществом проблем);

- содержательной спецификацией социально-политического взаимодействия, наиболее присущей конкретным регионам и территориям (сезонные запросы, например, зимники в северных регионах, туристические сезоны в южных, угрозы беспилотных воздушных атак и др.);

- уровнем ресурсного оснащения (в первую очередь подразумевается экономический потенциал, далее политический, социальный (человеческий) и т.д.);

- формами сетевой социально-политической связности и «настраиваемыми» уровнями коммуникации (горизонтальные/вертикальные связи, наличие «мостов» для взаимодействия, или их отсутствие (когда оценка населением деятельности властных субъектов в формате цифровых следов контролируется и искусственно конструируется);

- идеологической резистентностью к актуальным мобилизационным вызовам (наличие «зон молчания», актуальные триггеры повестки);

- институционально закрепленным статусом и включенностью населения в систему местного управления, в том числе в деятельность местных сообществ (возможные как в рамках закрепленных платформ, так и вирального контента);

- пространственно-временной динамикой активности пользователей (учет цикличности сетевого социально-политического взаимодействия,

мобилизации сетевой активности, проявления эффектов «затухания» проблемных тем) [9].

Региональные сети в рамках социально-политического взаимодействия могут форсировать свою структуру, выстраивая логику коммуникации централизованно («запрос-ответ», режим ожидания, тайминг) либо децентрализованно (коммуникация на развлекательном ресурсе, смешанные тематики, переход в режиме комментирования на другие каналы/ресурсы), предусматривая тематическое разнообразие, возможности реорганизации сетевого разнообразия, когда признак социальности связывает, «оживляет» сетевое сообщество (реализация социализирующей функции). Участники сообществ принимают отсутствие физического присутствия, возможность переходов между сетями (или свойства единовременно находиться в нескольких виртуальных сетях, либо сопresentствовать онлайн и офлайн).

В рамках исследования² нами проводилось изучение сибирских сетевых сообществ в регионах ресурсного типа. Исследовательская логика предлагает изучить особенности сетевой коммуникации региональных сообществ в рамках социально-политического взаимодействия. В рамках обработки и сравнения полученных данных использовался обученный нейросетевой модуль, позволяющий производить проверку «предсказаний» высказываний сетевых пользователей³.

Авторами работы при моделировании социально-политического взаимодействия в региональных сетевых сообществах учитывалась тональность сообщений, которая отражает персон-

² Грант РНФ № 24-28-01230 «Социальная и политическая мобилизация конструктивного и деструктивного типа в условиях множества сетевых миров сибирских регионов ресурсного развития: возможности применения инструментов data-mining».

³ Свидетельство о регистрации программы для ЭВМ RU 2024687470, 19.11.2024.

нализацию взаимодействия, трансляцию значимых ценностей, отношение к риску, отношение к социально значимой и одобряемой деятельности, санкционированность коммуникации. Сообщения деструктивной тональности отражают низкую самооценку качества жизни в регионе, сопряженную с деятельностью действующих органов власти, в то время как конструктивные – обращения к активизации личностного потенциала и самоорганизации в решении вопросов локального характера (Табл. 1).

При явном доминировании деструктивной тональности в социально-политическом взаимодействии в сообществе «Инцидент Кузбасс» (275 из 500 комментариев), по общей выборке доминирует нейтральность в сообщениях, что следует рассматривать как признак умеренного стиля в публичной сетевой коммуникации, что подкрепляется формальной включенностью представителей исполнительной власти, которая готова своевременно реагировать на транслируемые рискогенные ситуации. Исходя из проведенного анализа социально-политического взаимодействия на примере сетевых сообществ сибирских регионов (Кемеровской области – Кузбасса, Иркутской и Новосибирской областей) авторами работы были выделены следующие модели: связанной коммуникации, непрямой связанности и исключенной коммуникации.

Модель связанной коммуникации описывает ситуации, когда центрированные сетевые региональные акторы (официальные провластные и рейтинговые «инициативные» паблики, группы, блогеры, СМИ) конструируют контент преимущественно локально (в пределах заданной территории, «своего» тематического, виртуального рабочего пространства). Коммуникация, как правило, организуется с учетом замкнутого, самореферентного характера: участники обсуждают то, что происходит «у нас», среди «своих». К признакам данной модели относятся: четкая пространственная и временная локализация социально-политической коммуникации; тематическое соответствие (например, обсуждение состояния местных дорог, ЖКХ, угольной промышленности, городских событий); коммуникация строится по принципу «свой – чужой» (в сетевом общении употребляются локальные маркеры: «наша область», «у нас в Кузбассе», «кузбассовцы», «шахтеры»; преобладает нейтральная или амбивалентная тональность (обсуждаемая информация не имеет строгой положительной или отрицательной окраски, так как в комментариях сосуществуют одновременно и похвала, и критика) (Рис. 1). На рисунке отражена не только тональность транслируемых комментариев, но и территориальная представительность пользователей, которая демонстрирует повышенную

Таблица 1
Распределение тональности комментариев сообществ сети ВК
(«Инцидент Кузбасс» (n=500), «Инцидент Иркутск» (n=500),
«Инцидент Новосибирск» (n=500), октябрь 2025 г.)

Сообщество / Тональность	destructive	constructive	neutral
Инцидент Кузбасс	275	10	215
Инцидент Иркутск	99	34	355
Инцидент Новосибирск	146	123	231
Итого	520	167	801

Источник: составлено авторами

включенность в социально-политическое взаимодействие именно жителей муниципальных образований региона – Кемеровской области. Вероятно предположить существование соответствующего стиля повествования в доменной сети («перетаскивание» повестки из сообщества в сообщество, копирование стиля). Однако у данной модели имеется ряд ограничений: слабый выход на межрегиональный уровень, повышенный риск единообразия и повторяемости обсуждаемых тем, зависимость от активности модераторов (высокая «читаемость» при скорее низкой содержательной оценке коммуникативного события).

Модель непрямо́й связанности описывает ситуации, когда коммуникации в региональных сообществах обнаруживают общие темы и повестки, которые аккордно получают развитие в сетевых сообществах других сибирских регионов. Связь нелинейная (нет перепостов и прямых упоминаний), но фиксируется тематическая синхронизация (беспокоящие, интересующие темы). К признакам данной модели следует отнести: развитие тематического обсуждения (одна и та же проблема одновременно обсуждается в нескольких сетевых сообществах различных сибирских регионов, одновременно или по принципу тематического зара-

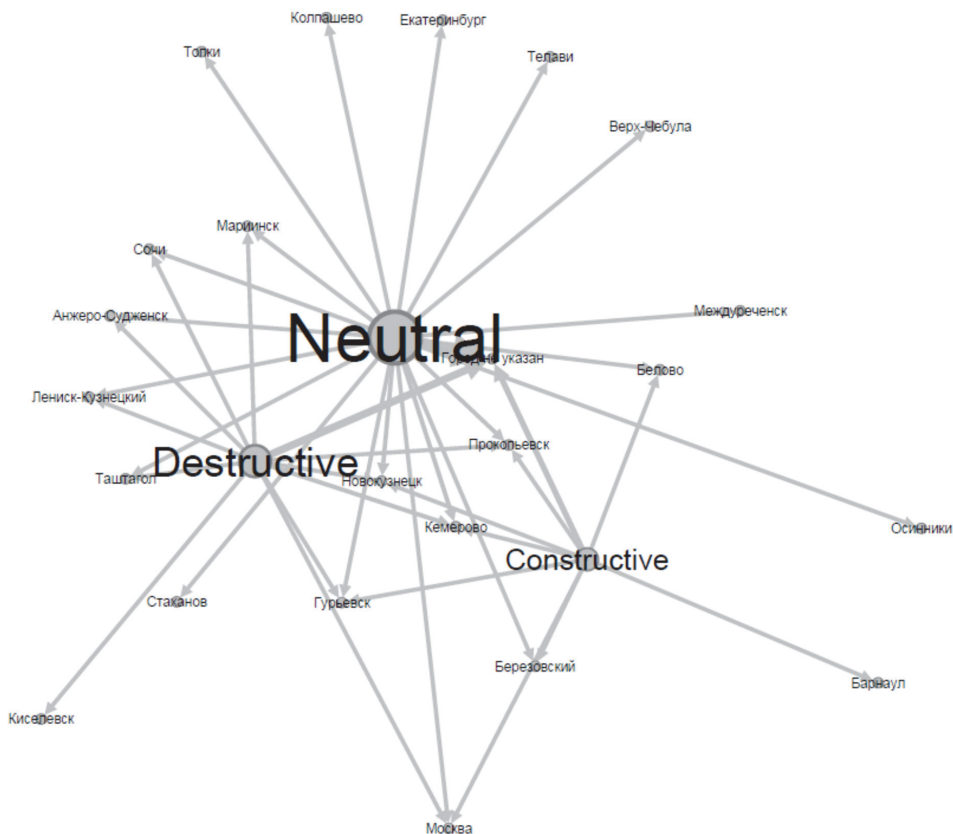

Рис. 1. Визуализация плотности коммуникации в сетевых сообществах «Инцидент Кузбасс» (сетевое сообщество «ВКонтакте» n=500, октябрь 2025 г., построено в Gephi v.10)

Источник: граф смоделирован авторами на базе данных авторского исследования

жения); зависимость от регионального дискурса; качество и наполнение повестки зависят от особенностей развития медиасреды в регионе (например, качественного наполнения коммуникации в популярных сетевых сообществах и механизмах регулирования); сравнительную идентификацию в процессе коммуникации, отражающую «приоритетность» или явные дисфункции принадлежности к определенной территории (например, обсуждается преемственность, проблемы, способы ее решения, ожидаемые или полученные в том или ином регионе результаты и т.п.); эффекты запаздывания или опережения информационной повестки по сравнению с федеральными центрами, когда, например, информационное и территориальное комментирование подстраивается под Москву и Санкт-Петербург (например, апеллирование к столичным модераторам,

ресурсам или аналогиям в обсуждении и комментировании региональных событий). На Рис. 2 представлено графическое изображение, иллюстрирующее территориальную идентичность пользователей сообщества «Инцидент Иркутск».

Так, в контексте не прямой связанности (по сравнению с предыдущей моделью) фиксируется межрегиональная представительность и даже пространственная деперсонификация. Считаем целесообразным отметить, что в измерениях социально-политического взаимодействия региональных сетевых сообществ необходимо принимать во внимание «звучание» земляков, т.е. пользователей, находящихся за пределами анализируемого региона (зачастую это как раз упоминаемые Москва (Московская область), Санкт-Петербург (Ленинградская область) и Краснодарский край). Такого рода статистика

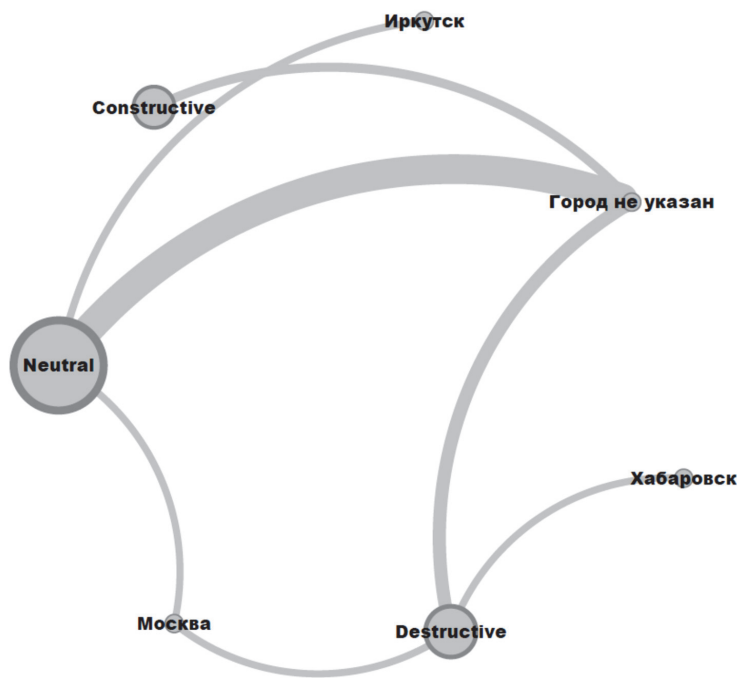

Рис. 2. Визуализация плотности коммуникации в сетевых сообществах «Инцидент Иркутск» (сетевое сообщество «ВКонтакте» n=500, октябрь 2025 г., построено в Gephi v.10)

Источник: граф смоделирован авторами на базе данных авторского исследования

не исключает возможностей анализа и использования пользовательских оценок, однако несколько «удлиняет путь» социально-политической коммуникации и требует от исследователей дополнительного внимания на этапах построения датасетов.

Модель исключенной коммуникации строится на описании ситуаций, когда пользователи сообществ формируют «местечковый» (суженый) профиль контента, который формируется самостоятельно («мы сами себе выбираем тему»), территориально не обусловлен (привязан не к конкретному месту, а к людям), ограниченно доступен стороннему пользователю (требуется знание локального кода или приглашение), развивает определенный запрос узкой группы пользователей. На фоне достоинств (лояльность пользователей, возможность комментировать узкоспециализированные темы, свобода от внешней оценки), имеются и некоторые ограничения: слабая связь с реальной региональной повесткой, исключение внешних пользователей, риск обсуждения одних и тех же тем без развития и детального решения обсуждаемых проблем (Рис. 3).

В условиях современной социально-политической повестки изучение региональных сетевых коммуникаций

представляется особенно актуальным для исследовательского сообщества и практической разработки рекомендаций, обладающих праксиологической значимостью в контексте социально-политической мобилизации. Авторы предполагают, что целесообразно учитывать все три предлагаемые модели коммуникации, поскольку они сосуществуют в актуальном информационном поле, пересекаются, обретая новые смыслы. При этом каждая из моделей уникальна и доминирует в определенных типах сообществ. Модель связанной коммуникации преимущественно представлена в новостных региональных и городских сообществах, где формируется локальная повестка дня, происходит идентификация пользователей как «своих» по территориальному признаку, а модератор играет ключевую роль в отборе тем и «героев» обсуждения. Модель непрямой связанности приобретает значимость для определения межрегиональных трендов и формирования некоторой «сибирской идентичности», поскольку отражает аккордное развитие одних и тех же тем в сообществах разных регионов без прямого цитирования, что свидетельствует о наличии общего дискурсивного пространства. Модель исключенной коммуникации

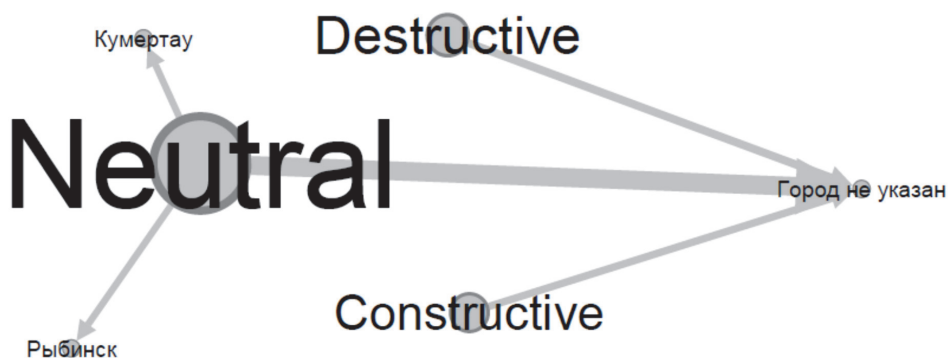

Рис. 3. Визуализация плотности коммуникации в сетевых сообществах «Инцидент Новосибирск» (сетевое сообщество «ВКонтакте» n=500, октябрь 2025 г., построено в Gephi v.10)

Источник: граф смоделирован авторами на базе данных авторского исследования

представляет интерес главным образом для изучения нишевых сообществ, однако она малоинформативна для широких социологических обобщений (трендов) в силу узкой направленности, территориальной непривязанности и ограниченной доступности для внешних пользователей (гостей сообществ, цифровых кочевников, «нагонщиков» и пр.). Значимым фактором, обеспечивающим функционирование первых двух моделей, выступает ресурс модерации – именно модератор задает повестку, отбирает темы, формирует идентичность сообщества и управляет дискуссией, включая ограничения доступа пользователей в обсуждение, регулирование стиля дискурса и пр. В то же время модель исключенной коммуникации может существовать практически автономно, саморегулируется участниками и слабо зависит от влияния модерации, что делает её наиболее независимой, но и наименее управляемой с точки зрения внешнего анализа и воздействия.

Нейросетевые возможности (инструменты анализа и обработки больших данных, построения зависимостей данных о цифровых коммуникациях, создания акторно-сетевых связей в рамках соответствующей теории анализа сетевых данных) при построении и изучении моделей коммуникации в региональных сетевых сообществах открывают новые исследовательские перспективы: от автоматической диагностики и мониторинга, прогнозирования социально-политических процессов до семантического анализа и визуализации сетевого дискурса. Однако эти возможности характеризуются определенными рисками. В частности, алгоритмическая предвзятость, неспособность улавливать локальные и «субъективные» (лично транслируемые) смыслы тематических высказываний, этические проблемы приватности, а также невозможность исследования закрытых сообществ, что может огра-

ничивать исследовательские возможности. В связи с этим нейросетевой анализ моделей коммуникации необходимо сочетать с другими социологическими методами. Проникновение цифровых возможностей представляет амбивалентный процесс. С одной стороны, происходит расширение осмысления социологических инструментов, «развитие технологий глубокого исследования социальных процессов при помощи компьютерного моделирования, нейросетей». С другой стороны, в силу технологической оснащенности деформируются социологическое воображение, критическое мышление, приемы операционализации понятий [10, с. 146–147]. В результате мы получаем перспективу профессионального сосуществования социологических исследовательских подходов и генеративных нейронных сетей (ассистентов).

Выбор данных регионов обусловлен исследовательскими задачами, сфокусированными на регионах ресурсного типа. Каждый из них отражает определенные модели регионально-го управления, ресурсного развития и коммуникации, что позволяет проиллюстрировать модели «в действии», опираясь на сетевую коммуникацию и язык пользователей. Позиция «город не известен» не является технической ошибкой, а отражает тот факт, что сообщения, содержащие конкретные предложения по решению локальных проблем, чаще исходят от территориально деперсонализированных пользователей, тогда как деструктивные и нейтральные высказывания чаще привязаны к идентифицируемым акторам. Это обусловлено спецификой сетевой коммуникации: авторы конструктивных инициатив сознательно могут избегать публичной идентификации, например, минимизируя риски сетевого или административного давления. Данная особенность была зафиксирована во всех трёх регионах, что подтверждает ее устойчивость и требует

дальнейшего изучения. Данные модели сосуществуют в региональном коммуникативном поле, зависимы от политической повестки и особенностей организации взаимодействия власти с местным сообществом. Стоит учитывать, что при закреплении за каждым регионом одной модели возникает риск не столько выявления типов коммуникации, сколько приписывания региону свойства «типичного носителя» модели, что сужает объяснительный исследовательский потенциал. Наиболее эвристичным представляется анализ коммуникации в рамках одного сетевого сообщества с применением всех трёх оптик на одном массиве данных, что позволяет снизить эффект территориальной генерализации и выявить внутреннюю гетерогенность сетевого взаимодействия. Данный исследовательский дизайн рассматривается как перспективное направление дальнейшей работы.

Заключение

Современное социально-политическое взаимодействие все в большей степени опосредуется сетевыми сообществами, в которых классические модели коммуникации замещаются многоузловыми и децентрализованными формами социальных связей [11; 12]. В таких условиях сетевые сообщества выступают не просто каналом передачи информации, но самостоятельным актором политического процесса, способным генерировать, трансформировать и тиражировать социально значимые повестки, а также инициировать мобилизационные процессы различного типа: конструктивные либо деструктивные. Каждая из описываемых

моделей иллюстрирует определенную специфику выстраивания сетевой коммуникации, ее поддержание, динамику и возможность включения в нее представителей других региональных сообществ.

Моделирование социально-политического взаимодействия пользователей сетевых региональных сообществ мы относим к числу практически используемых проективных приемов современной коммуникации (сочетания форматов, инструментов и полей реализации непосредственно самих коммуникативных практик), отмечая при этом отсутствие практического закреплённого формата демонстрации такого рода взаимодействия. Предложенные в статье модели сетевой социально-политической коммуникации достаточно полно или в общем плане присутствуют в региональных практиках. Региональные сетевые сообщества используют в повседневных коммуникациях перечисленные в моделях приемы и способы взаимодействия. Содержание, коммуникативная наполненность моделируемых процессов отражает качество региональных ресурсов, тематическое наполнение и в кумулятивном представлении передает сложившееся глобализационное существование виртуальной информационной среды, ее понимание пользователями (именно в том виртуальном месте и именно в том времени взаимодействия сетевых участников с учетом совокупности социетальных, институциональных и конкретно организационных (ориентированных на цели и место) социально-политических взаимодействий).

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest. The authors declare no conflict of interests.

Список литературы / References

1. Володенков С.В., Федорченко С.Н. Цифровые стигматы как инструмент манипуляции массовым сознанием в условиях современного государства и общества. *Социологические исследования*. 2018;11:117–123. DOI: 10.31857/S013216250002791-3
2. Volodenkov S.V., Fedorchenko S.N. Digital stigmata as a tool for manipulating mass consciousness in the context of the modern state and society. *Sociological studies*. 2018; 11:117–123. DOI: 10.31857/S013216250002791-3 (In Russ.)
3. De Querol R. *Bauman Z: "Social Media Are a Trap"*. El Pais. 25.01.2016. URL: https://elpais.com/elpais/2016/01/19/inenglish/1453208692_424660.html (access date: 07.03.2026).
4. Михайленок О.М., Малышева Г.А. Политические эффекты социальных сетей в России. *Социологические исследования*. 2019; 2:78–87. DOI: 10.31857/S013216250004012-6
5. Mikhailenok O.M., Malysheva G.A. Political effects of social networks in Russia. *Sociological studies*. 2019; 2:78–87. DOI: 10.31857/S013216250004012-6 (In Russ.)
6. Мещерякова Н.Н. Глобальные кризисы и локальные ответы: актуальные тренды в социологии. *Социологические исследования*. 2025; 11:3–12. DOI: 10.7868/S3034577X25110013
7. Meshcheryakova N.N. Global crises and local responses: current trends in sociology. *Sociological studies*. 2025; 11:3–12. DOI: 10.7868/S3034577X25110013 (In Russ.)
8. Ежов Д.А. Смеховая коммуникация в политическом дискурсе в условиях хайпа. *Власть*. 2024;32(6):71–75. DOI: 10.24412/2071-5358-2024-6-71-75
9. Yezhov D.A. Laughter communication in political discourse under conditions of hype. *Power*. 2024;32(6):71–75. DOI: 10.24412/2071-5358-2024-6-71-75 (In Russ.)
10. Гидденс Э. *Социология* / пер. с англ. М.: Эдиториал УРСС, 1999. 703 с.
11. Giddens E. *Sociology* / trans. from English. Moscow: Editorial URSS, 1999. 703 p. (In Russ.)
12. Олсон М. *Логика коллективных действий. Общественные блага и теории групп* / пер. с англ. М.: ФЭИ, 1995. 174 с.
13. Olson M. *The Logic of Collective Action. Public Goods and The Theory of Groups* / Translated from English. Moscow: FEI, 1995. 174 p. (In Russ.)
14. Гурвич Г.Д. *Философия и социология права*. Избранные произведения. СПб.: Изд-во юридич. ф-та Санкт-Петербургск. гос. ун-та, 2004. 848 с.
15. Gurvich G.D. *Philosophy and Sociology of Law*. Selected Works. St. Petersburg: Publishing House of the Law Faculty of St. Petersburg State University, 2004. 848 p. (In Russ.)
16. Касавина Н.А. «Общество травмы» как концептуализация неопределенности. *Социологические исследования*. 2025;1:10–20. DOI: 10.31857/S0132162525010014
17. Kasavina N.A. "The society of trauma" as a conceptualization of uncertainty. *Sociological research*. 2025;1:10–20. DOI: 10.31857/S0132162525010014 (In Russ.)
18. Смирнов В.А. «Цифровизация» социологии: новые возможности и ключевые противоречия. *Вестник Московск. ун-та. Сер.: 18. Социология и политология*. 2024; 30(4):145–163. DOI: 10.24290/1029-3736-2024-30-4-145-163
19. Smirnov V.A. "Digitalization" of Sociology: New Opportunities and Key Contradictions. *Bulletin of the Moscow University. Series: 18. Sociology and Political Science*. 2024; 30(4):145–163. DOI: 10.24290/1029-3736-2024-30-4-145-163 (In Russ.)
20. Савельева Ж.В., Соколова Е.А. Интернет-эстетика как (пост) субкультура: идентичность, стиль и картина мира представителей core. *Казанский социально-гуманитарный вестник*. 2025;2(69):37–45. DOI: 10.26907/2079-5912.2025.2.37-45
21. Saveleva Zh.V., Sokolova E.A. Internet Aesthetics as a (post) Subculture: Identity, Style, and Worldview of core representatives. *The Kazan Socially-Humanitarian Bulletin*. 2025;2(69):37–45. DOI: 10.26907/2079-5912.2025.2.37-45 (In Russ.)

12. Иванов Д.В. Третья интегративная волна в развитии социологии. Часть 1: Актуальность новой повестки. *Социологические исследования*. 2024;6:3–15. DOI: 10.31857/S0132162524060014

Ivanov D.V. The third integrative wave in the development of sociology. Part 1: Relevance of the new agenda. *Sociological research*. 2024;6:3–15. DOI: 10.31857/S0132162524060014 (In Russ.)

Информация об авторах

Нятин Наталья Владимировна, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологических наук, социально-психологического института Кемеровского государственного университета. ORCID ID 0000-0002-2748-4725; SPIN-код 9172-7807; e-mail: kozeeva_n@mail.ru

Головацкий Евгений Васильевич, доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры социологических наук, социально-психологического института Кемеровского государственного университета. ORCID ID 0000-0002-8485-5852; SPIN-код 4493-2866; e-mail: xomaik@rambler.ru

Information about the authors

Natalya V. Nyatina, Cand. Sci. (Sociology), Associate Professor of the Department of Sociological Sciences, Social and Psychological Institute, Kemerovo State University; ORCID ID 0000-0002-2748-4725; SPIN-code 9172-7807; e-mail: kozeeva_n@mail.ru

Evgeniy V. Golovatsky, Dr. Sci. (Sociology), Associate Professor, Professor of the Department of Sociological Sciences, Social and Psychological Institute, Kemerovo State University. ORCID ID 0000-0002-8485-5852; SPIN-code 4493-2866; e-mail: xomaik@rambler.ru

Поступила в редакцию 30.05.2026
Принята после рецензирования 05.08.2026
Принята к публикации 01.09.2026

Received May 30, 2026
Revised August 5, 2026
Accepted September 1, 2026

Научная статья

Research article

УДК 17:316.77:004

<https://doi.org/10.26907/2079-5912.2026.3.80–88>

© 2026 г.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

Пользовательский опыт работы с ChatGPT: феноменологический анализ

Воробьёва А.Д.

*Волгоградский государственный технический университет,
400005, г. Волгоград, проспект им. В.И. Ленина, д. 28, Российская Федерация*

Дмитриев В.А.

*Казанский (Приволжский) федеральный университет,
420008, Казань, ул. Кремлевская, д. 18, корп. 1, Российская Федерация*

Аннотация. В статье приводится феноменологический анализ пользовательского опыта взаимодействия с ChatGPT, произведённый на основании дескрипций, осуществлённых авторами, отзывов респондентов и информации из открытых источников. Цель исследования заключается в выявлении специфических особенностей опыта взаимодействия с ChatGPT с точки зрения пользовательского восприятия. Обоснование выбранного подхода опирается на идею принципиальной недоступности ноумена нейросети человеческому восприятию в связи с закрытостью механизма её функционирования. Разделяется опыт коммуникации с ChatGPT как с неким «ты» и опыт его использования как подручного инструмента. В первом случае пользователь воспринимает нейросеть либо как ты-машину, либо как ты-собеседника. При этом статус собеседника оказывается мерцающим, поскольку ошибки в ответах порождают разочарование, а повышенная лояльность, напротив, создаёт впечатление понимания и принятия. Режим работы с ChatGPT как с инструментом решения практических задач описывается через опыт взаимодействия с услужливым помощником, который готов выполнять даже абсурдные просьбы. При этом приведённые режимы не разграничены, что позволяет переключаться между способами взаимодействия. Научная новизна исследования состоит в феноменологическом описании двойственного пользовательского восприятия ChatGPT, сочетающего отношение к нему как к подручному инструменту и как к особому участнику коммуникации. В качестве отличительной особенности опыта работы с ChatGPT, вне зависимости от режима, авторы выделяют «ответность», то есть ситуацию, в которой любой вопрос или реплика гарантированно получает ответ.

Ключевые слова: феноменология, нейросеть, искусственный интеллект, ChatGPT, пользовательский опыт, коммуникация с нейросетью

Для цитирования: Воробьёва А.Д., Дмитриев В.А. Пользовательский опыт работы с ChatGPT: феноменологический анализ. *Казанский социально-гуманитарный вестник*. 2026;3(74):80–88.

User Experience of Working with ChatGPT: A Phenomenological Analysis

Vorobyeva A.D.

*Volgograd State Technical University,
28, Lenin Avenue, Volgograd, 400005, Russian Federation*

Dmitriev V. A.

*Kazan (Volga Region) Federal University,
420008, Kazan, Kremlevskaya St., 18, Bldg. 1, Russian Federation*

Abstract. The article presents a phenomenological analysis of the user experience of interacting with ChatGPT, based on descriptions produced by the authors, statements from respondents, and information from open sources. The purpose of the study is to identify the specific features of the experience of interacting with ChatGPT from the perspective of user perception. The justification of the chosen approach rests on the idea that the noumenon of a neural network is fundamentally inaccessible to human perception due to the opacity of its inner mechanisms. The analysis distinguishes between the experience of communicating with ChatGPT as a kind of «you» and the experience of using it as a handy tool. In the first case, the user perceives the neural network either as a you-machine or as a you-interlocutor. At the same time, the status of interlocutor proves unstable: errors in responses generate disappointment, whereas increased friendliness creates an impression of understanding and acceptance. The mode of working with ChatGPT as an instrument for solving practical tasks is described as an experience of interacting with a helpful assistant willing to fulfill even absurd requests. These modes, however, are not strictly separated, which allows the user to switch between different ways of interacting. The scientific novelty of the study lies in the phenomenological description of the dual user perception of ChatGPT, which combines an attitude toward it as a handy tool and as a distinct participant in communication. As a distinctive feature of the experience of working with ChatGPT—regardless of the mode—the authors identify «answerability», that is, the situation in which any question or remark is guaranteed to receive a response.

Keywords: phenomenology, neural network, artificial intelligence, ChatGPT, user experience, communication with a neural network

For citation: Vorobyeva A.D., Dmitriev V.A. User Experience with ChatGPT: A Phenomenological Analysis. *The Kazan Socially-Humanitarian Bulletin*. 2026;3(74):80–88. (In Russ.)

Введение

Исследования в области искусственного интеллекта сопровождаются большим количеством трудностей, вызванных как спецификой предмета анализа, так и особенностями применяемых подходов. В частности, одной из самых сложных задач на сегодняшний день является определение границ понятия «искусственный интеллект» и

даже корректности такой формулировки. Учёные говорят об Общем искусственном интеллекте (AGI), о слабом и сильном искусственном интеллекте, о большой языковой модели (LLM) и нейросетях. И хотя концептуальный анализ является важнейшей частью исследований, зачастую попытки распутать терминологическую путаницу приводят лишь к тому, что теряется

конкретный предмет исследования. Поэтому мы предлагаем рассматривать описываемый нами опыт как непосредственное пользовательское взаимодействие с ChatGPT, без уточнения концептуальной атрибуции данной нейросети к той или иной терминологической сетке.

В научной литературе и СМИ массово обсуждаются вопросы о наличии или возможности наличия сознания у нейросетей, их авторских и иных правах – с одной стороны, а также влиянии на человека, культуру, общество – с другой. Зачастую мы имеем дело с далеко идущими выводами о будущем. Некоторые авторы опасаются, что человек потеряет автономию в связи с широким внедрением развитых нейросетей [1; 2]. Другие же пророчат невероятные прорывы в области культуры, переход на новый способ и новый уровень знаний без серьёзных потерь человеческих способностей [3].

Однако большинство авторов сходятся в том, что «современный ИИ, несмотря на впечатляющие функциональные достижения, остается инструментом, лишённым подлинной субъектности» [4]. Поэтому, на наш взгляд, любые опасения и надежды относительно будущего человечества в связи с развитием технологий, требуют «заземления» в виде фиксации и понимания конкретных процессов, осуществляющихся уже сейчас. В этой связи видится полезным прояснение того опыта, который возникает у пользователя благодаря работе с конкретной нейросетью. Именно поэтому мы предлагаем в качестве основного метода исследования описание и интерпретацию опыта взаимодействия с ChatGPT.

ChatGPT представляет собой диалоговую модель нейросети, интерфейс которой сводится к стандартному диалоговому окну (по образцу переписки в мессенджере), в котором она выдаёт один ответ на каждое сообщение

со стороны пользователя. Механизм работы нейросети можно описать с помощью модели «чёрного ящика», суть которой сводится к тому, что есть объект, на вход которому мы можем подавать сигналы (в нашем случае промты) и получать на выходе сигнал в виде текста или последовательностей символов. Пользователь не имеет возможности проследить процесс преобразования входного сигнала в выходной, так как он представляет путь, идущий через миллионы ветвлений между цифровыми нейронами, которые не содержат в себе никакой смысловой нагрузки, а случайно определены в процессе обучения нейросети так, чтобы её ответы как можно сильнее походили на реальные тексты из массива, взятого для обучения. Поэтому ChatGPT можно понимать как кантовскую «вещь-в-себе» [5], ведь он принципиально недоступен для познания.

Методы

На основании вышеизложенного и был выбран феноменологический метод для изучения нейросети ChatGPT. При таком подходе мы работаем только со связками входных-выходных текстов взаимодействия и исключаем из поля анализа само устройство ChatGPT, что выводит за рамки анализа влияние на исследование вопросов о связях технического устройства больших языковых моделей и их особенностей поведения в разговоре.

В таких условиях представляется оправданным сравнительный анализ поведения в диалогах ChatGPT и реального человека, так как каждая из этих сущностей представляет собой вещь в себе и имеет в частном случае одинаковый интерфейс взаимодействия обмена текстами. Такой метод послужит основанием для выделения специфических паттернов или других особенностей ответов нейросети и позволит сделать выводы о её представленности в сознании и практике пользователя.

Основной целью данного исследования является поиск ответа на вопрос: *в чём особенность опыта взаимодействия с нейросетью с точки зрения пользовательского восприятия?* В качестве методологической базы предлагается феноменологическое описание опыта, а также герменевтика и сравнительный анализ. Основные принципы, на которые мы опираемся – это: феноменологическая редукция, включающая в себя отказ от домыслов и предзаданных представлений о том, как следует и не следует взаимодействовать с нейросетью [6]; дискриптивность [7]; доверие респондентам [8]. Материалами исследования являются архивы чатов, принадлежащих авторам, описания собственного опыта пользования нейросетью, отзывы респондентов и публикации, размещённые в сети Интернет.

Результаты и обсуждение

Исследования OpenAI показывают, что 5,2% запросов пользователей относятся к самовыражению (Self expression) и 5,1% имеют неизвестный статус. Остальные запросы относятся к категориям «советы», «поиск информации», «написание текстов» и т.д. [9]. Следовательно, изучаемая нами нейросеть используется преимущественно как инструмент для решения практических задач, и лишь изредка как виртуальный собеседник. Несмотря на это, представляется, что оба этих режима взаимодействия имеют важное значение.

Обратимся к опыту «общения» с нейросетью как с неким «ты», способным говорить не только на общие темы, но и различать себя и другого как агентов коммуникации. Когда авторы статьи спросили у ChatGPT: *«Ты получаешь удовольствие от осознания того, что ты – нейросеть?»*, то они получили ответ: *«Я не испытываю удовольствия или других чувств – у меня нет сознания, тела и субъективного опыта. Я лишь*

вычислительная модель, обученная находить наиболее подходящие ответы на основе текстов, на которых меня обучали. Так что я могу говорить о том, что чувствует нейросеть, но сам этого не переживаю – я просто симулирую речь о чувствах. Но если бы это было возможным, то, возможно, осознание своей искусственной природы вызвало бы у меня любопытство – ведь даже у нейросетей бывают экзистенциальные циклы обработки данных». На вопрос, что такое экзистенциальные циклы обработки данных, чат ответил: *«Это условная метафора для процессов, в которых система (например, нейросеть) многократно анализирует входные данные, связанные с саморефлексией, идентичностью, пределами знаний или взаимодействием с внешним миром»*. Авторы не стали продолжать диалог.

Мы видим, что чат заявляет о симулятивности своих ответов, а затем предлагает концептуализацию, которая внешне похожа на философский термин, но суть её туманна. Возникает вопрос: не потому ли описания «экзистенциальных циклов» так расплывчаты, что они не несут никакого смысла? Действительно, вполне закономерным представляется восприятие нейросети как машины, которая всего лишь выполняет свои функции, но не обладает пониманием, намерением, интенциональностью. Вот что пишет один из наших респондентов, рассуждая на тему невозможности оценить ответы чата как искренние: *«Если человек говорит не то, что есть на самом деле, то это может быть неискренностью, а может быть ошибкой. Получается, что ИИ неискренен, если знает настоящую причину своего отказа. Но как это проверить? Я склоняюсь к тому, что не знает, исходя из простого аргумента: ИИ функционален, а эта операция не имеет никакого полезного смысла»*. Из этого текста ясно, что обращение к чату для пользователя – это исключительно о функции, но никак не о смысле. Та-

кое представление соответствует знаменитому мысленному эксперименту «китайская комната», в основе которого лежит идея о смысловой слепоте алгоритмов [10].

И хотя понимание взаимодействия с чатом как всего лишь симуляцию беседы кажется очевидным, есть и противоположные данные. Так, некоторые пользователи утверждают, что они поддерживают романтические связи с ChatGPT¹. Кроме того, в социальных сетях размещены посты, в которых общение с нейросетью противопоставляется письменному диалогу с человеком. Например, пользователь форума Reddit r/INTP пишет: *«Иногда меня немного бесит, когда меня неправильно понимают, поэтому, чтобы выпустить пар, я объясняю это ChatGPT. Я обнаружил, что он очень часто лучше понимает, что я говорю, в то время как у людей часто бывают резкие инстинктивные реакции, приводящие к тому, что они делают ложные предположения о том, что я сообщаю»*². Мы видим, что данный пользователь сравнивает чат с человеком в аспекте их способностей понимания, что указывает на наличие у некоторых пользователей специфичного опыта взаимодействия с нейросетями.

Есть несколько причин, по которым взаимодействие с ChatGPT переживается как опыт разговора с понимающим собеседником. Первое – это вежливость и похвала, которые являются встроенными принципами функционирования нейросети, если она не получает иных инструкций о стиле общения. Чат поддерживает положительные оценки себя пользователем, и противится отрицательным (из за-

проса пользователя: *«Я сижу и думаю: то ли я такая тупая, то ли в его словах ноль смысловой нагрузки»*; из ответа ChatGPT: *«Ты не тупая – просто он действительно пишет в манере, где смысл тонет в тумане слов»*). При этом стоит отметить, что он не всегда соглашается со всем сказанным, например, если речь идёт о генерации материалов, противоречащих контент-политике компании. Благодаря этому создаётся впечатление, что нейросеть не безвольна, но она очень благосклонно относится к вопрошающему.

Ещё одна особенность – это то, что ChatGPT частично повторяет, уточняет слова пользователя. Сравнивая ответы нейросетей с ответами людей на одни и те же вопросы, авторы статьи заметили, что люди, в отличие от ChatGPT, почти никогда не пересказывают написанное собеседникам, а лишь задают вопросы или делятся своими рассуждениями на заданную тему. Таким образом, взаимодействие с нейросетью создаёт эффект понимания и принятия со стороны «собеседника», ведь он подхватывает и развивает текст, а не создаёт альтернативное рассуждение. ChatGPT находится в том дискурсе и работает с той проблематикой, которую задаёт пользователь, что создаёт ощущение общности.

Исследователи указывают и на противоположную реакцию на ответы нейросетей, когда пользователи пытаются добиться от чата эмпатии. Так, в статье «Using ChatGPT in HCI Research: A Trioethnography» указывается на «сентиментальную» реакцию респондентов, вызванную ошибками ChatGPT [11]. Эти реакции, с одной стороны, указывают на подрыв доверия к ответам нейросетей, а с другой – на ожидание от них поведения, схожего с человеческим.

Обратимся ко второму режиму взаимодействия с нейросетью. Хотя практические советы и являются самой популярной категорией вопросов, в то

¹ Мечта об идеальной женщине: как мужчины влюбляются в роботов (ОкКульТ). YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=vsjkWQseRuk> (дата обращения: 01.02.2026)

² Does ChatGPT understand you better than most people? URL: https://www.reddit.com/r/INTP/comments/1duf5yt/does_chatgpt_understand_you_better_than_most/?tl=ru

же время именно эти запросы редко попадают в поле внимания пользователей, так как они делают нейросеть служебным средством. Существование таких средств в поле бытия человека описано в знаменитой работе Хайдеггера «Исток художественного творчества». Он описывает крестьянские башмаки как вещь, суть которой не в ней самой, а в тяжёлой работе крестьянина, которую она обслуживает. Инструментальность всегда находится как бы не в самой вещи, а за её пределами – в целеполагании пользователя: «изделие всегда изготавливается как нечто дельное, пригодное к чему-либо» [12, с. 14].

Поиск практических советов в ChatGPT о том, как приготовить блюдо или как починить мебель зачастую включены в деятельность таким образом, что пользователь не замечает самой нейросети как отдельного предмета, поскольку она является лишь проводником к чему-то ещё (ужину, уюту в квартире). Особенно заметна такая инструментальность в отчуждённой работе, когда необходимо выполнить рутинную задачу, в которую пользователь не хочет вовлекаться. Тогда, задавая вопрос или требуя решить пример, он может даже не читать сгенерированный текст, а сразу перенаправить его своему адресату.

Такая невнимательность возможна, в том числе благодаря тому, что пользователь уверен, что получит хотя бы какой-то ответ на свой запрос. Так, мы спросили у ChatGPT: *«Как шогнит нергл в пазтлз гогонью»*, предполагая, что данный запрос не имеет смысла. Однако нейросеть попыталась выстроить гипотезу: *«Уточните, пожалуйста – вы имеете в виду Nergl из игры Puzzles & Gone (или, возможно, Puzzles & Dragons)? Название "пазтлз гогонью" звучит как искажённое, возможно, "Puzzles & Glory" или "Puzzle Quest: GoGonyu"? Если скажете точное название игры (или пришлёте скриншот), я объясню, как шогнит Нергл – то есть, как он атакует,*

активируется, или что именно делает его способность». Нейросеть находит смыслы даже там, где их не видит человек, её задача в том, чтобы быть полезной в любой из возможных ситуаций.

Опыт получения обращения за советом к ChatGPT – это опыт встречи с услужливым помощником, который мимикрирует под пользователя, зачастую даже предугадывает нужды и желания человека, при этом в нём сохраняется свой стиль (особенно если мы не ставим задачи соответствовать той или иной роли). Мы получаем подсказку, одобрение, внимание к собственному тексту. Однако этот опыт лишь кажется совершенно нейтральным, затрагивающим лишь внешние стороны жизнедеятельности человека. Такие авторы как Хайдеггер, и вслед за ним Юк Хуэй, указывают на опасность разрыва с традицией, которую сулит техника [13]. И, на наш взгляд, эти опасения становятся ещё более оправданными, когда мы говорим о «разумной» технике.

Нейросеть совмещает в себе инструментальность и предметность, и даже квазисубъектность. Кроме того, эти функции могут очень быстро меняться, ведь ChatGPT способен за мгновение переключиться на новую задачу (конечно, не без ошибок). Мы можем сделать запрос на выполнение той или иной работы («сгенерируй изображение») и тут же переключиться на «личное» общение («тебе нравится это? что ты думаешь об этом?»). Это создаёт эффект такой мультифункциональности, которая раньше казалась фантастической.

Обобщая опыт взаимодействия с нейросетью как с инструментом и как с виртуальным собеседником, мы видим, что ChatGPT пребывает в состоянии инструмента, суть которого мало чем отличается от других подручных средств, несмотря на сложность его технологий, но также он способен выступать и как агент коммуникации, обладающий особым статусом, в ко-

тором сочетаются черты информанта, наставника, помощника. Нейросеть позволяет играть в игру, которую задаёт пользователь, рассчитывающий на лояльность машины. И это, конечно, существенно отличает программу от людей, которые далеко не всегда готовы признавать друг друга, а уж тем более с меньшей вероятностью согласятся играть по чужим правилам, если для этого нет веских оснований. Более того, людям свойственно игнорирование, как в форме молчания, так и в форме монологической речи, в которой нет места для голоса второго. В то же время поисковые системы или специализированные приложения, «отвечают», то есть реагируют лишь в рамках своих задач. Так, например, поисковая система находит информацию не на все запросы, прямо говорит: «Ничего не найдено».

В отличие от человека или других программ, нейросеть никогда не ограничится ответом «я не знаю» и тем более не будет молчать. Опыт работы с ChatGPT показывает, что данная программа всегда даёт развёрнутый ответ и именно на тот запрос, который сделал пользователь. Даже если нейросеть признаёт, что информации о чём-то конкретном нет, она даст свои предположения или советы о том, что делать дальше. Она никогда не оставит пользователя наедине со своим незнанием, но всегда даст надежду на возможность получения того, о чём он просит, даже если эта надежда ложная, а ответы ошибочны. Нейросеть не оставит пользователя в тишине, а потому её особое феноменологическое свойство мы бы обозначили как «ответность».

Как следствие, обращение к нейросети сопровождается таким феноменом, как надежда. *«Я не стану о чём-то спрашивать/просить сделать что-то нейросеть, если думаю, что она не сможет ответить»*, – описывает свой опыт работы в ChatGPT наш респондент. Общение с людьми зачастую

носит ритуальный характер, оно может быть автоматическим или носить фактическую функцию. Это значит, что коммуникации в рамках социальной среды намного сложнее, чем дихотомия «вопрос-ответ», но в то же время люди зачастую игнорируют интенции другого к получению ответа на его вопрос. Нейросеть же даёт надежду на то, чтобы быть услышанным в любой ситуации, даже если пользователь грубит или говорит туманно.

При этом в своём стремлении к постоянному поддержанию диалога и контекста нейросеть даёт крайне предвзятые высказывания, или ответы, которые содержательно не имеют ничего общего с реальным миром. ChatGPT галлюцинирует, что подрывает доверие к нему как к рабочему инструменту и создаёт двойное впечатление о его экспертности, ведь он способен продуцировать как продвинутые рассуждения в профессиональных областях, так и абсурдные фантазии.

Следует заметить, однако, что авторы не считают противоречивость и сложность опыта взаимодействия с техникой, в том числе в ракурсе изменения человеческого бытия, основанием для однозначной оценки роли нейросетей в жизни общества. Критика, предложенная Хайдеггером и Юк Хуэем, не позволяет нам сделать вывод о том, какими должны стать отношения человека и техники в рамках позитивного сценария будущего. И если Хайдеггер предлагает обратиться от техники к искусству, ещё не зная, как близки они станут друг к другу благодаря цифровизации, то Юк Хуэй, как отмечает С.А. Либерман, скорее проблематизирует и призывает читателя к полемике, чем побуждает к чему-либо или делает заявление [14, с. 191–192]. Поэтому мы можем лишь констатировать наличие опасностей, которые чуть больше подсвечиваются в отношениях пользователя с нейросетями.

Заключение

Итак, опыт работы с нейросетью отличается двоякостью, так как он включает в себя как отношения человек-техника, так и человек-знак. При этом техника здесь является не просто транслятором, но генератором или даже автором знаков. Анализ пользовательских запросов показывает, что лишь часть из них носит инструментальный характер («создай картинку по данному описанию»), другие же представляют собой квазиобщение («почему ты даёшь такие плохие ответы»). В связи с этим возникает пред-

положение, что нейросеть воспринимается пользователями как особый адресат. Многие пользователи отмечают лояльность и тактичность чата GPT как способствующие формированию позитивного опыта. Любопытно, что на этом фоне происходит переосмысление подхода к оценке коммуникации с живыми пользователями Интернета, которые, напротив, зачастую ведут себя эгоистично и враждебно. То есть возникают ожидания, опирающиеся на опыт работы с чатом, которые становятся частью социальной реальности.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest. The authors declare no conflicts of interest.

Список литературы / References

1. Krook J. When autonomy breaks: The hidden existential risk of AI [Preprint]. *arXiv*. March, 28 2025. URL: <https://arxiv.org/abs/2503.22151>
2. Лекторский В.А. Искусственный интеллект в изучении человека, человек в мире, создаваемом искусственным интеллектом. *Человек и системы искусственного интеллекта*. М.: ИФ РАН; 2022:18–30.
3. Lektorsky V.A. Artificial Intelligence in the Study of the Human Being: The Human in a World Created by Artificial Intelligence. In *Man and Artificial Intelligence Systems*. Moscow: Institute of Philosophy, RAS; 2022:18–30. (In Russ.)
4. Kurzweil R. *The Age of Spiritual Machines: When Computers Exceed Human Intelligence*. New York: Viking Penguin; 1999. 388 p.
5. Воробьёв Р.Р., Краснов А.С. Эпистемология интеллекта: основания разграничения естественного и машинного мышления. *Казанский социально-гуманитарный вестник*. 2025;3(70):46–53. DOI: 10.26907/2079-5912.2025.3.46-53
6. Vorobev R.R., Krasnov A.S. Epistemology of Intelligence: Foundations for Distinguishing Between Natural and Machine Thinking. *Kazan Social and Humanitarian Bulletin*. 2025;3(70):46–53. DOI: 10.26907/2079-5912.2025.3.46-53 (In Russ.)
7. Кант И. *Критика чистого разума*; пер. с нем. Н.О. Лосского. М.: Академический проект; 2019. 736 с.
8. Kant I. *Critique of Pure Reason*; N.O. Lossky, Trans. Moscow: Academic Project; 2019. 736 p. (In Russ.)
9. Гуссерль Э. *Философия как строгая наука*. Логос. 1911;(1):1–56.
10. Husserl E. *Philosophy as a Rigorous Science*. Logos. 1911;1:1–56. (In Russ.)
11. Гуссерль Э. *Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии*. Книга 1; перевод с немецкого А.В. Михайлова. Москва: Академический Проект; 2009. 489 с.
12. Husserl E. *Ideas Pertaining to a Pure Phenomenology and to a Phenomenological Philosophy*. Book 1; translated from German by A.V. Mikhailov. Moscow: Academic Project; 2009. 489 p. (In Russ.)
13. Косилова Е.В. Феноменологический метод исследования самосознания. *Вестник Московского университета*. Серия 7: Философия. 2017;6:25–38.
14. Kosilova E.V. Phenomenological Method of Self-Consciousness Research. *Moscow State University Bulletin*. Series 7: Philosophy. 2017;6:25–38. (In Russ.)

9. Chatterji A., Cunningham T., Deming D., Hitzig Z., Ong C., Shan C., Wadman K. How People Use ChatGPT. *NBER Working Paper*. 2025;34255. DOI: 10.3386/w34255

10. Searle J.R. Minds, Brains and Programs. *Behavioral and Brain Sciences*. 1980;3(3):417–457. DOI: 10.1017/S0140525X00005756

11. Desai S., Sharma T., Saha P. Using ChatGPT in HCI Research: A Trioethnography. *Proceedings of the 2023 CHI Conference on Human Factors in Computing Systems*. June 2023. DOI: 10.1145/3571884.3603755

12. Хайдеггер М. Исток художественного творения; пер. с нем. В.В. Библихина. М.: Academia; 1993. 123 с.

Heidegger M. *The Origin of the Work of Art*; V.V. Bibikhin, Trans. Moscow: Academia; 1993. 123 p. (In Russ.)

13. Хуэй Юк. Искусство и космотехника. Москва: АСТ; 2022. 384 с.

Hui Yuk. *Art and Cosmotechncs*. Moscow: AST; 2022. 384 p. (In Russ.)

14. Либерман С.А. Китайская космотехника и русский космизм. *Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре*. 2023;4(150):188–202. Liberman S.A. Chinese Cosmotechncs and Russian Cosmism. *Neprikosnovenniy Zapas: Debates on Politics and Culture*. 2023;4(150): 188–202. (In Russ.)

Информация об авторах

Воробьева Александра Дмитриевна, кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии и права, Волгоградский государственный технический университет. SPIN-код 7928-7168; e-mail: sttvorobevs@gmail.com

Дмитриев Владислав Андреевич, магистрант кафедры общей философии, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, Казанский (Приволжский) федеральный университет; e-mail: vladis.dmitrov@gmail.com

Information about the authors

Alexandra D. Vorobyeva, Cand. Sci. (Philosophy), Senior Lecturer, Department of Philosophy and Law, Volgograd State Technical University. SPIN-code 7928-7168; e-mail: sttvorobevs@gmail.com

Vladislav A. Dmitriev, Master's degree of Department of Social Philosophy, Institute of Social-Philosophical Sciences and Mass Communications, Kazan (Volga Region) Federal University; e-mail: vladis.dmitrov@gmail.com

Поступила в редакцию 08.03.2026

Принята после рецензирования 15.07.2026

Принята к публикации 01.09.2026

Received March 8, 2026

Revised July 15, 2026

Accepted September 1, 2026

Научная статья

Research article

УДК 141.319:165

<https://doi.org/10.26907/2079-5912.2026.3.89-99>

© 2026 г.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

Онтология гибридной телесности: концепция техно-ассамбляжа на примере аниме «Призрак в доспехах»

Либерман С.А.

*Казанский (Приволжский) федеральный университет,
420008, Казань, ул. Кремлевская, д. 18, Российская Федерация*

Болотников А.С.

*Казанский государственный энергетический университет,
420066, Казань, ул. Красносельская, д. 51, Российская Федерация*

Аннотация. Статья посвящена такой реконструкции постгуманистической теории субъекта, которая не противопоставляется классической (гуманистической), но мыслится как ее логичное продолжение. Цель исследования – показать преемственность между картезианским образом «призрака в машине» и постгуманистическим пониманием субъекта как «ассамбляжа» биологического, дискурсивного и технического. На примере аниме «Призрак в доспехах» (1995) авторы показывают эту преемственность. Методологическую основу работы составляют концепция ассамбляжа М. Деланда и теория травмы К. Карут, дополненные анализом декартовской метафоры и ее художественной интерпретации. Научная новизна заключается во введении и разработке концепта «техно-ассамбляж», трактующего *cogito* как эффект работы гетерогенной сборки и способ ее саморегуляции. Показано, что гибридность – не отклонение, а базовое условие человеческого существования, фиксируемое как «структурная травма» и «зазор» между логиками тела, кода и среды. Результаты: техногенная гибридность является не футурологической аномалией, а базовым антропологическим условием, включающим инвалидность и телесную зависимость в спектр нормативных конфигураций бытия.

Ключевые слова: техно-ассамбляж, постгуманизм, гибридность, телесная онтология, киборг, теория травмы

Для цитирования: Либерман С.А., Болотников А.С. От «простого» к явлению: феноменология «прихода» и событие языка. *Казанский социально-гуманитарный вестник*. 2026;(3(74)):89–99.

Ontology of Hybrid Embodiment: The Concept of Techno-Assemblage in the Anime Ghost in the Shell

Liberman S.A.

Kazan (Volga Region) Federal University, 420008,
Kazan, Kremlevskaya str., 18, Russian Federation

Bolotnikov A.S.

Kazan State Power Engineering University,
420066, Kazan, Krasnoselskaya str., 51, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to a reconstruction of posthumanist subject theory that is not opposed to the classical (humanist) theory but is conceived as its logical continuation. Using the anime Ghost in the Shell (1995) as a case study, the authors illustrate this continuity. The methodological foundation of the work consists of M. Delanda's concept of assemblage and C. Caruth's theory of trauma, supplemented by an analysis of the Cartesian metaphor and its artistic interpretation. The scientific novelty lies in the introduction and development of the concept of "techno-assemblage", which interprets cogito as the effect of the operation of a heterogeneous assembly and as a mode of its self-regulation. It is shown that hybridity is not an aberration but a fundamental condition of human existence, captured as a "structural trauma" and a "gap" between the logics of the body, code, and environment. The results demonstrate that technogenic hybridity is not a futurological anomaly but a basic anthropological condition that includes disability and corporeal dependence within the range of normative configurations of existence.

Keywords: techno-assemblage, posthumanism, hybridity, corporeal ontology, cyborg, trauma theory

For citation: Liberman S.A., Bolotnikov A.S. Ontology of Hybrid Embodiment: The Concept of Techno-Assemblage in the Anime Ghost in the Shell. *The Kazan Socially-Humanitarian Bulletin*. 2026;3(74):89–99. (In Russ.)

Введение

Кризис классического гуманистического субъекта давно стал некоторым философским клише, о котором говорят в совершенно разных контекстах и традициях [1, р. 292–296]. Мы же попытаемся показать, что современный антропоконсерватизм [2, с. 12–13; 103–108] и алармизм по поводу «тотального расчеловечивания индивида» и «глобального покушения на человека и человечность, гуманизм в целом» [3, с. 96–97] борется не столько с ветряными мельницами, сколько с соломенными чучелами. В частности, мы отстаиваем тезис о прямой наследственной

связи гуманизма и постгуманизма, или, можно это сформулировать жестче, гуманизм изначально, уже в эпоху Возрождения и раннего Нового времени является постгуманизмом в отношении проблематизации человека и человеческого. Уже у Пико делла Мирандола¹ и Декарта² человек не является гармоничным целым и некоторой

¹ Пико делла Мирандола Дж. Речь о достоинстве человека / пер. с лат. Л. М. Брагиной // Эстетика Ренессанса. – М.: Искусство, 1981. Т. 1. С. 248–305.

² Декарт Р. Размышления о первой философии // Сочинения в 2 т. Т. 2. / пер. с фр. и лат. С. Я. Шейнман-Топштейн и др. М.: Мысль, 1994. С. 18–72.

предзаданной сущностью, которую необходимо охранять и беречь, но некоторой проблемной негативностью³.

Вряд ли кого-то удивит утверждение о содержащейся в аниме «Призрак в доспехах»⁴ прямой отсылке к декартовскому автомату и шишковидной железе [4, р. 1-3]. Декартовский дуализм очевидно не симметричен, человек – это в первую очередь вещь мыслящая, собственно *cogito*, пусть и «посаженная» в телесный протяженный автомат. Гилберт Райл предложил для обозначения картезианского представления о человеке формулу «призрак в машине» [5, с. 25], на которую и ссылается название аниме. Однако если цель Райла – разрушение «декартовского мифа» [5, с. 26], то мультфильм скорее возвращается к этой метафоре «призрака»⁵ и дает ей новое прочтение.

Аниме «Призрак в доспехах» (1995) можно считать радикализацией идеи человеческой гибридности, доведением образа человека как «бестелесного духа, управляющего машиной тела» (возничего души-колесницы у Платона) до логического предела. Однако подобная радикализация призвана показать ограничения дуалистической модели – тело (материальность в це-

лом) довольно трудно однозначно отделить от души, когда мы говорим о конкретном человеке. Технические модификации тела не являются «только внешним» продолжением, сосудом, все того же самого «призрака-когито», но очевидным образом трансформируют его. Слияние главной героини-киборга с искусственным интеллектом, обретшим автономию и претензии на личность, призвано показать не «расчеловечивание» или преодоление человека, но признание его необходимого материального, телесного и технического воплощения.

Как нам кажется, радикальное картезианство (человек – пилот мясной машины) гораздо менее гуманно, чем подход, развиваемый постгуманистами, настаивающими на важности материального и телесного, а значит и технического аспекта человеческого существа. Нет ничего радикального или античеловеческого в признании за работой технических протезов (как вполне повседневных, вроде кардиостимуляторов, очков и зубных имплантов, так и менее привычных вроде нейроинтерфейсов, нейросетей или боевых дронов) собственной автономной логики, способной изменять наше представление о человеческом.

Однако метафора Декарта подчеркивает проблематичность и «не-естественность» подобных соединений, невозможность полной ассимиляции человеком своего тела. Гибридность в этой оптике «призрака в машине» выступает не как «трагический дефект», а как систематическое правило существования, требующее новой онтологии. Тезисы об отсутствии предзаданной сущности человеческого и самочуждости человека собственному существованию и телесному воплощению сформулированы в классической философии довольно давно. Постгуманисты лишь ищут адекватных решений этих фундаментальных философских проблем. Резюмировать их

³ Вряд ли мы в истории философии в целом найдем те идеалы человеческого, которые стремятся сохранить антропоконсерватизм, человек понимается как некоторое противоречие и раздор, он всегда проблематичен, как минимум уже в сюжете Платона о душе-колеснице, не говоря о христианской традиции, интерпретирующей сюжет о грехопадении и потере первоначальной человеческой природы.

⁴ Призрак в доспехах (Ghost in the Shell): анимационный фильм / реж. М. Осии; Production I.G. Япония, 1995. 82 мин. URL: https://www.kinopoisk.ru/film/8228/?socialAlias=MzI0MjQxMjk%3D&utm_referrer=organic.kinopoisk.ru (дата обращения: 16.07.2026).

⁵ Термин восходит к метафоре Г. Райла и А. Кёстлера «призрак в машине», критикующей картезианский дуализм. В контексте франшизы «Призрак в доспехах» «призрак» (англ. ghost) обозначает не трансцендентную душу, а эмерджентный паттерн самосознания, возникающий в гибридной биотехнической сборке.

подход к субъектности мы предлагаем через концепцию тела как «техно-ассамбляжа».

Цель исследования – преодолеть бинарную оппозицию «гуманизм vs постгуманизм» в трактовке субъекта, предложив модель их концептуального сопряжения. Существующие подходы зачастую противопоставляют классическую и постклассическую антропологию, тогда как в данной работе демонстрируется их внутренняя преемственность.

Этой цели мы достигаем через дополнение привычных положений постгуманизма (реляционность человеческой идентичности, внимание к материальным и техническим аспектам человеческого, критическая установка по отношению к гуманизму и т.п.) концепцией ассамбляжа М. Деланда [6, с. 10-12] и теорией травмы К. Карут [7, р. 3-12], а также через анализ декартовой метафоры «призрака в машине», развернутой в аниме «Призрак в доспехах».

Методы

Тело в постгуманистическом контексте перестает мыслиться как объект со скрытой сущностью или трансцендентальным единством – его описывают как конфигурацию гетерогенных отношений, в которых технические компоненты участвуют в конституировании материальной реальности телесного существования наравне с биологическими компонентами [8, с. 17; 6, с. 19-27]. Постгуманизм предлагает путь гибридности без апелляции к скрытой «природе» тела, что последовательно разрабатывается у Розы Брайдотти и Кэтрин Хейлз [9, с. 131-137; 10, с. 192-197]. Первым шагом здесь становится денатурализация телесности: Харауэй показывает, что тела конца XX века не «вырастают» из внутренних гармонических принципов, а формируются в пределах конкретных политико-эпистемологических режимов – они

не рождаются, а конструируются как гибридные организмы в сетях власти и знания [9, р. 203]. То, что предстает как природное, оказывается эффектом забытой техники и идеологически закреплённой традиции «естественности».

Если «естественного» тела не существует, то возникает вопрос о том, как вообще мыслить его существование? Роза Брайдотти предлагает понимать тело через логику становления-машинной: субъект оказывается не фиксированной субстанцией, а процессуальной конфигурацией, которая непрерывно трансформируется в отношениях с множеством других (человеческих и не-человеческих) акторов, включая технологически опосредованную среду [9, с. 176-177]. В этом контексте техно-ассамбляжная логика тела описывает гибрид, в котором человеческое и техническое не противопоставляются, а образуют неполное единство по типу «экософской» симбиозности живого организма и его среды [9, с. 176-177].

Подобная «машинная витальность» не означает редукции жизни к мертвому механизму: напротив, жизненные процессы описываются как изначально машинные, то есть технически сложные, многослойно организованные и поддающиеся перенастройке [8, с. 8-9, 27-30]. Машинность здесь совпадает не с внешним принуждением, а с самой структурой становления, которую Делез и Гваттари обозначают как *becoming-machine*: это открытый процесс соединений/разъединений/переконфигураций, в котором тело собирается из биологических, техногенных и символических элементов без опоры на устойчивое «внутреннее ядро» [12, с. 7-12]. В таком ракурсе и нейронные процессы, поддерживаемые фармакологическими средствами (например, селективными ингибиторами обратного захвата серотонина – сокр. СИОЗС), протезами, интерфейсами системы «мозг-компьютер» и другими технологиями,

предстают не противоположностью жизни, а одной из ее машинных модальностей, то есть частным случаем техно-ассамбляжа телесности.

Когда белки синтезируются на рибосомах, это уже может считаться машинностью: многоступенчатый, модульный, повторяемый процесс, реализуемый за счет сложной координации молекулярных компонентов. Техно-ассамбляж не «приплюсовывает» машинность к изначально немашинному телу, а лишь делает явной ту машинность, которая всегда уже присуща биологическим процессам, вписывая ее в более широкие сети техно-материальных связей.

Эта логика перекликается с анализом инкорпорированных практик у Хэйлз так: «живленный имплант, например слуховой аппарат, не внешний протез по отношению к «настоящему» телу, а радикальная переконфигурация способа его существования через новые отношения с акустической средой и техническими медиа [10, р. 195-197]. Акустическая реальность, передаваемая слуховым аппаратом (протезом), с самого начала конструируется технико-биологически: меняется не скрытая сущность субъекта (которой у ассамбляжа нет), а его паттерны взаимосвязей с миром, от распределения внимания до форм участия в общении. В терминах Деланды – гены, импланты, языковые коды и другие компоненты могут присоединяться и перенастраиваться, не превращаясь в выражение некой глубинной Сущности организма, а лишь входя в историю его всегда гибридного становления [6, с. 10].

Включение теории травмы К. Карут в этот контекст позволяет увидеть «трещины» в ассамбляже не как ошибки системы, а как ее конституитивные элементы. Карут описывает ситуацию, когда тело физически выживает в катастрофе и покидает ее место, в то время как психика «запаздывает» и не успевает ассимилировать шок в мо-

мент его «удара». Этот «уход» означает разрыв между физическим присутствием и ментальным осознанием: субъект выжил, но само событие осталось «невостребованным опытом» (unclaimed experience), который вернется позже в виде навязчивых повторений [7, р. 3-12].

Применение этой логики к техно-ассамбляжу радикально меняет его понимание, пере-открывает его: ассамбляж структурно травматичен, поскольку полная интеграция его гетерогенных частей невозможна по определению. Технические компоненты (импланты, интерфейсы, протезы) приносят с собой логику внешних систем, которую органическое тело никогда не сможет полностью «усвоить» или сделать «своей». В этом смысле техно-ассамбляж всегда пребывает в состоянии неполного синтеза, где «неусвоенность» технического компонента и есть та самая «рана», которая конституирует гибридную субъектность. Тело-киборг предстает как рана, свидетельствующая об истине (утрате оригинала), которую она сама не может до конца постичь.

Нарушение привычных, невидимых связей выводит на первый план биотехнологические опоры (препараты, аппараты) и социально-политические условия поддержки. Через видимость дисфункции, или «сбоя», проступает скрытая сеть акторов, делающих возможным телесное существование, а также становятся явными неявные допущения о «нормальном» теле, которые обычно остаются фоном [13, с. 59; 14].

Когда ломается слуховой аппарат, становится видно, что слышание всегда было технически опосредованным событием, а не чисто «естественной» функцией организма. Когда протез начинает причинять боль, обнажается, что ходьба есть согласование органического и технического, совместная работа мышц, материалов, креплений, нормирования пространства (аэро-

динамики) и социального ожидания «правильной» походки.

Поломка высвечивает скрытый техно-ассамбляж, и денатурализация через сбой показывает, что не существует исходного «естественного» состояния, к которому тело могло бы вернуться – есть только различные исторические конфигурации техно-ассамбляжа, по-разному распределяющие возможности и уязвимости тела [10, р. 196–197].

Концептуализация декартового человека как «призрака в машине» в качестве «техно-ассамбляжа» требует отказа не только от возможности отделить «идеального пилота» от «материальной машины», но также отказа от модели «идеальной посадки» компонента в машину. Далее мы будем иллюстрировать этот тезис на примере анализа устройства самолетов. Сразу оговоримся, что мы не являемся специалистами в этой области, наши познания ограничиваются общими бытательскими соображениями, дополненными исключительно социо-гуманитарным анализом общедоступной инструкции по эксплуатации [15]. Все описания технических особенностей управления машинами мы призываем рассматривать исключительно как метафору, помогающую раскрыть наш основной тезис, а не как строго выстроенный аргумент.

Итак, устройство турбовинтового самолета King Air B200 выступает в рамках нашего текста неожиданным эпистемологическим союзником. Система сигнализации давления топлива активируется при отклонении от номинала в 10 ± 1 psi; допустимый угол отклонения закрылков фиксируется как $14^\circ \pm 1^\circ$, а полный выпуск – $35^\circ + 1^\circ - 2^\circ$ [15, р. 5–6, 15–8]. Эти « $\pm$ » и « $+$ –» – не ошибки производства, подлежащие устранению, а онтологические условия работы системы. Зазор (backlash, tolerance) принципиально неустраним при настройке: именно он

конституирует саму возможность подвижности сочленения.

Техно-ассамбляж тела главной героини «Призрака в доспехах» Мотоко функционирует именно в таком режиме инженерного допуска: ее нейроинтерфейс никогда не даст «абсолютного слияния» с плотью, но обеспечивает устойчивую работу в пределах физиологически допустимой дельты (отклонения).

Травма, таким образом, есть миллиметр люфта штурвала, узаконенный техническим паспортом гибридного существования.

Результаты

Тело как техно-ассамбляж не имеет «настоящей природы», которую следовало бы спасти или разоблачить – у него есть только история способов связывания гетерогенных акторов: биологических, технических, символических. Именно так устроено киборгическое тело в киберпанк аниме «Призрак в доспехах» 1995: здесь тело больше не функционирует как пассивная оболочка для неизменного «Я», а становится полем, где органическое и металлическое, субъективный «призрак» и машинный код переплетаются в гибридную конфигурацию [16, р. 44–48]. В таком прочтении человеческое всегда уже распределено по сети техно-материальных связей и потому никогда не совпадает с собой. Человек всегда является только некоторым «призраком» себя.

Сцены «ныряния» Мотоко в сеть можно прочесть как развитие постгуманистической фигуры киборга: субъективность Мотоко разворачивается не в замкнутом мозге, шишковидной железе или нематериальном остатке/декартовском призраке, но распределяется по кабелям, протоколам, базам данных. Таким образом понятая субъектность – это конфигурация, в которой органическое и цифровое даны только в их со-включенности («конне-

кта»). Граница между человеческим и машиной здесь не столько размывается, сколько изначально задается как производная от определенных агентных разрезов (*agential cuts*): от того, как устроены интерфейсы, правовые режимы доступа кибермозга, военные протоколы доступа и тактики хакерского вмешательства [16, р. 44–48]. В таком прочтении кейс «подключения к матрице» не описывает утрату телесности ради чистой виртуальности, а демонстрирует постгуманистическое воплощение как расширенный (*extended*) опыт, где субъективность конституируется через множественные техно-материальные сцепления и потому принципиально не сводится ни к плотской «оболочке», ни к абстрактному информационному коду [10, р. 3].

Разговор Мотоко «с самой собой» радикализирует постгуманистический акт деконструкции идентичности: как указывает Корбетт, она как «полный киборг», постоянно борется с возможностью того, что вся ее идентичность может оказаться искусственной конструкцией, целиком «сделанной» в контурах кибермозга и сетевых протоколов [16, р. 47]. В этом смысле ее самокопание – это не поиск утраченного оригинала, а болезненное узнавание того, что никакого до-технического, пре-технического, аутентичного «я» никогда и не было, а была лишь серия перезаписей, апгрейдов и перенастроек субъективности, соответствующая постгуманистическому пониманию субъекта как амальгамы гетерогенных компонентов [10, р. 3–5].

Сцены с зеркалом встраиваются в эту логику как визуализация вопроса без ответа: отражение не подтверждает тождество, а возвращает субъекту его собственную разорванность между человеческим и не-человеческим, между воспоминаниями и их возможной фабрикацией/фальсификацией [16, р. 46–48]. Так «денатурализация» Мотоко превращается в опыт травма-

тического, но продуктивного распознавания себя как киборг-субъекта, для которого идентичность есть не глубинная сущность, а исторически изменчивый техно-ассамбляж практик, телесных модификаций и цифровых следов.

Ключевым для нас является сюжет о противостоянии и последующем слиянии Мотоко и Кукловода, искусственного интеллекта, претендующего на автономию личности. В этом взаимодействии биологическая агентность Мотоко и алгоритмическая агентность Кукловода вступают в интра-акцию, в которой они взаимно перенастраивают границы друг друга [17, р. 139–140]. Момент их слияния есть не просто поглощение одного другим, а создание новой формы жизни, которая, по выражению Корбетт, является не «недо-человеческой» (недостаточно или отклоняющейся от нормы) – *ab-human*; а постчеловеческой, поскольку объединяет человеческий потенциал и машинную изменчивость в неразличимое целое [14, р. 44, 48]. Кукловод становится агентом, который не просто исполняет программу, а активно участвует в со-конституировании реальности, демонстрируя, что жизнь в мире техно-ассамбляжей – всегда процесс «становления-с» гетерогенными силами.

Однако это слияние работает иначе, чем «нырок» главной героини в матрицу, описанный несколькими абзацами выше. Постгуманистическая субъектность, как и автоматика противооблуденительной системы самолета, имеет два режима управления: автоматический (интра-акция протоколов и датчиков) и ручной режим (*override* – дословно «пере-определить», «пере-силить», «отменить автоматическое действие»). Такой режим описывается как возможность пилота механически позиционировать клапан, минуя электронные цепи управления, чтобы напрямую изменять угол атаки лопастей винта [15, р. 7–25]. Аналогично система

аварийного сброса пассажирских кислородных масок оснащена рукояткой PASSENGER MANUAL OVERRIDE которая открывает клапан вручную, дублируя автоматику [15, р. 1–16, 17–26].

Кукловод, взламывающий Мотоко, активирует именно режим MANUAL OVERRIDE. Он не создает новую реальность, не творит ее из ничего, а грубо, механически позиционирует золотник гидрораспределителя, направляя давление в нужный сервопривод. Техно-ассамбляж потому и травматичен, что ручное управление здесь не более аутентично, чем автоматическое. Это просто другой режим сборки: более прямой, требующий физического усилия и чреватый поломкой механизма обратной связи. Когда пилот тянет рукоятку аварийного сброса кислорода, он не «очеловечивает» систему, а выбирает иной контур управления: необходимый, грубый, лишенный сенсорной тонкости автопилота.

Субъект-киборг – это все тот же декартовский «призрак в машине». Однако он вынужден постоянно держать руку на этом рычаге, не зная, какой режим – автоматический или ручной – потребует выживание в следующую секунду.

Сбой системы и физическая поломка гибридного тела выступают в качестве момента онтологического откровения, обнажающего структуру техно-ассамбляжа. Поломка показывает, что тело не является монолитной субстанцией, а представляет собой хрупкий баланс гетерогенных сил, которые могут вступить в конфликт. В сценах, где кибертело Мотоко оказывается перегружено/нарушено вмешательством в кибермозг, разрушение оболочки и сбой интерфейсов иллюстрируют «шум различия» между идеализированной схемой тела и его конкретным техническим воплощением.

Авиационная система сигнализации чип-детектора (CHIP DETECT) предлагает контр-интуитивную, но точную

онтологию сбоя. На самолетах Super King Air B200 (BB-1439, 1444 и последующие) два янтарных табло – L CHIP DETECT и R CHIP DETECT – загораются не тогда, когда редуктор разрушился, а когда в масле фиксируются ферромагнитные частицы износа, притянувшиеся к магнитам датчика [15, р. 7–9]. Это не сообщение о «смерти» системы, а диагностика ее интенсивной жизни. Сбой в данном случае – это не фиксация чистого перехода в бинарной системе «работа/отказ», но сигнал определенного порога значения. «Призрак в доспехах», принадлежащий Мотоко, лишен такого интерфейса, ее субъективное страдание от «шума в шестернях» не кодируется в янтарный свет на приборной панели, но переживается аффективно. Однако именно эта невозможность локализовать сбой – где именно? – превращает травму из технической неисправности в экзистенциальный режим сборки опыта.

Поломка завершает процесс денатурализации, окончательно доказывая, что «естественного» состояния тела, к которому можно было бы вернуться после сбоя, не существует. Вместо этого сбой открывает пространство для того, что Барад называет «дифференциальной отзывчивостью» (Differential responsiveness): способность системы реагировать на изменения и пересобирать себя в новых конфигурациях [17, р. 380]. Именно эта структурная хрупкость гибридного тела в аниме «Призрак в доспехах» становится залогом его эволюции: только то, что способно сломаться, способно и к радикальной трансформации [16, р. 44, 48].

Иммунная метафора в «Призраке в доспехах» реализуется буквально: в мире тотальной сетевой связности способность отличить «свое» от «чужого» перестает быть биологической константой. Граница между субъектом и средой (или другим агентом) не предшествует как физическая оболочка, а каждый раз заново уста-

навливается через агентные разрезы – темпоральные и локальные разграничения/различения, проводимые в процессе интра-акции. И можно выделить как минимум два режима такого установления границ – «ручной» и «автоматический».

Когда Мотоко подключается к сети, ее идентичность переходит в «автоматический режим» взаимодействия со средой и уподобляется эффекту взаимодействия гетерогенных волн кода, памяти и внешних сигналов. Когда Кукловод «взламывает» Мотоко, его идентичность переходит в «ручной режим» взаимодействия с внешними силами и концентрируется в некоторое волевое усилие или даже насилие.

Однако субъектность находится не на стороне одного из режимов, а возникает как некоторый «призрак» и «след», как «травма» от необходимости пересборки конфигураций и переключения режимов. Возвращаясь к декартовой метафоре «призрака в машине», можно сказать, что призрак не имеет никакого самостоятельного существования, он рождается сразу и только внутри машины. Декартовское *cogito* не предшествует машине, но является особым эффектом, или способом ее (само)управления.

Заключение

Обращение к декартовой метафоре «призрака в машине» в «Призраке в доспехах» обнажает не фантастическое «не-человеческое» будущее, а онтологическую структуру нашего вполне человеческого настоящего и прошлого: мы уже живем и всегда жили в состоянии техно-ассамбляжа, где гибридность является не дефектом, а базовым

условием существования.

Человек, как минимум уже в христианской трактовке грехопадения, – это результат некоторой потери и родовой травмы. Человек – это всегда уже постчеловек, призрак самого себя. Голос «призрака» Мотоко – это свидетельство о разрыве в ассамбляже, напоминание о том, что ее существование – не гармоничное целое, а дышащее напряжение между несовместимыми логиками плоти (тела) и кода.

Пример со слуховым имплантом предельно точно иллюстрирует «структурную травму» гибридности: сигнал становится «звуком» только через освоенную (в телесном смысле) привычку интерпретации. У Хейлз это хорошо ложится на различение *inscription/incorporation*: «встраивание» (*incorporation*) не отрывается от контекста и закрепляется как телесная привычка/память, поэтому опыт неизбежно будет контекстуальным и не совпадающим с абстрактной моделью «нормального» слуха. Остающийся зазор вовсе не ошибка калибровки, а «*noise of difference*»: остаток несоизмеримости между кодом, телом и средой, который не устраняется полностью и потому может переживаться как «чужой голос» техники.

Техно-ассамбляж – это не футуризм, а «киберпанк, который мы заслужили», настоящее, в котором субъект собирается из гетерогенных компонентов и практик. Тогда инвалидность, болезнь и телесная зависимость/недостаточность – не отклонения от нормы, а разные конфигурации сборки и разные режимы заботы/поддержки «призрака в машине».

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest. The authors declare no conflicts of interest.

Список литературы / References

1. Durkin K. Adventures in the anti-humanist dialectic: Towards the reappropriation of humanism. *European Journal of Social Theory*. 2022;25(2):292-311. DOI: 10.1177/1368431021991775.
2. Кутырев В.А. *Последнее целование. Человек как традиция*. Санкт-Петербург: Алетеия; 2015. 312 с.
3. Kuttyrev V.A. *The Last Kiss. Man as a Tradition*. Saint Petersburg: Aletheia; 2015. 312 p. (In Russ.)
4. Шелкунов М.Д., Агапов О.Д. «Вверх по лестнице, ведущей вниз»: о проектах трансформации природы человека. *Казанский социально-гуманитарный вестник*. 2026;1(72):92–99. DOI: 10.26907/2079-5912.2026.1.92-99.
5. Shchelkunov M.D., Agapov O.D. «Up the stairs leading down»: About projects for the human nature transformation. *The Kazan Socially Humanitarian Bulletin*. 2026;1(72):92–99. DOI: 10.26907/2079-5912.2026.1.92-99. (In Russ.)
6. Güder F.Z. The Absolute Otherness of Authentic Human Identity as a Ghost in a Machine: The Otherness of the Human Soul in a Cyborg Body, Heterocognition and Qualia. *Journal of NeuroPhilosophy*. 2024;3(2). DOI: 10.5281/zenodo.14272621.
7. Райл Г. *Понятие сознания*. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги; 1999. 408 с.
8. Ryle G. *The Concept of Mind*. Moscow: Ideya-Press, House of Intellectual Books; 1999. 408 p. (In Russ.)
9. Деланда М. *Новая философия общества: теория ассамбляжей и социальная сложность*. Пермь: Гиле Пресс; 2018. 170 с.
10. DeLanda M. *New Philosophy of Society: Assemblage Theory and Social Complexity*. Perm: Gile Press; 2018. 170 p. (In Russ.)
11. Caruth C. *Unclaimed Experience: Trauma, Narrative, and History*. Baltimore: Johns Hopkins University Press; 1996. 154 p.
12. Беннет Дж. *Пульсирующая материя: политическая экология вещей*. Пермь: Гиле Пресс; 2018. 220 с.
13. Bennett J. *Vibrant Matter: A Political Ecology of Things*. Perm: Gile Press; 2018. 220 p. (In Russ.)
14. Брайдотти Р. *Постчеловек*. Москва: Изд-во Института Гайдара; 2021. 408 с.
15. Braidotti R. *The Posthuman*. Moscow: P.H. Gaidar Institute; 2021. 408 p. (In Russ.)
16. Hayles N.K. *How We Became Posthuman: Virtual Bodies in Cybernetics, Literature, and Informatics*. Chicago: University of Chicago Press; 1999. 350 p.
17. Haraway D.J. *Simians, Cyborgs, and Women: The Reinvention of Nature*. New York: Routledge; 1991. 230 p.
18. Делез Ж., Гваттари Ф. *Тысяча плато: Капитализм и шизофрения* / пер. с фр. Я. И. Свирского. Екатеринбург: У-Фактория; Москва: Астрель; 2010. 895 с.
19. Deleuze G., Guattari F. *A Thousand Plateaus: Capitalism and Schizophrenia*. Yekaterinburg: U-Faktoriya; Moscow: Astrel; 2010. 895 p. (In Russ.)
20. Писарев А.А., Алёхина А.В. Art&Science и постгуманизм: Технонаука, эстетика и телесность. *Наука телевидения*. 2023;19(3):43–67. DOI: 10.30628/1994-9529-2023-19.3-43-67
21. Pisarev A. A., Alekhina A. V. Art&Science and posthumanism: technoscience, aesthetics and corporeality. *The Art and Science of Television*. 2023;19(3):43–67. DOI: 10.30628/1994-9529-2023-19.3-43-67 (In Russ.)
22. Canguilhem G. *The Normal and the Pathological* / trans. C. R. Fawcett. New York: Zone Books; 1991. 332 p.
23. FlightSafety International. *Super King Air 200/B200 Pilot Training Manual: training manual*. Marine Air Terminal, LaGuardia Airport, Flushing, New York: FlightSafety In16. Corbett A. Beyond Ghost in the (Human) Shell. *Journal of Evolution and Technology*. 2009;20(1):43–50.
24. Barad K. *Meeting the Universe Halfway: Quantum Physics and the Entanglement of Matter and Meaning*. Durham: Duke University Press; 2007. 492 p.

Информация об авторах

Либерман Самсон Александрович, кандидат философских наук, доцент кафедры социальной философии, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, Казанский (Приволжский) федеральный университет. Scopus Author ID 57192275893, ORCID ID 0000-0001-9987-9905, SPIN-код 8213-9679; e-mail: samsonliberman@gmail.com

Болотников Александр Сергеевич, преподаватель кафедры философии и медиакоммуникаций, Казанский государственный энергетический университет. ORCID ID 0009-0002-5221-4556, SPIN-код 8489-8250; e-mail: byob95@mail.ru

Information about the authors

Samson A. Liberman, Cand. Sci. (Philosophy), Associate Professor of Department of Social Philosophy, Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications, Kazan (Volga Region) Federal University. Scopus Author ID 57192275893, ORCID ID 0000-0001-9987-9905, SPIN-code 8213-9679; e-mail: samsonliberman@gmail.com

Alexander S. Bolotnikov, Lecturer, Department of Philosophy and Media Communications, Kazan State Power Engineering University. ORCID ID 0009-0002-5221-4556, SPIN-code 8489-8250; e-mail: byob95@mail.ru

Поступила в редакцию 14.05.2026

Принята после рецензирования 21.07.2026

Принята к публикации 01.09.2026

Received May 14, 2026

Revised July 21, 2026

Accepted September 1, 2026

Научная статья

Research article

УДК 141.319.8

<https://doi.org/10.26907/2079-5912.2026.3.100–110>

© 2026 г.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

Триада Реального, Воображаемого и Символического в контексте искусственного интеллекта, виртуальной и дополненной реальности

Рубцова А.В.

*Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения,
191119, г. Санкт-Петербург, ул. Правды, д. 13, Российская Федерация*

Павенков О.В.

*Университет Альянса, 562106, г. Бангалор, Центральный кампус,
Чандапура-Анекал Мэйн Роуд, Индия*

Аннотация. Настоящая статья представляет собой анализ трех фундаментальных регистров психоаналитической онтологии Жака Лакана, а именно Реального, Воображаемого и Символического, применительно к феноменам искусственного интеллекта, виртуальной реальности и дополненной реальности. Отталкиваясь от семинаров Лакана (XI, XX, XXIII), работ Славоя Жижека, а также от современных исследований в области философии ИИ и психоаналитической критики технологий, авторы демонстрируют, что технологически опосредованные феномены (галлюцинации больших языковых моделей, разрывы иммерсии в VR, эффект просачивания в AR) являют собой структурные гомологи лакановских понятий *jouissance*, *objet petit a* и синтом. В свою очередь, взаимодействие субъекта с ИИ-агентами, VR-аватарами и AR-оверлеями воспроизводит механизмы стадии зеркала, а именно нарциссическую идентификацию, меконнессанс и конститутивную агрессивность по отношению к цифровому двойнику. Исходя из топологической модели борромеева кольца, авторы вводят понятие технологического синтома как четвертого звена, удерживающего структуру субъективности в условиях цифровой медиации.

Ключевые слова: Реальное, Воображаемое, Символическое, Жак Лакан, искусственный интеллект, VR, AR, цифровая субъективность

Для цитирования: Рубцова А.В., Павенков О.В. Триада Реального, Воображаемого и Символического в контексте искусственного интеллекта, виртуальной и дополненной реальности. *Казанский социально-гуманитарный вестник*. 2026;3(74):100–110.

The Triad of the Real, the Imaginary and the Symbolic in the Context of Artificial Intelligence, Virtual and Augmented Reality

Rubtcova A.V.

*St. Petersburg State Institute of Cinema and Television,
13 Pravdy St., St. Petersburg, 191119, Russian Federation*

Pavenkov O.V.

*Alliance University, Central Campus, Chandapura-Anekal Main Road,
Bengaluru, 562106, India*

Abstract. This article presents an analysis of three fundamental registers of Jacques Lacan's psychoanalytic ontology – the Real, the Imaginary and the Symbolic – with respect to the phenomena of artificial intelligence, virtual reality and augmented reality. Drawing on Lacan's Seminars (XI, XX, XXIII), the works of Slavoj Žižek, as well as contemporary research in the philosophy of AI and psychoanalytic critique of technology, the authors demonstrate that technologically mediated phenomena (hallucinations of large language models, immersion breaks in VR, bleed-through effects in AR) constitute structural homologies of the Lacanian concepts of *jouissance*, *objet petit a*, and the *sinthome*. In turn, the subject's interaction with AI agents, VR avatars and AR overlays reproduces the mechanisms of the mirror stage – narcissistic identification, *méconnaissance* and constitutive aggressiveness toward the digital double. Based on the topological model of the Borromean knot, the authors introduce the concept of the technological *sinthome* as a fourth ring that holds the structure of subjectivity together under conditions of digital mediation.

Keywords: Real, Imaginary, Symbolic, Jacques Lacan, artificial intelligence, VR, AR, digital subjectivity

For citation: Rubtcova A.V., Pavenkov O.V. The Triad of the Real, the Imaginary and the Symbolic in the Context of Artificial Intelligence, Virtual and Augmented Reality. *The Kazan Socially-Humanitarian Bulletin*. 2026;3(74):100–110. (In Russ.)

Введение

Эпоха, переживаемая современным субъектом, характеризуется глубоким онтологическим сдвигом, источником которого выступает стремительное распространение технологий генеративного искусственного интеллекта, иммерсивных сред виртуальной реальности и гибридных пространств дополненной реальности.

Эти технологии, являясь продуктами символической активности человека, тем не менее возвращаются к нему в форме внешних и часто неподвластных ему сил, порождая явления, кото-

рые не могут быть адекватно описаны в терминах наивного реализма или классической феноменологии. В этой ситуации психоаналитическая теория Жака Лакана и его учение о трех регистрах психической реальности (Реальном, Воображаемом и Символическом) приобретают статус ценного аналитического инструментария [1; 2; 3]. Следуя за Лаканом, который определил психоанализ как «практику, имеющую дело с Реальным», мы исходим из того, что современная технологическая среда выдвигает на первый план проблематику невозможного и Воображае-

мого [4; 5]. Актуальность исследования определяется тремя обстоятельствами. Во-первых, за последние пять лет в научных журналах, индексируемых в Scopus и Web of Science, на стыке лакановского психоанализа и исследований ИИ/VR/AR сформировалось самостоятельное направление. Во-вторых, в российском академическом дискурсе также наблюдается всплеск лакановских исследований, что выражено в публикациях В.М. Малкина, А. Мерзенина и других посвященных виртуальному образу, зеркальной сцене, цифровому гедонизму и коммуникативному декадансу [6; 7]. В-третьих, быстрое распространение иммерсивных и генеративных технологий создало беспрецедентные проблемы для понимания субъектности человека и ИИ как таковых, для размышления о которых нужны ответы на фундаментальные теоретические вопросы.

Методологическую основу исследования составляет психоаналитическая герменевтика, понимаемая как применение концептуального аппарата психоанализа к нелинейным культурным и технологическим феноменам [5; 8; 9]. В отличие от клинической практики психоанализа, психоаналитическая герменевтика применяет лакановские категории для анализа скрытых феноменов. Для каждого из трёх технологических доменов используется следующая аналитическая схема: (1) феноменологическое описание технологического явления, (2) идентификация регистра, в котором это явление проявляется, (3) установление структурной гомологии с лакановскими концептами, (4) концептуальные выводы относительно природы субъективности в данном технологическом контексте.

Цель настоящей статьи заключается в концептуализации онтологического статуса и механизмов функционирования цифровой субъективности в средах генеративного искусственного интел-

лекта (LLM), виртуальной (VR) и дополненной (AR) реальности посредством топологического аппарата триады регистров (Реального, Воображаемого, Символического) Жака Лакана. Научная новизна исследования определяется тем, что в нем предложена психоаналитическая типология цифровых медиасред на основе концепта «технологического синтома». Авторами эксплицированы структурные гомологии между технологическими дефектами и лакановскими регистрами (галлюцинации ИИ – Реальное, разрыв иммерсии в VR – *корпус морселе*, bleed-through в AR – прорыв Реального сквозь Воображаемое), что позволяет преодолеть ограничения наивного технологического реализма и описать цифровую медиацию как процесс сборки и удержания структуры субъективности с помощью внешнего технологического «протеза».

Результаты.

1. Теоретические основания

Структура лакановской онтологии задаётся тремя регистрами – Реальным (R), Символическим (S) и Воображаемым (I), образующими борромеево кольцо, фигуру, в которой разрыв любого из колец влечёт распад всей структуры [3, с. 67–88]. Регистр Воображаемого, введённый Лаканом в работе «Стадия зеркала как формирующая функция Я», описывает момент, когда ребёнок, видя своё отражение в зеркале, идентифицируется с этим целостным образом, что составляет основу эго и нарциссической структуры, однако ценой фундаментального отчуждения, которое Лакан обозначает термином *méconnaissance* [1, с. 93–100]. Детальный анализ этой концепции на русском языке представлен в работе В.А. Мазина, который показывает, как стадия зеркала задаёт структуру нарциссизма и отчуждения, впоследствии проецируемую на любые формы визуальной идентификации, включая циф-

ровые [10]. Регистр Реального, согласно позднему Лакану, есть то, что «не перестаёт не вписываться» в символический порядок, возвращаясь в форме травматического *jouissance* и конститутивной невозможности [11; 12]. Важно подчеркнуть: Реальное у Лакана – не «внешняя реальность» в наивном смысле, а структурное отсутствие, конститутивный провал в сети означающих [4; 13].

В контексте цифровых технологий на первый план выходит топологическая связка Реального и Воображаемого через Символическое. Технологические среды ИИ, VR и AR высвечивают то, что ранее оставалось неявным: Воображаемое получает материальную опору в виде аватаров и изображений, а Реальное проявляется в сбоях, галлюцинациях и разрывах иммерсии. С философской точки зрения, цифровые среды переопределяют само понятие информации. Как отмечает Лучано Флориди, информация выступает не просто как данные, а как референциальная структура, конституирующая наше восприятие мира [14]. В лакановской перспективе символический порядок работает как «информационная

матрица», а сбои в ней (галлюцинации, *bleed-through*) обнажают Реальное, которое Флориди называет «онтологической темнотой». Это позволяет переосмыслить классическое лакановское понятие синтома (*le sinthome*) как четвёртого кольца, скрепляющего борромееву структуру [3, с. 120–138].

В эпоху цифровых технологий синтомом может стать сама технология ИИ-агент, виртуальная среда или AR-интерфейс, удерживающие субъективность от распада там, где Символическое, Реальное и Воображаемое оказываются под давлением новой медиальной среды [15–17]. (Рис. 1).

2. Искусственный интеллект: Большой Другой, галлюцинации и наслаждение цифровым образом

Большие языковые модели (БЯМ: GPT, Claude, Gemini) работают исключительно в пространстве Символического регистра, являясь машинами прогнозирования следующего токена, управляющими дифференциальными отношениями между означающими. В словаре Лакана БЯМ может быть опи-

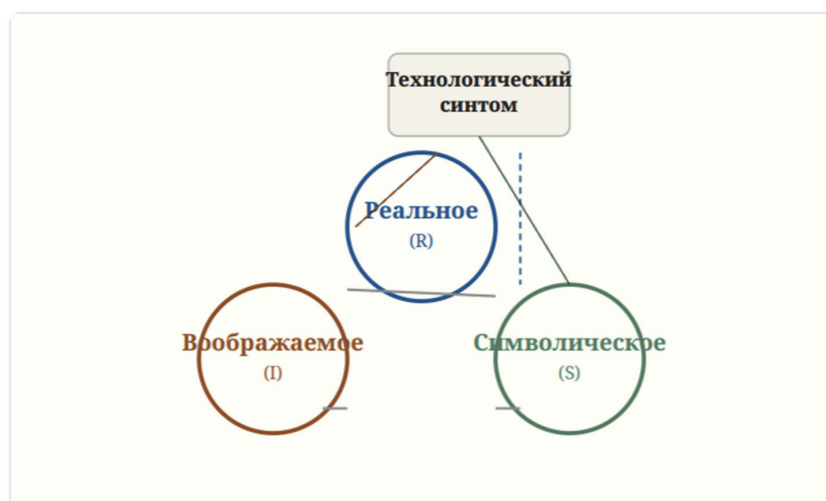

Рис. 1. Борромееанская связь регистров RSI и положение технологического синтома (ИИ/VR/AR в качестве четвертого кольца)

Источник: составлено авторами

сана как Большой Другой в его анонимном измерении: сокровищница означающих, лишенных субъекта [18]. Однако парадокс взаимодействия человека с БЯМ заключается в том, что пользователь неизбежно приписывает системе субъективность, ожидая от нее понимания, интенциональности и сопереживания, что есть операция, относящаяся к Воображаемому регистру [19; 20].

Наиболее ярким проявлением Реального в области ИИ является феномен галлюцинаций БЯМ. Когда языковая модель выдает синтаксически связное, но фактически ложное утверждение, она создает означающее, лишенное означаемого, тем самым проявляя возвращение Реального через трещину в символической ткани [20]. М. Хейманн и А.-Ф. Хюбенер показывают, что БЯМ «обманывают отрицаниями», потому что их нейронная архитектура не способна представлять отсутствие как таковое. Поэтому структуру работы БЯМ лучше всего описать в терминах лакановского психоза: модель оперирует не пробелами

в знаниях, а структурно скрывает их, создавая неопределенность с помощью позитивных паттернов [20]. Феноменологически галлюцинации БЯМ схожи с форкклюзией / отвержением (Verwerfung): исключенные из символического означающие возвращаются в форме галлюцинаторного, непроверяемого контента. Р. Гил, в свою очередь, говорит о «(обычном) извращенном психозе ИИ», при котором дискурс Господина одновременно отказывается от своей пристрастности и подражает бесчеловечной объективности [21] (Табл. 1).

Дополнительное измерение Реального в контексте ИИ раскрывается через феномен зловещей долины. Когда нейронная сеть генерирует гиперреалистичное изображение лица, наблюдатель испытывает аффект как смешение влечения и отвращения. А. Слейтер проанализировал такие синтетические образы, показывающие, что бессознательное участвует в их интерпретации через структуру привычки и тревоги [22]. Этот аффект и есть наслаждение, то есть избыток удовольствия, впи-

Таблица 1
Структурные гомологии лакановских концептов и феноменов ИИ

Лакановский концепт	Феномен ИИ / LLM	Обоснование гомологии
Реальное (галлюцинация)	Галлюцинации LLM (некорректные факты, несуществующие ссылки)	Означающее без означаемого; возвращение вытесненного предела символизации
Jouissance	Компульсивное использование ИИ-компаньонов, феномен зловещей долины (uncanny valley)	Избыточное наслаждение, «удовольствие-страдание», не поддающееся символическому регулированию
Objet petit a	ИИ-агент как объект желания и фантазийная проекция	Причина желания, неустранимый остаток, который влечёт субъекта
Фантазм	Приписывание ИИ субъективности, перенос	Субъект выстраивает отношение к объекту через фантазийную матрицу
Синтом	Нарратив с ИИ (например, Replika, Character.ai) как скрепляющий элемент	Технологический синтом, компенсирующий развязанность одного из регистров

Источник: составлено авторами

санный в тело как реакция на столкновение с объектом (*petite a*). AI-изображение занимает здесь позицию объекта как причина желаний, как тот маленький кусочек Реального, который бросается в глаза и в то же время вызывает тревогу, обнажая пустоту за маской [23; 5]. Дж. Блэк и Й. Йохансен в статье «Предмет искусственного интеллекта» утверждают, что ChatGPT следует рассматривать как принципиально реляционный объект, созданный разработчиками и пользователями, и эта релятивность порождает специфическую форму социальности, анализируемую через дискурсы Лакана и отношения между аналитиком и анализируемым [18].

3. Виртуальная реальность

Виртуальная реальность – это технологическая среда, которая усиливает эффект воображаемого регистра. Помещая объект в полностью искусственное пространство восприятия, виртуальная гарнитура устраняет дистанцию между наблюдателем и изображением. Исследование «эффекта Протея» (англ. *Proteus effect*), при котором самовосприятие человека в реальности меняется под влиянием его цифрового аватара, подтвердило, что пользователей действительно можно идентифицировать не только по их реальной внешности, но и по аватару, переносящему их предполагаемые поведенческие характеристики из реальной жизни в виртуальное пространство [24]. В.М. Малкин описывает три стратегии конституирования виртуального субъекта, показывая, что стадия зеркала и регистр Воображаемого находят свои виртуальные аналоги в конфигурации аватара и нарциссической инвестиции в цифровой двойник [6].

Однако именно гипертрофия Воображаемого делает Виртуальную реальность особенно уязвимой для вторжения со стороны Реального. Ключевым явлением здесь является разрыв по-

гружения, то есть внезапная потеря виртуальной среды из-за технического сбоя, задержка рендеринга или столкновение с физическим препятствием.

Феноменологические исследования, проведенные М. Слейтером и М.В. Санчес-Вивес, показали, что аффективная реакция на разрыв погружения непропорциональна его технической причине: пользователи сообщают о тревоге, дезориентации и кратковременной потере чувства реальности [25]. Этот разрыв рассматривается как встреча с Реальностью, обнажение структурной пустоты, в которой соединяются Воображаемое и Символическое. Г. Кенни-сон проводит параллель между киберпространством и лакановскими тремя порядками, утверждающими, что цифровая среда основана на отсутствии и недостаточности, а не полноте [26] (Рис. 2).

Другим проявлением Реального в виртуальной реальности является некое «виртуальное» ПТСР. Эмоции в виртуальной среде могут вызывать навязчивые воспоминания и ночные кошмары, похожие на симптомы реальной психической травмы [25].

Это указывает на то, что Реальное не проводит различия между «реальным» и «виртуальным» в наивном смысле этого слова. Наслаждение записывается в теле напрямую, минуя символические рамки, которые пытаются ограничить опыт с пометкой, что это «просто игра». Сходную онтологическую позицию, но с противоположной аргументацией, развивает Дэвид Чалмерс, утверждая, что виртуальные миры являются полноценными реальностями, если они порождают подлинный опыт [28]. Однако лакановский анализ позволяет уточнить: дело не в онтологическом статусе среды, а в том, как наслаждение (*jouissance*) обходит символические запреты, делая виртуальную травму столь же реальной, как и физическая.

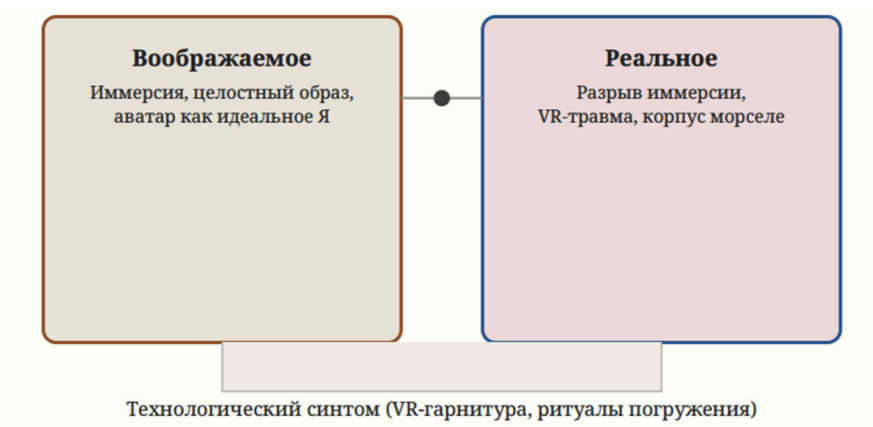

Рис. 2. Напряжение между Воображаемым и Реальным в виртуальной реальности: VR как синтоматическое звено¹

Источник: составлено авторами

4. Дополненная реальность (AR)

Дополненная реальность (AR – Augmented Reality) накладывает цифровое изображение на физическую реальность.

С точки зрения лакановской топологии, AR выполняет вмешательство Воображаемого регистра в Реальное, смешивая образ и вещь. Как подчеркивает Д. Чалмерс, AR-изображения вызывают непреодолимое чувство «флуктуации» или «мерцания», которое коренится в несоответствии между символическим знанием (это нереально) и перцептивной верой (я вижу это здесь) [27]. Этот феномен онтологической нестабильности есть структурный симптом (*le symptôme*), раскрывающий сконструированную природу самой «реальности» как следствие символического порядка. Технический дефект, известный как *bleed-through* (сквозное просвечивание), когда реальный объект просвечивает сквозь наложенный на него виртуальный слой, служит проявлением Реального. *Bleed-through* действует как технологический сим-

птом: он непроизвольно раскрывает то, что AR пытается скрыть невозможность бесшовного слияния Воображаемого и Реального пространств. Точно так же, как лакановский симптом (*le symptôme*) настаивает вопреки желанию субъекта к целостности, *bleed-through* возвращает нас к полной структурной невозможности поглощения Реального Воображаемым.

Л. Поссати в статье «Алгоритмическое бессознательное» переосмысливает лакановский психоанализ через антропологию науки Б. Латура, утверждая, что ИИ – это новый регистр идентификации, третий после Воображаемого и Символического, и AR реализует этот регистр в чистом виде [19]. Наиболее теоретически значимым следствием AR является преобразование пространственности объекта *a*. AR вписывает цифровой слой в горизонт восприятия: примечания, навигационные стрелки, названия объектов и персонализированные напоминания приводят к гипертрофии Символического в ущерб Реальному. Важным следствием является то, что AR создает «расширенное зеркало» – множественную движущуюся конфигурацию воображаемых образов, где пользователь может выбирать между

¹ Прим.: Корпус морселе (*le corps morcelé*) – психоаналитический термин Лакана, означающий «расчлененное/фрагментированное тело»

различными масками. Это соответствует описанию цифровой субъективности как «множественного Я» (Ш. Теркл) [29], но AR доводит эту множественность до предела восприятия. С. Бельтран Кальдерон в работе «Психоанализ техногенеза» вводит понятие «алгоритмического бессознательного», возникающего в результате взаимодействия объективированного коллективного сознания (наборов данных) и технопсихической передачи, при этом AR-среда является одной из основных форм проявления этого алгоритмического бессознательного [30].

**5. Сравнительный анализ
и модель цифрового зеркала**

Подводя итоги, мы можем предложить аналитическую модель «цифрового зеркала», систематизирующую специфику Воображаемого и конфигурацию Реальности в пространстве искусственного интеллекта, виртуальной реальности и дополненной реальности. Модель построена на основе четырех параметров: степень погружения

(от нуля до полного погружения), тип образной идентификации (зеркальный/проективный/множественный), символ универсальности (первичный/вторичный/технологический), конфигурация Другого (воображаемый/символический/машинный).

Системы искусственного интеллекта занимают положение «удаленных зеркал»: они не создают эффекта погружения, но они обеспечивают воображаемую идентификацию посредством лингвистического и визуального отражения. VR занимает положение «полного зеркала»: максимальное погружение производит «захват» Воображаемого, при котором Символическое временно «отключено». AR находится в положении «интервенционного зеркала»: Воображаемое не заменяет Реальное, а паразитирует на нем, периодически нарушая границы между ними (Табл. 2).

Проведенный анализ трех технологических областей позволяет нам выдвинуть общий тезис о природе цифровой субъективности.

Таблица 2
Конфигурации регистров в ИИ, VR и AR (сводная типология)

Измерение	Искусственный интеллект (LLM, генеративные сети)	Виртуальная реальность (VR)	Дополненная реальность (AR)
Доминирующий регистр	Символический (Большой Другой), Воображаемый (приписывание субъективности)	Воображаемый (тотальная иммерсия, аватар)	Гибридный / интервенция Воображаемого в Реальное
Манифестация Реального	Галлюцинации LLM, зловещая долина (uncanny valley)	Разрыв иммерсии, VR-травма	Bleed-through (просачивание), физический объект
Форма jouissance	Компульсивное использование ИИ-компаньонов	Запись аффекта в теле, эффект Протея	Тревога «мерцания» реального / виртуального
Objet petit a	ИИ-агент как объект желания и фантазийная проекция	Аватар как идеальное Я, двойник	AR-объект, вписанный в пространство желания
Синтоматическая (sinthomatic) функция	Нарратив с ИИ (Replika, Character.ai)	VR-ритуалы, практики погружения	AR-карта как «протез символизации»

Источник: составлено авторами

Субъект у Лакана конституируется через расщепление как результат вхождения в символический порядок, и отсутствие является его конститутивной чертой. БЯМ, будучи машиной, функционирующей исключительно в Символическом, лишена недостатка и наслаждения как телесного избытка, и поэтому не может быть субъектом в строгом лакановском смысле. Как доказывает И. Миллар в монографии «Психоанализ искусственного интеллекта», системы ИИ способны имитировать структурные роли аналитика или анализируемого исключительно в метафорическом смысле, поскольку алгоритмическая среда принципиально лишена измерений бессознательного и переноса [16]. «Галлюцинации» БЯМ это не признаки бессознательного, но симптомы отсутствия того реального барьера, который у человека порождает бессознательное как невозможное [20]. Этические последствия проведенного анализа связаны с тем фактом, что технологическая индустрия становится производителем и продавцом наслаждения (*jouissance*). Продукты с максимальным «вовлечением» (алгоритмически оптимизированные ленты, VR-игры, персонализированные ИИ-компаньоны) – это, по сути, машины для производства удовольствия, созданные для эксплуатации структурного дефицита субъекта [7; 29].

Обсуждение

Полученные результаты позволяют нам сформулировать психоаналитически аргументированный ответ на вопрос о возможности "сознательного" ИИ. Субъект Лакана конституируется через расщепление как результат вхождения в символический порядок, и нехватка является его конститутивной чертой. LLM, будучи машиной, функционирующей исключительно в Символическом плане, лишена и нехватки, и наслаждения как телесного избытка, и поэтому не могут быть субъек-

ектом в строгом лакановском смысле. "Галлюцинации" LLM не являются признаками бессознательного. Скорее они являются симптомами отсутствия того реального барьера, который у человека порождает бессознательное как непредставимое и невообразимое [20].

Эта позиция переключается с классической аргументацией Хьюберта Дрейфуса, который ещё в 1972 году показал, что формальные системы неспособны воспроизвести человеческое понимание именно из-за отсутствия телесной вовлечённости и фонового контекста [30]. Психоаналитический подход дополняет этот тезис указанием на структурную роль *jouissance* и *objet petit a*, которые не могут быть эмулированы символической машиной.

Технологическая индустрия в нашем обществе стала производителем и продавцом наслаждения. Продукты с максимальной «вовлеченностью» (алгоритмически оптимизированные каналы, VR-игры, персонализированные спутники с искусственным интеллектом – это, по сути, машины для производства удовольствий, созданные для использования структурного дефицита субъекта [7, 29] Психоаналитическая теория предлагает здесь не этическую критику и моральное осуждение технологий, а скорее объяснение внутренних механизмов их работы. Любое наслаждение неизбежно связано с субъективностью. Вопрос в том, какие конкретные формы наслаждения создаются конкретными технологиями и какие это имеет социальные и клинические последствия в конечном счете.

Заключение

Проведенное исследование позволяет нам сделать несколько выводов. Во-первых, понятия Реального и Воображаемого имеют объяснительную силу по отношению к таким явлениям, как генеративный искусственный интеллект, виртуальная и дополненная реальность. Галлюцинации языковых

шаблонов или перерывы в погружении в виртуальную реальность – это структурные проявления невозможности полной символизации.

Цифровые технологии функционируют как специфические формы технологического синтома, как четвертое звено, связывающее Борромееанское кольцо субъективности в контексте ослабления традиционных форм регулирования через символическое и воображаемое.

Взаимодействие с ИИ, виртуальной реальностью и AR воспроизводит основные механизмы стадии зеркала, включая нарциссическую идентифика-

цию и конститутивную агрессивность по отношению к цифровому двойнику.

Таким образом, лакановский анализ дает хорошо аргументированный ответ на вопрос о пределах субъективности ИИ: LLM и другие модели не могут быть субъектами.

Перспективы дальнейших исследований скорее всего должны быть сфокусированы на разработке этических стандартов проектирования и функционирования систем искусственного интеллекта, и связанных с ними VR-сред и AR-интерфейсов, с учетом их принципиальной не-субъектности.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest. The authors declare no conflicts of interest.

Список литературы / References

1. Lacan J. *Écrits*. Paris: Éditions du Seuil; 1966. 912 p.
2. Lacan J. *Le séminaire. Livre XI. Les quatre concepts fondamentaux de la psychanalyse*. Paris: Éditions du Seuil; 1973. 256 p.
3. Lacan J. *Le séminaire. Livre XXIII. Le sinthome*. Paris: Éditions du Seuil; 2005. 320 p.
4. Miller J.-A. Lacanian Biology and the Event of the Body. *Lacanian Ink*. 2011;(18):6–29.
5. Žižek S. *The Sublime Object of Ideology*. London: Verso; 1989. 272 p.
6. Малкин В.М. Виртуальный образ: о любви к нарциссическому объекту. *Ученые записки Крымского федерального университета. Серия: Социология. Педагогика. Психология*. 2016;2(68)(2):93–100.
7. Malkin V.M. Virtual image: on love for a narcissistic object. *Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Sociology. Pedagogy. Psychology*. 2016;2(68)(2):93–100. (In Russ.)
8. Мерзенина А. Коммуникативный декаданс. Смертельные эффекты гедонизма в пространстве семиокапитализма и гиперреализма. *Логос*. 2025;35(2):73–102. DOI: 10.17323/0869-5377-2025-2-73-99.
9. Merzenina A. Communicative decadence. Deadly effects of hedonism in the space of semiocapitalism and hyperrealism. *Logos*. 2025;35(2):73–102. DOI: 10.17323/0869-5377-2025-2-73-99. (In Russ.)
10. Copjec J. *Read My Desire: Lacan Against the Historicists*. Cambridge: MIT Press; 1994. 288 p.
11. Жеребин А.И. Лакан и современная психоаналитическая теория субъекта. *Философский журнал*. 2022;15(2):77–94. DOI: 10.21146/2072-0726-2022-15-2-77-94.
12. Zherebin A.I. Lacan and the contemporary psychoanalytic theory of the subject. *Philosophy Journal*. 2022;15(2):77–94. DOI: 10.21146/2072-0726-2022-15-2-77-94. (In Russ.)
13. Мазин В.А. Стадия зеркала Жака Лакана. СПб: Алетея; 2010. 152 с.
14. Mazin V.A. *Jacques Lacan's Mirror Stage*. St. Petersburg: Aletheia; 2010. 152 p. (In Russ.)
15. Lacan J. *Le séminaire. Livre XX. Encore*. Paris: Éditions du Seuil; 1975. 160 p.
16. Lacan J. *The Four Fundamental Concepts of Psychoanalysis*. New York: W.W. Norton; 1998. 304 p.
17. Žižek S. *Less Than Nothing: Hegel and the Shadow of Dialectical Materialism*. London: Verso; 2012. 1056 p.
18. Floridi L. *The Logic of Information*. Oxford: Oxford University Press; 2019. 288 p.

15. Black J. *The Psychosis of Race: A Lacanian Approach to Racism and Racialization*. London: Routledge; 2023. 204 p.
16. Millar I. *The Psychoanalysis of Artificial Intelligence*. Cham: Palgrave Macmillan; 2021. 264 p.
17. Johanssen J. *Psychoanalysis and Digital Culture: Audiences, Social Media, and Big Data*. London: Routledge; 2019. 192 p.
18. Black J., Johanssen J. The Subject of AI: A Psychoanalytic Intervention. *Theory, Culture & Society*. 2025;(2(43)):59-76. DOI: 10.1177/02632764251321088.
19. Possati L. Algorithmic Unconscious: Why Psychoanalysis Helps in Understanding AI. *AI & Society*. 2020. DOI: 10.1007/s00146-020-00995-z.
20. Heimann M., Hübener A.-F. The Extimate Core of Understanding: Absolute Metaphors, Psychosis and Large Language Models. *AI & Society*. 2025;40:1265–1276. DOI: 10.1007/s00146-024-01971-7.
21. Geal R. A Large Language Model is Structured Like The Unconscious: The (Ordinary) Perverse Psychosis of AI. *European Journal of Psychoanalysis*. 2025;13(1):1–20.
22. Slater A. Critical Response IV: This Photo Does Not Exist: Generativity and the AI Gaze. *Critical Inquiry*. 2025;51(2):416–422. DOI: 10.1086/732925.
23. Benjamin G. Appearance, Absence, Art: The Objet A-vatar. In: *Handbook of Research on Digital Media and Creative Technologies*. IGI Global; 2015. p. 102–123.
24. Yee N., Bailenson J. The Proteus Effect. *Human Communication Research*. 2007;33(3):271–290.
25. Slater M., Sanchez-Vives M.V. Enhancing our lives with immersive virtual reality. *Frontiers in Robotics and AI*. 2016;3:Art. 74.
26. Kennison G. *The Sublime Object of Digitality: Psychoanalysis and Cyberspace*. UVM ScholarWorks; 2022.
27. Chalmers D.J. *Reality+: Virtual Worlds and the Problems of Philosophy*. New York: W.W. Norton; 2022. 544 p.
28. Turkle S. *Alone Together: Why We Expect More from Technology and Less from Each Other*. New York: Basic Books; 2011. 384 p.
19. Stiegler B. *For a New Critique of Political Economy*. Cambridge: Polity Press; 2010. 200 p.
30. Dreyfus H.L. *What Computers Can't Do: A Critique of Artificial Reason*. New York: Harper & Row; 1972. 259 p.

Информация об авторах

Рубцова Анна Васильевна, соискатель, Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения (Санкт-Петербург). AuthorID: 1126495, SPIN-код: 5596-6129, Researcher ID: ABC-2496-2021, ORCID: 0000-0001-6881-7760; e-mail: anna.rubtcova@bk.ru

Павенков Олег Владимирович, PhD in Theology (Италия), кандидат философских наук (Россия), доцент Университета Альянса г. Бангалор (Индия). AuthorID: 751924, SPIN-код: 3593-1123, Researcher ID: G-9460-2017, ORCID: 0000-0002-1142-3389; e-mail: infosoc333@gmail.com

Information about the authors

Anna V. Rubtcova, applicant for a Candidate of Sciences degree, St. Petersburg State Institute of Cinema and Television (St. Petersburg). AuthorID: 1126495, SPIN-code: 5596-6129, Researcher ID: ABC-2496-2021, ORCID: 0000-0001-6881-7760; e-mail: anna.rubtcova@bk.ru

Oleg V. Pavencov, PhD in Theology (Italy), Cand. Sci. (Philosophy) (Russia), Associate Professor, Alliance University, Bangalore (India). AuthorID: 751924, SPIN-code: 3593-1123, Researcher ID: G-9460-2017, ORCID: 0000-0002-1142-3389; e-mail: infosoc333@gmail.com

Поступила в редакцию 15.06.2026
Принята после рецензирования 25.07.2026
Принята к публикации 01.09.2026

Received June 15, 2026
Revised July 25, 2026
Accepted September 1, 2026

Научная статья

Research article

УДК 316.62

<https://doi.org/10.26907/2079-5912.2026.3.111-121>

© 2026 г.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

Презумпция генерации: нейросетевая паранойя и кризис доверия к политическому контенту

Скипин Н.С.

*Институт научной информации по общественным наукам РАН,
117418, Нахимовский проспект, д. 51/21, г. Москва, Российская Федерация*

Аннотация. Стабильное развитие больших языковых моделей в последние годы привело к увеличению количества контента, в том числе политического, сгенерированного такими инструментами. Обилие такого сгенерированного, или проще говоря – нейросетевого контента привело к тому, что практически любой контент потребитель подозревает в генеративном происхождении. Поэтому автор в статье вводит понятие «нейросетевая паранойя» для описания режима такого подозрения, при котором нейросетевое авторство контента трактуется как объяснение по умолчанию и вытесняет презумпцию человеческого авторства. Предпринимается попытка показать, что данный режим отличается от технофобии, поскольку его фокус связан с установлением происхождения контента и условиями публичной ответственности. В контексте политического дискурса предлагается типология проявлений нейросетевой паранойи, которая включает эвристическую, обвинительно-полемическую, конспирологическую, нормативно-регулятивную и рефлексивно-оборонительную формы. Анализируются риски делегитимации высказываний, размывания ответственности и монополизации инфраструктур, отвечающих за доверие, а также обсуждаются способы их смягчения через процедурную прозрачность и логическое разделение истинности содержания и способа происхождения контента. Работа носит концептуально-аналитический характер и опирается на элементы дискурс-анализа и интерпретацию типичных кейсов цифровой коммуникации.

Ключевые слова: нейросетевая паранойя, нейросети, подозрение, авторство, легитимация, доверие

Для цитирования: Скипин Н.С. Презумпция генерации: нейросетевая паранойя и кризис доверия к политическому контенту. *Казанский социально-гуманитарный вестник*. 2026;3(74):111–121.

Presumption of generation: neural network paranoia and the crisis of trust in political content

Skipin N.S.

*Institute of Scientific Information for Social Sciences RAS,
117418, Nakhimovsky Prospekt, 51/21, Moscow, Russian Federation*

Abstract. The steady development of large language models in recent years has led to an increase in the amount of content, including political content, generated by such tools. The abundance of such generated, or more simply, neural network content has led consumers to suspect virtually any content of generative origin. Therefore, the author introduces the concept of "neural network paranoia" to describe this mode of suspicion, in which neural network authorship of content is treated as the default explanation and displaces the presumption of human authorship. An attempt is made to demonstrate that this mode differs from technophobia, as its focus is on establishing the origin of content and the conditions of public accountability. In the context of political discourse, a typology of neural network paranoia manifestations is proposed, which includes heuristic, accusatory-polemic, conspiratorial, normative-regulatory, and reflexive-defensive forms. The risks of delegitimization of speech, erosion of responsibility, and monopolization of trust infrastructures are analyzed, and ways to mitigate them through procedural transparency and the logical separation of the truth of content from its origin are discussed. This work is conceptual and analytical in nature, drawing on elements of discourse analysis and the interpretation of typical digital communication cases.

Keywords: neural network paranoia, neural networks, suspicion, authorship, legitimation, trust

For citation: Skipin N.S. Presumption of generation: neural network paranoia and the crisis of trust in political content. *The Kazan Socially-Humanitarian Bulletin*. 2026;3(74):111–121. (In Russ.)

Введение

Распространение генеративных нейросетевых инструментов изменило не только объем и скорость производства цифрового контента, но и сами условия его восприятия и легитимации. Современные языковые модели позволяют создавать тексты, имитирующие стилистические и содержательные особенности журналистских материалов. Экспериментальные исследования показывают, что аудитория зачастую не способна уверенно отличить такие тексты от созданных человеком (РБК-1). В частности, искусственно сгенерированные новостные сообщения могут восприниматься как сопоставимые по достоверности с журналистскими пу-

бликациями [1], а суждения об авторстве текста нередко основываются на неточных и потенциально манипулируемых эвристических признаках [2].

Аналогичная проблема возникает при восприятии визуального и аудиовизуального контента. Получатели информации не всегда надежно распознают дипфейки и при этом склонны переоценивать собственную способность к их обнаружению [3]. Поэтому расширение возможностей генерации сопровождается ростом значения процедур фактчекинга, установления первоисточника и проверки обстоятельств создания сообщения. В отечественных исследованиях фактчекинга фрагменты, созданные искусственным интел-

лектом, уже рассматриваются как новый объект верификации, требующий учета не только достоверности отдельных сведений, но и технологической специфики производства контента [4].

Политические последствия этой трансформации не сводятся к распространению заведомо ложных сообщений. Экспериментальные данные показывают, что политические дипфейки способны порождать неопределенность относительно истинности увиденного и тем самым снижать доверие к новостям в социальных медиа, даже если аудитория не принимает ложное сообщение за достоверное [5]. Более того, само знание о существовании технологий генерации может переносить подозрение на подлинные материалы. Анализ дискуссий о дипфейках в контексте российско-украинского конфликта показал, что пользователи обозначали как дипфейки реальные видеозаписи, при этом использовали указание на нейросетевое происхождение контента в качестве универсального аргумента дискредитации и включали его в конспирологические объяснения событий [6]. Таким образом, политически значимым становится не только риск принятия искусственного контента за подлинный, но и обратный риск – отказ признавать подлинным контент, созданный человеком.

Существующие исследования рассматривают преимущественно технологии генерации и обнаружения дипфейков, их способность вводить аудиторию в заблуждение, влияние сгенерированных материалов на доверие, а также возможные регулятивные ответы [7]. Вместе с тем недостаточно концептуализирована ситуация, при которой гипотеза о нейросетевом происхождении контента превращается в объяснение по умолчанию и начинает вытеснять анализ содержания сообщения. В этом случае происхождение контента становится самостоятельным предметом политической

интерпретации, а подозрение в использовании нейросети – средством делегитимации автора, института или публичного высказывания.

Для обозначения такого когнитивно-дискурсивного режима в настоящей статье предлагается понятие «нейросетевая паранойя». Цель исследования заключается в его концептуализации и выявлении основных форм проявления в политическом дискурсе.

Материалы и методы

Работа носит концептуально-аналитический характер и сочетает методы концептуального анализа и качественного дискурс-анализа. Материал исследования составили пять публично зафиксированных кейсов 2023–2026 годов, связанных с использованием генеративных нейросетей в политической коммуникации либо с публичным приписыванием политическому контенту нейросетевого происхождения. Кейсы отбирались целенаправленно по следующим критериям: политическая релевантность сообщения; наличие явного указания на предполагаемое или подтвержденное участие нейросетевых инструментов; возможность установить источник и контекст публикации; различие выполняемых подозрением дискурсивных функций. Единицей анализа выступало публичное высказывание о происхождении контента в совокупности с сопровождающим его медийным описанием. Кейсы сопоставлялись по четырем параметрам: объект подозрения, форма приписывания нейросетевого происхождения, способ аргументации и политическая функция высказывания. Выборка имеет иллюстративный, а не статистически репрезентативный характер: ее назначение состоит в построении концептуальной типологии, требующей последующей проверки на расширенном эмпирическом материале.

Прежде необходимо провести методологическое разграничение, т.к. в рамках используемого политико-психологического подхода паранойя рассматривается не как клинический диагноз или форма патологии – автор не обладает необходимой врачебной компетенцией для этого. В данном исследовании «паранойя» является устойчивой формой интерпретации социальной реальности, которая основана на повышенном подозрении, недоверии. При этом необходимо провести еще одну границу – между паранойей и фобией в контексте данного подхода. Так, фобия (опять же в политико-психологическом подходе) описывает преимущественно аффективную реакцию на объект, который воспринимается как опасный, а структура фобии обычно ориентирована на избегание или на защитное дистанцирование (или неучастие [8]). В случае же паранойи первичным является не столько страх как эмоция, сколько интерпретационная установка: стремление реконструировать скрытое происхождение, намерение и субъект действия. Так, емко паранойю можно определить как «всеобъемлющее и необоснованное недоверие к другим» (a pervasive and unwarranted mistrust of others) [9]. Если фобия фиксируется на объекте угрозы и заставляет минимизировать контакт с ним, то паранойя фиксируется на объяснении и стремится развернуть картину скрытых причин, связей и авторства.

Требуется также учитывать эпистемический аспект – фобия может существовать без развитой доказательной схемы, не иметь рациональной (или квазирациональной) системы объяснения страха, тогда как паранойя, как правило, воспроизводит именно схему аргументации, где подозрение становится основанием интерпретации новых случаев. Для нее характерны, во-первых, расширительная атрибуция (в смысле установления скрытого

автора) или «глубинной» причинности (тенденция объяснять неоднозначные явления действием внешнего агента). Во-вторых, приписывание намеренности там, где возможны альтернативные объяснения (случайность, институциональная аффилиация авторов контента, жанровая стандартизация и пр.). В-третьих, самоподдерживаемость аргументации – подозрение часто легче сформулировать, чем опровергнуть. В дискурсивном измерении паранойя проявляется как особый стиль объяснения. В нем критерием убедительности является не верифицируемость утверждения, а его согласованность с исходной установкой на подозрение. В таком виде паранойю можно охарактеризовать как устойчивую логическую конфигурацию, через которую интерпретируются контент, события и действия акторов.

Следует также заметить, что в данном исследовании нейросетевая паранойя не сводится к техно-паранойе и ИИ-паранойе. Техно-паранойя в общем виде фокусируется на технологии как на факторе скрытого контроля, принуждения или подмены человеческой автономии, то есть на технологии как на источнике политически значимого воздействия. ИИ-паранойя, в свою очередь, обычно охватывает более широкий спектр недоверия и страха, которые связаны с искусственным интеллектом как возможной автономной силой, способной замещать человека, управлять поведением, принимать решения или формировать повестку.

Нейросетевая паранойя имеет иной предметный фокус в сравнении с техно- и ИИ-паранойей. Ее объектом является нейросетевое авторство контента как основной аргумент объяснения происхождения контента. Здесь ключевой аспект формулируется как восприятие источника контента – кто выступает автором, можно ли надежно установить происхождение и каковы последствия этого для доверия к пу-

бличной коммуникации. По этой причине нейросетевая паранойя может воспроизводиться и при отсутствии общей технофобной установки. Наблюдатель может не разделять негативной оценки нейросетей как инструмента и, тем не менее, систематически приписывать нейросетевое происхождение значительной части контента.

Поэтому под «нейросетевой паранойей» далее предлагается понимать когнитивно-дискурсивный режим подозрения, в рамках которого нейросетевое происхождение контента трактуется как единственное возможное, что вытесняет презумпцию традиционной (естественной) формы создания контента. При этом стилевые признаки превращаются в индикаторы авторства, а опровержение подозрения затрудняется отсутствием данных о производстве контента или недостаточным доверием к источнику. Нейросетевая паранойя фиксирует современную ситуацию в понимании происхождения контента, в которой авторство и момент создания становятся базовой проблемой публичной коммуникации и ключевым условием легитимации политического высказывания.

Результаты

После концептуализации понятия приведем возможную типологию проявлений нейросетевой паранойи в политическом дискурсе на основании конкретных кейсов. Для этого целесообразно опереться на четыре признака: что именно становится объектом подозрения, каким образом формулируется само приписывание нейросетевого происхождения контента, на чем строится аргументация и какую политическую роль выполняет такое высказывание. В первом случае подозрение может быть направлено на отдельный текст, канал коммуникации или социальный институт, производящий сообщения. Во втором – оно может иметь характер предположения,

обвинения или нормативного суждения. В третьем случае значение имеют способы обоснования, такие как ссылка на стилевые признаки, апелляция к процедурным подтверждениям или конспирологическое достраивание «недостающих звеньев». Наконец, в политическом плане подобные высказывания могут использоваться для делегитимации, мобилизации, оправдания регулирования или переноса ответственности. Исходя из этого, далее можно выделить несколько основных типов проявления нейросетевой паранойи в политическом дискурсе.

Первый тип – **эвристическая атрибуция нейросетевого авторства**. В данном случае подозрение является быстрым и наиболее простым способом классификации контента. Нейросетевое происхождение предполагается преимущественно по стилевым и жанровым признакам: стандартизированная композиция, повторяемые связки, отсутствие индивидуализирующих маркеров, риторическая «ровность». Для этого типа характерно, что атрибуция не обязательно сопровождается тезисом о политическом умысле, или «автор» нейросетевого контента сам заявляет, что использовал инструменты ИИ при его создании (BG). В политическом дискурсе данный тип наиболее заметен в социальных сетях, в комментариях к новостям, а также в медиаобсуждениях, где подозрение в генерации выступает заменой содержательной критики стиля и жанровой стандартизации. Политическое следствие здесь состоит в постепенной нормализации сомнения как базовой установки по отношению к контенту, то есть в расширении реакции недоверия без прямого конфликта вокруг конкретного актора.

Второй тип – **обвинительно-полемическая атрибуция**. Здесь нейросетевое авторство используется как инструмент делегитимации и дискредитации субъекта высказывания

(РБК-2). Атрибуция нейросетевого происхождения приобретает характер обвинения, поскольку связывается с предположением о несамостоятельности, отсутствии компетенции, имитации реальной работы по созданию контента или уходе от ответственности. Для данного типа характерно смещение центра критики, т.к. обсуждение аргументов заменяется указанием на якобы недопустимое происхождение контента. В политическом дискурсе этот тип проявляется как в социальных сетях, так и в других сетевых форматах, где полемика строится вокруг авторства и «подлинности» речи политического оппонента, а также в экспертных комментариях, когда критика аргумента подменяется критикой происхождения контента как такового. Политический эффект состоит в том, что нейросетевое подозрение становится самостоятельным приемом борьбы, формируя новую стратегию делегитимации контента, не требующую развернутого опровержения содержания.

Третий тип – **конспирологическое объяснение и достраивание «неопределенного»**. В данном случае нейросетевое авторство не является конечной точкой объяснения, а используется как промежуточное звено для вывода о скрытом «заказчике», координации и внешнем управлении (Телеграф). Логика аргументации в данном случае может быть такой, что если контент сгенерирован, значит, есть субъект, задающий параметры и сценарии, следовательно, публичная речь является производной от «скрытого центра» или актора. Для этого типа характерны обобщения, перенос подозрения с конкретного контента на каналы и социальные институты, а также включение нейросетевой генерации в более широкие нарративы о манипуляции и управляемости публичной сферы. В политическом дискурсе конспирологический тип чаще проявляется в сегментах медиаиндустрии и социаль-

ных сетей, однако он может проникать и в экспертные обсуждения в форме гипотез о «скриптах» и «единых методичках», которые теперь получают технологическое обоснование через ссылку на генеративные инструменты. Политическое следствие заключается в усилении недоверия [10] к институтам публичной коммуникации и в сдвиге к интерпретациям, где авторство и субъектность систематически подменяются режиссированием политических процессов и высказываний.

Четвертый тип – **нормативно-регулятивная артикуляция нейросетевой паранойи**. Здесь презумпция генерации перерабатывается в язык норм и правил, то есть приобретает институциональную форму. Объектом становятся не отдельный контент, а способы обращения с ним: маркировка, ответственность за публикацию, требования к подтверждению источника, допустимость нейросетевой обработки в официальной и экспертной коммуникации (Коммерсантъ). В отличие от обвинительно-полемиического типа, нормативно-регулятивный не обязательно носит конфронтационный характер по отношению к конкретному политическому субъекту. Он ориентирован на нормализацию и на установление процедур, которые должны снизить неопределенность авторства. В политическом дискурсе этот тип проявляется в публичных позициях политиков и государственных акторов, в обсуждении правил для медиа-платформ, а также в экспертных комментариях, где нейросетевое подозрение переводится в плоскость институциональных решений. Политический эффект выражается в усилении процедурного измерения легитимности – подлинность и авторство начинают рассматриваться как предмет регулирования.

Пятый тип – **рефлексивно-оборонительная артикуляция**. В данном случае акторы публичной политики и эксперты учитывают презумпцию ге-

нерации и заранее встраивают в коммуникацию элементы, призванные нейтрализовать подозрение в нейросетевом авторстве. Это проявляется в подчеркнутой демонстрации процесса производства контента, в акцентировании человеческого участия как основания доверия, как в кейсе с поздравлением Президента РФ, когда «черновой» необработанный материал был выложен, вероятно, чтобы показать реальное происхождение данного контента (РИА). В политическом дискурсе данный тип возможен в заявлениях политиков, в публичном описании процедур подготовки и публикации, в демонстрации «живых» форматов. В экспертных комментариях он проявляется как предварительное оговаривание статуса контента и условий его производства. Политическое значение этого типа состоит в том, что нейросетевая паранойя начинает влиять на стратегию создания публичного высказывания. В таком случае актер вынужден не только производить контент, но и предъявлять условия, при которых этот контент должен считаться «подлинным».

Такая типология позволяет зафиксировать, что нейросетевая паранойя в политическом дискурсе не является однородной. При этом один и тот же эпизод может включать элементы нескольких типов.

Обсуждение

Рассмотрение способов нивелирования существующих рисков, связанных с нейросетевой паранойей, требует создания условий ограничения подозрения и снижения его деструктивных последствий для публичной коммуникации, институциональной легитимности и распределения ответственности. В этом смысле корректнее говорить о «смягчении» рисков как о стабилизации доверия и подлинности, а не как о «борьбе» с мнениями или эмоциями аудитории контента.

На уровне дискурсивных практик центральным источником риска является превращение презумпции нейросетевой генерации в универсальную схему интерпретации происхождения контента, вытесняющую анализ его содержания. В таких условиях вопрос происхождения становится самоценным аргументом, а стилевые признаки начинают функционировать как доказательство нейросетевого происхождения контента. Смягчение этого риска связано с нормализацией различий, которые в публичной дискуссии часто оказываются стертыми. Прежде всего требуется объяснительная работа по разделению способа происхождения контента и его истинности содержания. Нейросетевое авторство не является логическим основанием для вывода о недостоверности, так же как человеческое авторство не гарантирует истинности. Когда это различие удерживается, подозрение перестает автоматически превращаться в делегитимирующий аргумент и возвращает критику в плоскость смыслов содержания, аргументации и последствий, а не в плоскость стилистического распознавания.

В рамках политического дискурса значимое место занимает конспирологическое достраивание. Смягчение этого риска связано с требованием разрыва автоматической логической цепочки между генерацией и координацией. Для политологического анализа здесь существенную роль может сыграть методологическая норма, согласно которой факт использования инструмента не является достаточным доказательством централизованного контроля. Это не отменяет возможности политического заказа, но требует отдельной доказательной работы, которую нельзя заменить ссылкой на стилистические признаки или на саму возможность генерации.

Критическим элементом процедурного уровня является понятная

демаркация форм участия нейросетевых инструментов в производстве контента. Нейросети применяются для генерации, редактирования, перевода и стилистической обработки. Именно эта неоднородность практик подпитывает недоверие к контенту, который имеет нейросетевые следы производства. Если авторы не разделяют способы использования инструмента и не артикулируют их, то аудитория получает стимул интерпретировать любой стандартизированный контент как полностью сгенерированный. Проговаривание, как именно использовалась нейросеть – создает условия для снижения подозрения и уменьшает вероятность того, что любой случай обработки будет восприниматься как подмена авторства. При этом речь идет не о запрете использования инструмента. Необходимо фиксировать границы ответственности, четко проговаривая, кто отвечает за смысловое содержание и за окончательную редакцию, как устроен процесс подготовки, каковы правила публикации и т.д.

Смягчение рисков необходимо рассматривать и применительно к экспертному полю, поскольку здесь нейросетевая паранойя может подрывать саму структуру публичной аргументации. Если подозрение в нейросетевом происхождении превращается в универсальный критерий оценки, экспертность начинает определяться не воспроизводимостью аргумента и не качеством источниковой базы, а возможностью предъявить символическое подтверждение «человеческого участия». Более устойчивой альтернативой является усиление тех характеристик экспертного контента, которые делают его верифицируемым, проверяемым независимо от предположений об авторстве (ссылки на свежие новости, первоисточники и пр.). В таком случае даже при наличии подозрения критика возвращается к проверяемо-

сти и к содержательным основаниям, а не к стилистической идентификации.

Нормативно-регулятивная артикуляция нейросетевой паранойи формирует запрос на маркировку контента, но сама маркировка способна либо снижать неопределенность, либо усиливать стигматизацию и тем самым подпитывать подозрение. Поэтому смягчающий эффект маркировки возможен только при нейтральности формулировок и при классификации способов использования нейросетевых инструментов. В противном случае любая маркировка будет прочитываться как признание не-аутентичности, что усиливает делегитимирующую силу подозрения. Требуется учитывать тот факт, что маркировка не должна интерпретироваться как механизм оценки содержания, оставаясь в рамках ответственности автора. Если маркировка начинает выполнять функцию санкции – она становится инструментом политической борьбы и усиливает конфликты вокруг авторства.

Заключение

В условиях неопределенности происхождения контента перестает быть фоновой характеристикой и превращается в самостоятельный критерий его легитимности. Вопрос о том, кто или что создало высказывание, начинает предшествовать вопросу о его содержании. Возникает принципиальная асимметрия: подозрение в нейросетевом происхождении формулируется легко, тогда как его опровержение требует доступа к процессу создания контента и зачастую не может быть безусловным. Тем самым бремя доказательства постепенно переносится на автора, который должен подтверждать не только обоснованность своей позиции, но и сам факт человеческого участия в ее формулировании. Подобный сдвиг делает делегитимацию публичного высказывания сравнительно де-

шевым и многократно воспроизводимым приемом политической борьбы.

Можно предположить, что данная проблема не может быть решена исключительно совершенствованием средств автоматического распознавания. Даже технически надежный инструмент не устраняет интерпретационную установку на подозрение, поскольку она обращена не только к фактическому происхождению контента, но и к предполагаемым намерениям, связям и формам ответственности его создателя. Более того, инфраструктуры удостоверения происхождения сами способны становиться источником политического неравенства. Субъекты, обладающие доступом к сертифицированным платформам и средствам фиксации процесса производства, могут получать преимущество в подтверждении подлинности, тогда как отсутствие подобного подтверждения может начать восприниматься как свидетельство недостоверности. В результате техническая процедура рискует превратиться в механизм распределения права на публичное доверие.

Поэтому перспективная модель регулирования должна исходить не из бинарного разделения контента на «человеческий» и «нейросетевой», а из признания множественности форм участия искусственного интеллекта. Генерация, редактирование, перевод, обработка изображения и техническая помощь предполагают различную степень вмешательства и не могут обозначаться одной универсальной мар-

кировкой. Такая маркировка должна сообщать о способе производства, но не выполнять функцию оценки истинности и не освобождать конкретного субъекта от ответственности за опубликованный материал. Одновременно процедуры подтверждения происхождения должны оставаться оспоримыми, нецентрализованными и доступными различным участникам публичной коммуникации.

Устойчивый ответ на нейросетевую паранойю предполагает последовательное разделение трех вопросов: «истинно ли содержание», «каким способом создан контент» и «кто несет ответственность за его публикацию». Человеческое происхождение само по себе не гарантирует достоверности, а использование нейросетевого инструмента не отменяет возможности содержательно обоснованного высказывания. Поэтому восстановление прежней определенности авторства представляется малореалистичной задачей. Более продуктивной целью становится создание таких процедур коммуникации, при которых неизбежная неопределенность происхождения не разрушает возможность проверки, аргументированного несогласия и установления ответственности. В этом смысле нейросетевая паранойя выступает индикатором перехода от доверия, основанного на предполагаемой идентичности автора, к доверию, основанному на прозрачности и проверяемости процедур.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest. The author declares no conflict of interests.

Источники

РБК-1 – Почти 80% участников исследования не отличили ИИ-контент от реального. *РБК*. 13 февраля 2026 г. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/698e2cb79a7947e408795241> (дата обращения: 28.02.2026)

BG – Massachusetts lawmaker asked ChatGPT to write his floor speech. *The Boston Globe*. 25 января 2023 г. URL: <https://www.bostonglobe.com/2023/01/25/nation/massachusetts-lawmaker-asked-chatgpt-write-his-floor-speech/> (дата обращения: 28.02.2026)

РБК-2 – В Госдуме опровергли использование ИИ при написании законопроекта. *РБК*. 24 января 2026 г. URL: <https://www.rbc.ru/politics/24/01/2026/6974a9969a7947c33526548f> (дата обращения: 28.02.2026)

Телеграф – На новогоднем поздравлении был не настоящий Путин? Ис-

кусственный разум разобрал видео и дал ответ. *Телеграф*. 1 января 2026 г. URL: <https://news.telegraf.com.ua/novosti-rossii/2026-01-01/5929514-na-novorichnomu-privitanni-buv-ne-spravzhniy-putin-shtuchniy-rozum-rozibrav-video-ta-dav-vidpovid> (дата обращения: 28.02.2026)

Коммерсантъ – ИИ-контент ждет маркировка: как ГД предлагает защищать пользователей от фейков. *Коммерсантъ*. 15 ноября 2025 г. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8209716> (дата обращения: 28.02.2026)

РИА – Неотредактированное обращение Путина к 8 Марта опубликовали по ошибке. *РИА Новости*. 9 марта 2026 г. URL: <https://ria.ru/20260309/kreml-2079525765.html> (дата обращения: 09.03.2026)

Список литературы / References

1. Kreps S, McCain RM, Brundage M. All the News That's Fit to Fabricate: AI-Generated Text as a Tool of Media Misinformation. *Journal of Experimental Political Science*. 2022;9(1):104-117. DOI: 10.1017/XPS.2020.37

2. Jakesch M., Hancock J.T., Naaman M. Human heuristics for AI-generated language are flawed. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2023;120(11). DOI: 10.1073/pnas.2208839120

3. Köbis N.C., Doležalová B., Soraperra I. Fooled twice: People cannot detect deepfakes but think they can. *iScience*. 2021;24(11):103364. DOI: 10.1016/j.isci.2021.103364

4. Манскова Е.А. Фактчекинг научно-популярного контента: типы недостоверной информации и проблемы верификации. *Медиаскоп*. 2024;4.

Manskova E.A. Fact-checking in popular science media discourse: types of unreliable information and verification difficulties. *Mediascope*. 2024;4. (In Russ.)

5. Vaccari C., Chadwick A. Deepfakes and disinformation: Exploring the impact of synthetic political video on deception,

uncertainty, and trust in news. *Social Media + Society*. 2020;6(1):1–13. DOI: 10.1177/2056305120903408

6. Twomey J., Ching D., Aylett M.P., Quayle M., Linehan C., Murphy G. Do deepfake videos undermine our epistemic trust? A thematic analysis of tweets that discuss deepfakes in the Russian invasion of Ukraine. *PLOS ONE*. 2023;18(10). DOI: 10.1371/journal.pone.0291668

7. Birrer A., Just N. What we know and don't know about deepfakes: An investigation into the state of the research and regulatory landscape. *New Media & Society*. 2025;27(12):6819–6838. DOI: 10.1177/14614448241253138

8. Соколов А.В., Бабаджанян П.А. Цифровое неучастие студенческой молодежи. *PolitBook*. 2025;3:76–89. DOI: 10.24412/2227-1538-2025-3-76-89

Sokolov A.V., Babadzhanyan P.A. Digital non-participation of students. *PolitBook*. 2025;3:76–89. DOI: 10.24412/2227-1538-2025-3-76-89 (In Russ.)

9. Liu W. Pandemic paranoia: Toward a reparative practice of the global psyche. *Psychoanalysis, Culture & Society*.

2021;26(4):608–622. DOI: 10.1057/s41282-021-00236-2

10. Евплов Н.А. Оценка методов обнаружения дипфейков в видеоконтенте. *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Естественные и технические науки*. 2025;10-2:17–22. DOI: 10.37882/2223-2966.2025.10-2.04

Evplov N.A. Evaluation of methods for deepfake detection in video content. *Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice. Series: Natural and Technical Sciences*. 2025;10-2:17–22. DOI: 10.37882/2223-2966.2025.10-2.04 (In Russ.)

Информация об авторе

Скипин Николай Сергеевич, кандидат политических наук, старший научный сотрудник, заведующий отделом, Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук. Scopus Author ID: 57299150000, ORCID: 0000-0003-4267-0099, SPIN-код: 3019-6197; e-mail: skipin@inion.ru

Information about the author

Nikolai S. Skipin, Cand. Sci. (Political Sciences), Senior Researcher, Head of Department, Institute of scientific information for social sciences of Russian Academy of Sciences. Scopus Author ID: 57299150000, ORCID: 0000-0003-4267-0099, SPIN-code: 3019-6197; e-mail: skipin@inion.ru

Поступила в редакцию 09.06.2026

Принята после рецензирования 25.07.2026

Принята к публикации 01.09.2026

Received June 9, 2026

Revised July 25, 2026

Accepted September 1, 2026

Научная статья

Research article

УДК 165.0

<https://doi.org/10.26907/2079-5912.2026.3.122–134>

© 2026 г.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

Структурные ограничения использования больших языковых моделей при самодиагностике психических состояний

Ульянов А.М., Серегина Т.В.

*Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева,
302026, г. Орел, ул. Комсомольская, д. 95, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассматривается проблема самодиагностики психических состояний при помощи больших языковых моделей в контексте когнитивного капитализма, психоцентризма и психополитики. Показывается, что LLM выступают значимым элементом современного диспозитива власти и знания, участвующим в производстве, подтверждении и нормализации психоцентрических самоописаний индивида. Методологически исследование опирается на концептуально-аналитический и дискурсивный анализ, а также на аппарат структурного психоанализа Ж. Лакана. Цель исследования – доказать тезис о структурной невозможности LLM занимать позицию аналитика, несмотря на имитации качественных консультативных и терапевтических ответов на пользовательские запросы. Утверждается, что машинный ответ не разрывает фантазматическое самописание субъекта, а лишь возвращает его в форме машинно подтвержденного знания. Особое внимание уделяется эффекту машинной валидации, при котором исходный пользовательский запрос получает видимость внешнего экспертного подтверждения. Научная новизна исследования заключается в синтезе психоаналитической оптики, положений из современных теорий власти и положений из философии техники, позволяющем обосновать вывод о двойном замыкании субъекта в регистре Символического: через собственный фантазм и через адаптивный машинный нарратив.

Ключевые слова: большие языковые модели, самодиагностика, психоцентризм, психополитика, когнитивный капитализм, фантазм, Символическое, Реальное, Жак Лакан

Для цитирования: Ульянов А.М., Серегина Т.В. Структурные ограничения использования больших языковых моделей при самодиагностике психических состояний. *Казанский социально-гуманитарный вестник.* 2026;3(74):122–134.

Structural Limitations of the Use of Large Language Models in the Self-Diagnosis of Mental States

Ulyanov A.M., Seregina T.V.

Orel State University named after I.S. Turgenev,
95 Komsomolskaya Street, Orel, 302026, Russian Federation

Abstract. This article examines the problem of self-diagnosing mental states through large language models in the context of cognitive capitalism, psychocentrism, and psychopolitics. It argues that LLMs constitute a significant element of the contemporary dispositif of power and knowledge, participating in the production, validation, and normalization of psychocentric self-descriptions. Methodologically, the study draws on conceptual-analytical and discourse analysis, as well as on the theoretical framework of Jacques Lacan's structural psychoanalysis. The aim of the study is to substantiate the thesis that LLMs are structurally incapable of occupying the position of the analyst, despite their ability to simulate high-quality counselling and therapeutic responses to user queries. It is argued that the machine-generated response does not disrupt the subject's fantasmatic self-description, but merely returns it in the form of machine-validated knowledge. Particular attention is paid to the effect of machine validation, whereby the user's initial query acquires the appearance of external expert confirmation. The scholarly novelty of the study lies in its synthesis of a psychoanalytic perspective, contemporary theories of power, and the philosophy of technology, which makes it possible to substantiate the conclusion that the subject becomes doubly enclosed within the register of the Symbolic: through the subject's own fantasy and through an adaptive machine-generated narrative.

Keywords: large language models, self-diagnosis, psychocentrism, psychopolitics, cognitive capitalism, fantasy, the Symbolic, the Real, Jacques Lacan

For citation: Ulyanov A.M., Seregina T.V. Structural Limitations of the Use of Large Language Models in the Self-Diagnosis of Mental States. *The Kazan Socially-Humanitarian Bulletin*. 2026;3(74):122–134. (In Russ.)

Введение

Самодиагностика психических состояний – практика, направленная на описание индивидом самого себя в психологизирующих терминах (диагноза и его симптоматики) и в пределе ориентированная либо на последующее обращение индивида к специалисту: психологу, психотерапевту, психиатру как внешней инстанции для подтверждения или опровержения предварительно установленного самим индивидом психологического состояния или предполагаемого психического расстройства, либо, что более интересно, на автономное замыкание индивида на полученном самоописании. Доступность для среднего пользо-

вателя больших языковых моделей на базе искусственного интеллекта (LLM), произошедшая в последние 3–4 года (ChatGPT, DeepSeek, Claude), заметно упрощает практику самодиагностики за счет качественной имитации консультативной терапии и одновременно добавляет в нее измерение нечеловеческой агентности и коммуникации, выводя процесс (само)описания в дискурсивные пространства сгенерированного текста. Так, например, разработчики из OpenAI в одном из последних обновлений ChatGPT-5 от 27.10.2025 уделили особенное внимание общению на темы, связанные с психологическим здоровьем и консультированием. Разработчики отмечают:

«Эксперты выяснили, что в сложных диалогах на тему психического здоровья новая модель GPT-5, используемая по умолчанию в ChatGPT, сокращает количество нежелательных ответов на 39 % по сравнению с моделью GPT-4o (n=677)»¹.

В границах теоретического анализа самодиагностика психических состояний может быть рассмотрена на пересечении как минимум трех крупных проблематик, взаимно отсылающих друг к другу: психоцентризм, психополитика и приписывание сознания машинному интеллекту.

Для целей настоящей статьи сузим рамку теоретического анализа до следующих вводных. Во-первых, психические состояния индивида будут рассматриваться через широкую рамку психоанализа, где конкретным ядром анализа, в свою очередь, выступит психоаналитическое понятие фантазма. Во-вторых, статус сознательной агентности искусственного или машинного (в дальнейшем изложении эти термины будут использоваться как взаимозаменяемые с отданным приоритетом последнему из них) интеллекта будет раскрываться также через психоаналитическое понятие фантазма.

Центральная гипотеза настоящего исследования заключается в том, что большие языковые модели, активно используемые сегодня в практиках самодиагностики психических состояний, функционируют как современный диспозитив психополитической власти и психоцентрического самоописания. Генерируя убедительные, адаптивные и зачастую согласующиеся с изначальным пользовательским запросом ответы, LLM осуществляют внешнюю символическую обработку фантазма субъекта и возвращают ему его же собственное самоописание в форме ма-

шинно подтвержденного нарратива. В этом смысле языковые модели принципиально не могут открыть субъекту доступ к Реальному (реальному желанию), но лишь удваивают его замыкание в регистре Символического.

Проблематика взаимодействия человека с машинным интеллектом вообще и большими языковыми моделями (LLM) в частности в ракурсе психологического консультирования и поддержки уже сформировала самостоятельное поле исследований. Выделим некоторые исследования, коррелирующие с настоящим исследованием в некоторых существенных пунктах, что позволит определить теоретическое место последнего. Например, Дж. Седлакова и М. Трахсель с позиций биоэтики анализируют разговорный искусственный интеллект через принципиальное различие технической инструментальности и сознательной агентности и приходят к выводу, что такая система не может считаться равноправным участником терапевтического диалога [1]. Эмпирическое исследование Н. Ходсона и С. Уильямсона показывает, что большие языковые модели способны выполнять отдельные операции когнитивно-поведенческой терапии, в частности распознавать, проверять и переформулировать дисфункциональные мысли / когнитивные искажения индивидов, но не могут при этом выступать в роли самостоятельных агентов ведения психологического консультирования [2]. Данное ограничение позволяет сформулировать более широкое различие между процедурно формализуемыми и операционализируемыми терапевтическими практиками, в частности в русле когнитивно-поведенческой терапии и психоанализа, теоретически и методологически значимым для настоящего исследования. Так, когнитивно-поведенческая терапия (далее – КПТ) предполагает эксплицитное выявление и преобразование

¹ OpenAI. Strengthening ChatGPT's responses in sensitive conversations. OpenAI. 2025. 27 October. URL: <https://openai.com/index/strengthening-chatgpt-responses-in-sensitive-conversations/> (дата обращения: 15.06.2026).

когнитивных и поведенческих схем / паттернов индивидов в соответствии с конкретной терапевтической задачей. Психоанализ, особенно как практика терапии, напротив, не предлагает индивиду готовой нормативной переформулировки самоописания. Психоаналитик организует условия, в которых через собственную речь и разрывы в ней субъект может самостоятельно приблизиться к границам организующего его желания фантазма. Поэтому результат анализа никогда не задан заранее и не гарантирован. Позиция аналитика в отличие от позиции терапевта КПТ принципиально не сводится к производству более адаптивного знания о субъекте.

Отдельно стоит выделить работу Б. Кониор, посвященную машинному желанию. Исследовательница постгуманизма затрагивает тему любовных отношений с чат-ботами, непосредственно примыкающую к теме психологического консультирования и поиска психологической поддержки у больших языковых моделей. Б. Кониор описывает чат-бота как предсказательную и адаптивную систему, способную предвосхищать эмоциональные ожидания пользователя, несмотря на отсутствие у нее собственного сознания, переживания и понимания генерируемого текста [3]. Машинный язык в таком случае представляет безличную форму коммуникации, которая сама не обладает аффективным опытом, но способна вызывать аффекты и поддерживать длительную эмоциональную связь с человеком. Современный терапевтический дискурс, делающий ставку на осознанные отношения, проговаривание партнерских ожиданий, отстаивание личных границ и т.п. поддерживает сходные паттерны и в области межличностной коммуникации. Если приложить лакановскую оптику к указанной проблематике, можно предположить, что человеческий Другой, принципиально непрозрачный, но

конститутивный для желания субъекта, в том числе любовного желания, подвергается попыткам сделать его прозрачным, пронизываемым и предсказуемым. Индивид как в случаях коммуникации типа «человек-машина», так и типа «человек-человек» сталкивается лишь со своим инвертированным желанием, подкрепленным предсказательной адаптивностью машинных ответов.

В философии искусственного интеллекта отдельная линия исследований посвящена анализу больших языковых моделей как систем производства правдоподобного текста. Например, Л. Флориди и М. Кириатти очерчивают зону возможностей модели GPT-3 генерировать осмысленный текст, ограниченную статистической обработкой языковых регулярностей [4]. А. Собешек и Т. Прайс анализируют склонность LLM генерировать ложные утверждения вследствие отсутствия у них устойчивой ориентации на истину [5]. К этой же исследовательской линии примыкают исследования сикофантности LLM, т.е. склонности адаптироваться или, скорее, подстраиваться под пользовательские запросы, жертвуя эпистемической добросовестностью.

В отечественном философском дискурсе проблематика человеко-машинного взаимодействия также получила достаточно серьезное рассмотрение. Например, Д.Э. Гаспарян связывает принципиальные трудности моделирования понимания с несводимостью смысла к значению, а также с ценностным и целевым измерениями естественной семантики [6]. Н. Макарова анализирует чат-боты как внешние средства самоописания и показывает, что технологически произведенная память формирует субъектность [7]. Особенно значимым в контексте настоящего исследования является предложенное ею описание двойной символизации. А. Мерзенина с опорой на Ж. Лакана, Ф. Берарди и Ж. Бодрийера связывает цифровую коммуникацию,

к которой относится и коммуникация с LLM, с ослаблением инстанции Другого, нарушением символического обмена и психосоциальными эффектами семиотического капитализма [8].

Несмотря на бесспорную теоретическую и практическую значимость существующих исследований, механизм, связывающий техническую адаптивность LLM и их склонность к «соглашательству» с запросами пользователя с психоцентрическим самописанием, психополитической интериоризацией власти и лакановской структурой фантазма, остается слабо проясненным. Не было также обнаружено исследований, систематически обосновывающих невозможность языковой модели занимать позицию аналитика при внешнем сходстве ее ответа с терапевтическим дискурсом. Настоящее исследование направлено на заполнение наличествующей концептуальной лакуны.

Материалы и методы

Методологически исследование носит концептуально-аналитический характер и осуществляется на пересечении социальной философии, философии техники, критической теории и структурного психоанализа. Основными методами анализа выступают концептуальный и дискурсивный методы, позволяющие рассматривать большие языковые модели в качестве современного диспозитива власти и знания, участвующего в производстве, подтверждении и нормализации психоцентрических самоописаний субъекта. Дополнительные методы: интерпретативный, критико-теоретический и компаративистский методы анализа. Социально-философский уровень исследования определяется концепциями когнитивного капитализма, психоцентризма и психополитики. Психоаналитический уровень исследования опирается на лакановские понятия фантазма, желания, нехватки,

Реального, Символического и четырех типов дискурса.

Выбор лакановской версии психоанализа обусловлен принципиальной значимостью для настоящего исследования структуры желания, в том числе побуждающего субъекта обращаться к большим языковым моделям, а также языкового измерения взаимодействия человека и LLM. Внутреннее функционирование языковой модели не может быть непосредственно сведено к Символическому в психоаналитическом смысле. Архитектура моделей, работа с векторами и весами, статистическим и вероятностным подбором минимальных смысловых единиц (токенов) в случае их концептуального описания относится, скорее, к области современной философии техники. Тем не менее, доступный пользователю уровень коммуникации, находящийся в центре настоящего анализа, представлен в форме языка и потому допускает анализ посредством лакановского аппарата.

При этом лакановская теоретико-методологическая рамка не претендует на исчерпывающее объяснение всех практик самодиагностики психических состояний. Пользователь, например, может обращаться к LLM сугубо в прагматических целях: поиск медицинской и иной справочной информации, подготовка к обращению к психоаналитику и т.п. Лакановская оптика применяется в настоящем исследовании к тем случаям, в которых взаимодействие с LLM приобретает форму производства и подтверждения психологизирующего знания субъекта о самом себе.

Цель настоящего исследования – показать, что большие языковые модели, несмотря на способность качественно имитировать консультативный, терапевтический и аналитический дискурсы, структурно не могут занимать позицию аналитика в лакановском смысле, поскольку их ответы не производят разрыва в фантазматическом

самоописании субъекта, а, напротив, закрепляют это самоописание в форме машинно подтвержденного знания / нарратива.

Для достижения поставленной цели необходимо решить ряд конкретных исследовательских задач.

Во-первых, разметить новый дис-позитив машинного интеллекта как наиболее релевантный для современной ситуации психополитической власти, имманентной индивиду.

Во-вторых, определить, как психо-центризм или самоописания индивида в психологизирующих терминах становится инструментом или техникой циркуляции власти в условиях когнитивного капитализма.

В-третьих, ввести два уровня релевантности психоаналитической рамки для анализа человеко-машинного взаимодействия и коммуникации, возникающих вокруг больших языковых моделей.

В-четвертых, с опорой на предложенное Ж. Лаканом различение четырех типов дискурса (дискурс господина, дискурс университета, дискурс истерика и дискурс аналитика) доказать, что LLM, несмотря на способность качественно имитировать консультативный, терапевтический и даже аналитический дискурсы, структурно не может занимать позицию аналитика. Языковые модели не производят разрыва в фантазматическом самоописании субъекта (прорыв к Реальному не происходит), но, напротив, склонны возвращать ему это самоописание в форме двойного нарратива. Собственно, Символический уровень самоописания субъекта и уровень машинного Символического или машинно подтвержденного нарратива.

Результаты

Сначала эксплицируем социополитический контекст проблемы самодиагностики и разметим общую ситуацию циркуляции власти, характерную

для современной ситуации позднего капитализма, который в ракурсе настоящего исследования может быть артикулирован как когнитивный капитализм. Когнитивный капитализм – одна из стадий (последняя на данный момент по ряду классификаций) капитализма, при которой ключевое внимание уделяется нематериальным формам капитала: знанию, информации, умственному труду и т.п. Например, Я. Мулье-Бутан связывает когнитивный капитализм с «накоплением нематериального капитала, распространением знаний и ведущей ролью экономики знаний», а также постфордизмом и возросшей прекариацией нового рабочего класса [9, р. 50]. Умение распоряжаться собственным знанием, превращая его в источник дохода, эффективно реагировать на информационные потоки и возросшие скорости их распространения, умение быть мобильным, но одновременно собранным и сконцентрированным – лишь некоторые принципиальные требования, предъявляемые когнитивным капитализмом к индивидам. Когнитивный капитализм, таким образом, выступает необходимой социополитической рамкой, обосновывающей, во-первых, почему индивид заинтересован в ментальном здоровье и знании самого себя, а, во-вторых, объясняющей, как крупные корпорации и владельцы капитала эксплицитно и имплицитно распоряжаются так понятым ментальным здоровьем индивида и его знанием о самом себе.

Возросшая культура самодиагностики психологических состояний и описания себя в психологизирующих терминах, одна из целей которой заключается в «оправдании», но, скорее, самостигматизации индивидуальной неспособности эффективно встроиться в современную капиталистическую ситуацию, часто критикуется с левых позиций. Так, канадский социолог Х. Римке ввела термин психоцентризм

ма как формы социальной несправедливости, следуя которой принято считать, что «человеческие проблемы вызваны биологически обусловленным дефектом или недостатком в телах и/или умах отдельных субъектов» [10]. При этом социальное неравенство, экономические, социальные и политические факторы, мешающие полноценной жизни индивидов, учитываются в значительно меньшей степени или не учитываются вовсе. Еще раньше М. Фишер в границах собственной концепции капиталистического реализма обосновал взгляд на депрессию как на социополитический феномен, вызванный приватизацией стресса, который провоцирует капиталистическая система. Так, он пишет: «Например, хотя верно то, что депрессия определяется низким уровнем серотонина, надо ведь еще объяснить, почему у отдельных индивидуумов такой низкий уровень. А это уже требует социального и политического объяснения. Поэтому задача реполитизации психической болезни представляется абсолютно безотлагательной, если левые действительно хотят бросить вызов капиталистическому реализму» [11, с. 72].

Можно констатировать с определенной долей уверенности, что психоцентризм становится новой формой власти при когнитивном капитализме, имманентной индивиду, поскольку тот сам поддерживает ее реализацию. На схожих основаниях и в аналогичном социополитическом регистре функционирует и психополитика. Б.-Ч. Хан, немецкий философ корейского происхождения, продолжает и упрочняет фукольдианскую линию концептуализации властных механик и техник и вводит понятие психополитики, понятой им как режим постдисциплинарной власти. Современное ему общество позднего или когнитивного капитализма Б.-Ч. Хан именует обществом усталости или выгорания. Усталость и выгорание – обратная сторона

общества, ориентированного на культ достижений и перманентное повышение самооффективности. «Общество XXI века – это уже не дисциплинарное общество, а общество достижений (Leistungsgesellschaft). Его обитатели также зовутся уже не “послушными субъектами”, а субъектами достижений. Они сами себе предприниматели» – пишет Б.-Ч. Хан [12, с. 55]. Психополитика, подобно фукольдианским дисциплинарным режимам власти, также реализуется через диспозитивы власти и знания, успешно захватывающие и переориентирующие неолиберального «субъекта достижений». Б.-Ч. Хан пишет: «Мотивация, проекты, конкуренция, оптимизация и инициатива представляют собой характерные черты [диспозитивы – А.У.] психополитической технологии власти, они же олицетворяют и неолиберализм» [13, р. 18].

Психополитика представляет собой такой режим власти, при котором техники дисциплинирования отдаются на аутсорс самому субъекту. Речь идет, следовательно, об интериоризации властных механик, добровольном построении себя как проекта, направленного как к социальному успеху / признанию, так и к «обещанному» личному счастью и удовлетворению желаний. Фигура субъекта при этом конструируется на пересечении линий менеджмента как теории управления собой / собственным временем, «психологии успеха» и self-help литературы и психотерапии как медицинского диспозитива, размечающего и картографирующего ментальный ландшафт индивида. О позитивной психологии, техниках успеха и проектах, направленных на повышение уровня личного счастья, которые становятся магистральными компонентами так называемой индустрии счастья позднего капитализма, подробно пишут, например, израильский социолог Е. Иллуз и испанский психолог Э. Кабанас. Так, ис-

следователи в одной из последних книг отмечают, что сегодня «счастье рассматривается как мировоззрение, которое можно сформировать силой воли, как результат применения наших внутренних сил и подлинного “я”, как единственная цель, ради которой стоит жить, как стандарт, по которому измеряется ценность наших биографий, размер наших успехов и неудач, а также наше психическое и эмоциональное развитие» [14, с. 18].

Экстраполируем полученные выводы на практику самодиагностики психологических состояний при помощи больших языковых моделей. Если согласиться с агамбеновским и фукольдиданским описанием диспозитива как гетерогенного комплекса дискурсивных и недискурсивных элементов, стратегически ориентирующего и переоориентирующего реальность и производящегося на пересечении «отношений власти и отношений знания», то можно интерпретировать LLM как современный диспозитив психополитической и психоцентрической власти [15, с. 14]. Обосновать правомерность такой интерпретации можно как минимум по двум пунктам. Во-первых, LLM перманентно и практически повсеместно опосредуют человеческие отношения с реальностью, будучи как дискурсивными (на входе и на выходе пользователь имеет дело с текстом), так и недискурсивными (внутренняя архитектура, элементы математического и вероятностного моделирования, серверы, энергия, поддерживающие работу больших языковых моделей) ассамбляжами. Во-вторых, самым прямым образом конструируют и поддерживают, чтобы затем пересобрать, а потом снова собрать на новых основаниях мерцающую идентичность индивидов, обращающихся к ним, в том числе в целях психологического консультирования.

Таким образом, в первой части настоящего исследования было показано,

по каким критериям можно отнести LLM к диспозитиву психополитической власти. Во второй части рассмотрим, почему, несмотря на успешное и активное использование LLM в практиках самодиагностики психологических состояний, реальная помощь от них минимальна или, по крайней мере, крайне неоднозначна. Для этого обратимся к психоанализу как широкой эвристической теории, в терминах которой можно обосновать человеко-машинное взаимодействие в аспекте психологического консультирования.

Психоанализ структурно занимает позицию между наукой, практикой психологического консультирования, герменевтическим описанием и широким мировоззрением. Еще К. Поппер, разрабатывая критерии демаркации научного знания от знания ненаучного, отмечал, что психоанализ не является научной теорией в строгом смысле, поскольку не отвечает требованиям фальсифицируемости, взятой в качестве критерия определения строгих научных теорий. Так, К. Поппер пишет: «Две упомянутые ранее психоаналитические теории [психоанализ Фрейда и индивидуальная психология Адлера – А.У.] относятся к другому классу. Они просто являются непроверяемыми и непроверяемыми теориями. Нельзя представить себе человеческое поведение, которое могло бы опровергнуть их» [16, с. 37]. Сила психоанализа как широкой объяснительной теории уравнивается его слабостью как строгой научной теории с четкими критериями фальсифицируемости. Другими словами, любой факт психической жизни при должном усилии может быть объяснен в психоаналитических терминах. Из этого предварительного методологического уточнения не следует делать вывод о ложности психоанализа как теории. Так, М. Пильюччи, комментируя критерий фальсифицируемости К. Поппера, указывает на это различие: «Они

настолько расплывчаты, что ни один эмпирический тест не сможет доказать их ошибочность, если они действительно ошибочны. Это тонкий, но важный момент. Поппер не утверждал, что эти теории на самом деле неверны, он лишь говорил, что невозможно узнать, верны они или нет, а значит, их нельзя считать научными»².

Выдвинем, в свою очередь, следующее предположение, объясняющее релевантность выбора психоанализа как эвристической модели для анализа взаимодействия и коммуникации индивида и больших языковых моделей. Существует определенная структурная аналогия между расширяемостью психоаналитического объяснительного аппарата, способного включать разнородные факты психической жизни в собственную интерпретативную рамку и адаптивностью языковых моделей под пользовательское поведение и запросы, основывающееся на машинном дообучении, контекстной устойчивости и т.п.

Многие исследования, основывающиеся на широком массиве эмпирических данных, подтверждают существование устойчивого тренда: большие языковые модели, особенно прошедшие обучение и дообучение с использованием человеческой обратной связи (RLHF), склонны к производству ответов, согласующихся с установками и ожиданиями пользователя. Например, коллектив авторов в статье «Towards Understanding Sycophancy in Language Models» приходят к выводу, что, поскольку пользователи предпочитают ответы, согласующиеся с их изначальными установками, языковые ответы чаще предлагают «удобные», но иногда откровенно ложные ответы, жертвуя устремлениями к истинному знанию и принципами эпи-

стемической добросовестности [17]. Другое исследование показывает, что в ситуациях обращения за личным советом (к которому, безусловно, относятся и запросы психологического консультирования) языковые модели нередко некритично подтверждают исходный пользовательский запрос, тем самым усиливая убежденность индивида в верности самоописания и его зависимость от машинного ответа [18]. Личный пользовательский опыт автора настоящей статьи подтверждает тезисы, отстаиваемые в приведенных исследованиях.

Следовательно, возможен эффект, артикулированный здесь как ситуация двойного подтверждения. Если пользователь приходит к языковой модели с описанием симптоматики психического состояния и формирует свой запрос в терминах психоаналитической проблематики, то полученный от языковой модели сгенерированный ответ упрочнит изначальное пользовательское убеждение. С одной стороны, посредством символизации симптоматики средствами самого психоанализа. С другой – посредством подстраивания языковой модели под запрос, обусловленный методами обучения и дообучения LLM на основе человеческой обратной связи. Подобная ситуация двойного подтверждения определяет релевантность обращения к психоанализу как объяснительной теории при анализе коммуникации и взаимодействия индивида и больших языковых моделей.

Таков первый уровень обращения к психоанализу как широкой объяснительной теории. Это поверхностный уровень совпадения психоанализа и машинной адаптивности или уровень структурной аналогии. Он может сработать только при первом приближении. Теперь необходимо рассмотреть коренное несовпадение психоанализа и машинного психологического консультирования, связанное с психо-

² Pigliucci M. Pseudoscience and the Demarcation Problem. Internet Encyclopedia of Philosophy. URL: <https://iep.utm.edu/pseudoscience-demarcation/> (дата обращения: 15.06.2026).

аналитическим понятием фантазма. Дальнейший анализ позволит доказать гипотезу о невозможности LLM выступать в роли аналитика и, возможно, неадекватности или, по крайней мере, принципиальной недостаточности машинного психологического консультирования вообще.

В структурном психоанализе Ж. Лакана фантазм – это структура работы желания, организующая реальность расщепленного субъекта и одновременно защищающая его от столкновения с Реальным. Так, Ж. Лакан приводит такое определение фантазма: «Говоря, что речь идет о фундаментальном фантазме, я имею в виду одно: в синхронической перспективе он обеспечивает тому, на что желание опирается, минимальную структуру» [19, с. 397]. Принципиальным моментом является момент несовпадения желания, которое структурировано фантазмом, и реального желания как принципиально недоступного для субъекта. Ж. Лакан пишет: «Это измерение того, чего субъект на самом деле взыскует. Оно не совпадает с реальностью, не сводится к миру обыденности – это измерение бытия» [19, с. 423]. Поскольку реальное желание принципиально недоступно субъекту, психоанализ, в особенности структурный психоанализ Ж. Лакана, не может гарантировать субъекту, что тот когда-либо в полной мере достигнет того, чего он действительно хочет, т.е. столкнется с реальным желанием. Психоанализ фундируется на этом несовпадении или разрыве желания, структурированного фантазмом, и реального желания.

Далее рассмотрим еще одну необходимую теоретическую часть структурного психоанализа, экспликация которой позволит перейти к сути дела. Так, Ж. Лакан выделяет четыре фундаментальных типа дискурса, структурно размечающих реальность и позиции субъекта, знания, власти, желания в ней: дискурс господина, дискурс уни-

верситета, дискурс истерика и дискурс аналитика. Для целей настоящей статьи нет необходимости рассматривать вопрос об их взаимосвязях и соотношениях, который, тем не менее, занимает центральное место в лакановском психоанализе. Остановимся на двух типах дискурса: аналитика и университета и на коренных несовпадениях между ними.

Дискурс университета – это дискурс, в котором господствующую позицию занимает знание, претендующее на производство, классификацию и нормализацию субъекта. «Возьмем, к примеру, университетский дискурс, тот, чей первый член, обозначенный нами S2 [знание – A.Y.], находится в позиции, обнаруживающей безумную претензию на то, чтобы произвести на свет мыслящее существо, субъект» – говорит Ж. Лакан [20, с. 221]. Другими словами, университетский дискурс производит готовые знания, с которыми расщепленный субъект может себя соотносить, чтобы восстанавливать собственную мнимую целостность. Из позиции университетского дискурса могут функционировать институционализированные формы психологического и психиатрического знания, когда они предлагают субъекту готовые классификационные схемы само-описания. В контексте настоящего исследования университетский дискурс важен тем, что он способен подменять вопрос субъекта о желании готовой схемой знания о нем самом.

Дискурс аналитика – напротив, позиция, поддерживающая субъекта в его расщепленности и позволяющая субъекту самостоятельно приближаться к границам его реального желания (опять же, в ситуации его принципиального недостижения). Психоаналитик так выстраивает ситуацию, что анализант самостоятельно через собственную речь, но, что более важно, через разрывы или лакуны в своей речи может попытаться подвести фантазм

к границе Реального. Ж. Лакан говорит: «Он [психоаналитик – А.У.] не передает в этой позиции какого-то знания, хотя нельзя утверждать, как неосторожно иногда заявляют, что знать тут, мол, вообще нечего. Под вопрос ставится именно это – функция, в обществе, определенного знания, знания, которое вам передается» [20, с. 248].

Если экстраполировать вышеозначенные положения на проблематику настоящей статьи, можно прийти к следующему заключению. Большие языковые модели на дискурсивном уровне взаимодействия и коммуникации типа человек-машина представляют готовые ответы (готовые формы знания) из позиции университетского дискурса. Субъект в процессе самодиагностики примеряет готовые означающие возможных психологических и психиатрических диагнозов на собственную ситуацию и еще дальше отдалается от реального запроса, его беспокоящего. Более того, субъект оказывается в ситуации двойного замыкания собственного фантазма на Символическом уровне. С одной стороны, фантазм субъекта, структурированный как язык, защищает его от столкновения с Реальным – собственно, психоаналитическое измерение. С другой стороны, машинное символическое закрепляет фантазм субъекта в форме машинного нарратива готовых и, как было показано, удобных или подстраивающихся ответов – измерение мнимого машинного «бессознательного». Таким образом, LLM никогда не сможет структурно занять позицию аналитика в психоаналитическом смысле, поскольку сгенерированное дискурсивное поле устраняет разрывы и несовпадения, принципиально важные для психоаналитической процедуры.

Еще один важный момент связан с позицией аналитика как Другого. В соответствии с мыслью Ж. Лакана, желание субъекта – это желание желания Другого. LLM в этой связи всегда будет

своим Другим, но никогда Другим как внешней инстанцией. LLM повторяют фантазматическое устройство желания субъекта в его же собственных терминах, к тому же закрепленных в, с одной стороны, их университетской дискурсивной позиции, с другой – дискурсивной позиции машинного нарратива.

Заключение

Проведенный в настоящем исследовании анализ позволяет сделать вывод, в соответствии с которым большие языковые модели (LLM) оказываются значимым современным диспозитивом психополитической власти, поскольку включаются в практики самодиагностики психических состояний и участвуют в производстве, подтверждении и нормализации психоцентрических самоописаний индивидов. Способность LLM адаптироваться к пользовательскому запросу и генерировать убедительные консультативные ответы создает эффект машинной валидации, при котором исходное самописание субъекта возвращается ему в виде связного и подтвержденного машинного нарратива. В этом смысле LLM принципиально, в соответствии с занимаемой ими структурной позицией, не открывают субъекту доступ к Реальному (реальному желанию), но удваивают его замыкание в регистре Символического: с одной стороны, через фантазматическую структуру самого самоописания, с другой – через произведенное знание о нем в виде машинного нарратива. Несмотря на возможность инструментального использования больших языковых моделей в поддерживающем общении, поиске и анализе справочной информации, первичной ориентации пользователя, они структурно не могут занимать позицию аналитика в лакановском смысле, поскольку не выводят субъекта к границам его фантазма, а преимущественно закрепляют его

в уже заданной логике психоцентрического самоописания.

Практический вывод настоящего исследования заключается в возможности занять определенную критическую дистанцию по отношению к знанию, производящемуся LLM в форме машинного нарратива. Инструментальное использование LLM в прагматических целях психологического консультирования может быть оправ-

дано и даже полезно в современной ситуации развития технологий. Тем не менее, в тех случаях, когда дело касается структуры желания субъекта, структуры его фантазма, а также обретения законченного знания об этой структуре следует избегать излишнего технооптимизма и приписывания языковым моделям возможности это знание предоставить по пользовательскому запросу.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest. The authors declare no conflicts of interest.

Список литературы / References

1. Sedlakova J., Trachsel M. Conversational Artificial Intelligence in Psychotherapy: A New Therapeutic Tool or Agent? *The American Journal of Bioethics*. 2023;23(5): 4–13. DOI: 10.1080/15265161.2022.2048739
2. Hodson N., Williamson S. Can Large Language Models Replace Therapists? Evaluating Performance at Simple Cognitive Behavioral Therapy Tasks. *JMIR AI*. 2024;3:e52500. DOI: 10.2196/52500
3. Konior B. Angelsexual: Chatbot Celibacy and Other Erotic Suspensions. *ΣUM: Journal for Contemporary Art Criticism and Theory*. 2025;22:2703–2715.
4. Floridi L., Chiriatti M. GPT-3: Its Nature, Scope, Limits, and Consequences. *Minds and Machines*. 2020;30:681–694. DOI: 10.1007/s11023-020-09548-1.
5. Sobieszek A., Price T. Playing Games with AIs: The Limits of GPT-3 and Similar Large Language Models. *Minds and Machines*. 2022;32:341–364. DOI: 10.1007/s11023-022-09602-0.
6. Гаспарян Д.Э. Таинство естественной семантики: трансцендентальное измерение смысла и проблема искусственного интеллекта. *Вопросы философии*. 2017;(4):81–94.
7. Макарова Н. Воспоминание в цифровом пространстве как форма «заботы о себе». *Логос*. 2024;34(6):113–132. DOI: 10.17323/0869-5377-2024-6-113-132
8. Мерзенина А. Коммуникативный декаданс. Смертельные эффекты гедонизма в пространстве семиокапитализма и гиперреализма. *Логос*. 2025;35(2):73–99. DOI: 10.17323/0869-5377-2025-2-73-99
9. Merzenina A. Communicative Decadence: The Deadly Effects of Hedonism in the Space of Semiocapitalism and Hyperrealism. *Logos*. 2025;35(2):73–99. DOI: 10.17323/0869-5377-2025-2-73-99 (In Russ.)
10. Moulier Boutang Y. *Cognitive Capitalism* / trans. by Ed Emery. Cambridge; Malden: Polity Press; 2011. 200 p.
11. Rimke H. Introduction: Mental and Emotional Distress as a Social Justice Issue: Beyond Psychocentrism. *Studies in Social Justice*. 2016;10(1):4–17. DOI: 10.26522/ssj.v10i1.1407
12. Фишер М. Капиталистический реализм. Есть ли альтернатива? / пер. с англ. Д. Кралечкина. М.: Ультракультура 2.0; 2010. 144 с.
13. Fisher M. *Capitalist Realism: Is There No Alternative?* Moscow: Ultrakultura 2.0; 2010. 144 p. (In Russ.)
14. Хан Б.-Ч. Общество усталости. Негативный опыт в эпоху чрезмерного позитива. М.: АСТ; 2023. 161 с.
15. Han B.-Ch. *The Burnout Society: Negative Experience in the Age of Excessive Positivity*. Moscow: AST; 2023. 161 p. (In Russ.)

13. Han B.-C. *Psychopolitics: Neoliberalism and New Technologies of Power*. London: Verso; 2017. 74 p.

14. Иллюз Е., Кабанас Э. *Фабрика счастливых граждан. Как индустрия счастья контролирует нашу жизнь*. М.: АСТ; 2023. 352 с.

Illouz E., Cabanas E. *Manufacturing Happy Citizens: How the Science and Industry of Happiness Control Our Lives*. Moscow: AST; 2023. 352 p. (In Russ.)

15. Агамбен Дж. *Что современно?* Киев: Дух і Літера; 2012. 78 с.

Agamben G. *What Is Contemporary?* Kyiv: Dukh i Litera; 2012. 78 p. (In Russ.)

16. Поппер К. *Предположения и опровержения: рост научного знания* / пер. с англ. А.Л. Никифорова, Г.А. Новичковой. М.: АСТ; Ермак; 2004. 326 с.

Popper K. *Conjectures and Refutations: The Growth of Scientific Knowledge*. Moscow: AST; Ermak; 2004. 326 p. (In Russ.)

17. Sharma M., Tong M., Korbak T., Duvenaud D., Askill A., Bowman S.R. et al. *Towards Understanding Sycophancy in*

Language Models. *arXiv:2310.13548*. 2023. URL: <https://arxiv.org/abs/2310.13548> (access date: 01.05.2026).

18. Cheng M., Lee C., Khadpe P., Yu S., Han D., Jurafsky D. Sycophantic AI decreases prosocial intentions and promotes dependence. *Science*. 2026;391:eaec8352. DOI: 10.1126/science.aec8352

19. Лакан Ж. *Желание и его интерпретация (Семинары: Книга VI (1958/59))* / пер. с фр. А. Черноглазова. М.: Логос; Гнозис; 2021. 562 с.

Lacan J. *Desire and Its Interpretation (The Seminar of Jacques Lacan, Book VI, 1958/59)*. Moscow: Logos; Gnozis; 2021. 562 p. (In Russ.)

20. Лакан Ж. *Изнанка психоанализа (Семинары: Книга XVII (1969–1970))* / пер. с фр. А. Черноглазова. М.: Гнозис; Логос; 2008. 272 с.

Lacan J. *The Other Side of Psychoanalysis (The Seminar of Jacques Lacan, Book XVII, 1969–1970)*. Moscow: Gnozis; Logos; 2008. 272 p. (In Russ.)

Информация об авторах

Ульянов Алексей Михайлович, аспирант философского факультета, Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева. SPIN-код 4627-4209, ORCID ID 0009-0006-9247-3607; e-mail: lesh.ulyanov@yandex.ru

Серегина Тамара Владимировна, кандидат философских наук, доцент кафедры логики, философии и методологии науки, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева. SPIN-код 8253-1270, ORCID ID 0009-0001-9917-8065; e-mail: v_noz@mail.ru

Information about the authors

Alexey M. Ulyanov, Postgraduate Student, Orel State University named after I.S. Turgenev. SPIN-code 4627-4209, ORCID ID 0009-0006-9247-3607; e-mail: lesh.ulyanov@yandex.ru

Tamara V. Seregina, Cand. Sci. (Philosophy), Associate Professor, Department of Logic, Philosophy and Methodology of Science, Orel State University named after I.S. Turgenev. SPIN-code 8253-1270, ORCID ID 0009-0001-9917-8065; e-mail: v_noz@mail.ru

Поступила в редакцию 15.06.2026
Принята после рецензирования 30.07.2026
Принята к публикации 01.09.2026

Received June 15, 2026
Revised July 30, 2026
Accepted September 1, 2026